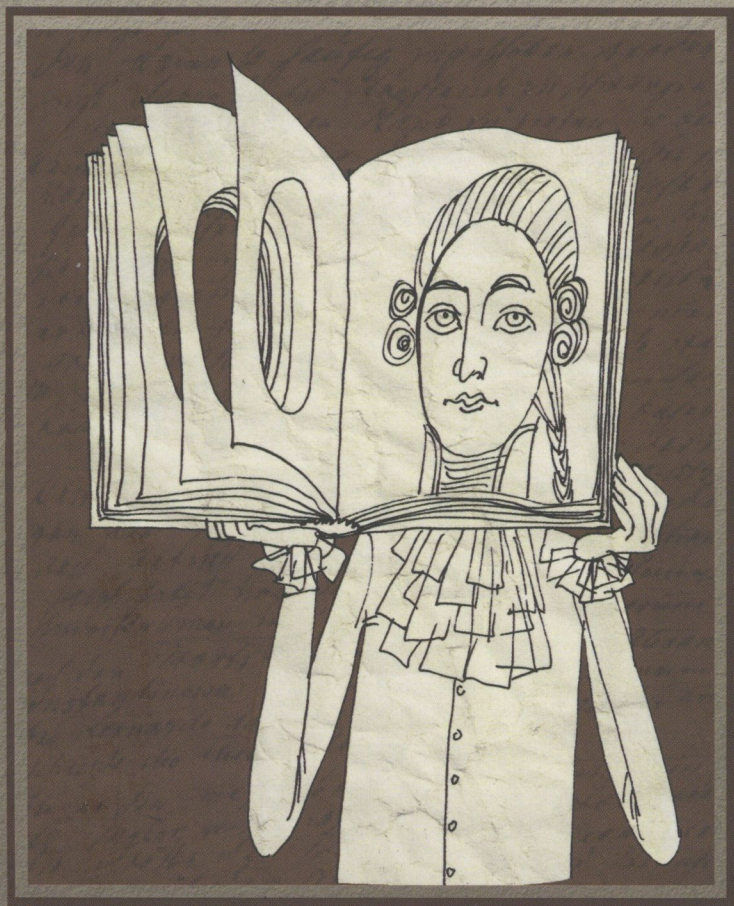

Книжные тайны, загадки, преступления

В. П. Мещеряков, М. Н. Сербул

Книжные тайны, загадки, преступления

научные развлечения

В. П. Мещеряков,
М. Н. Сербул

Книжные тайны, загадки, преступления

Научные развлечения

В. П. Мещеряков, М. Н. Сербул

**Книжные тайны, загадки,
преступления**

IDMI ♣

Издательский Дом Мещерякова
Москва
2011

УДК 930.85

ББК 76.10

М56

Мещеряков, В. П.

М56 Книжные тайны, загадки, преступления / В. П. Мещеряков, М. Н. Сербул. — М. : Издательский Дом Мещерякова, 2011. — 224 с. : ил. — (Научные развлечения).

ISBN 978-5-91045-270-5

Разве можно представить нашу жизнь без книг? Они сопровождают людей повсюду уже несколько тысяч лет. С ними связано множество любопытнейших историй: ловкого вора выдала сова, жившая в библиотеке; мальчик написал стихи за придуманного поэта; азартный коллекционер сжег редкую книгу; знаменитый писатель выдал свои сочинения за чужие; авантюристы дописали Гоголя и Мольера; автор «Робинзона Крузо» взял «интервью» у преступника, а Проспер Мериме одурачил Пушкина. Одни «книжные» истории похожи на настоящие детективы, другие вызывают улыбку, но все они оставили яркий след в истории.

УДК 930.85

ББК 76.10

ISBN 978-5-91045-270-5

© В. П. Мещеряков, М. Н. Сербул, 2009

© А. С. Сас, рисунки, 2010

© ЗАО «Издательский Дом
Мещерякова», 2011

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сегодня трудно представить нашу жизнь без книг. Самых разных: больших и маленьких, веселых и серьезных, со множеством иллюстраций и со всем «без картинок».

Книги сопровождают людей повсюду уже несколько тысяч лет. С ними связана масса любопытнейших фактов, о которых можно говорить бесконечно. Но мы не стремимся объять необъятное, поэтому расскажем только о самом интересном. О том, чего нет в школьных учебниках.

Как ни странно, именно книга порой способна основательно испортить репутацию какого-нибудь исторического лица или выдать глупость за бесспорную истину. Она может скрывать в себе забавный розыгрыш или мистификацию, давая ученым повод для долгих и ожесточенных дискуссий. Желание обладать книгой для заядлого коллекционера становится порой смыслом всей жизни и даже толкает его на преступление.

Тебе, дорогой читатель, предстоит узнать, что происходило с книгами разных стран и эпох, какие страсти разгорались вокруг них, какие тайны с ними связаны.

КТО И КОГДА ВСЕ ЭТО НАПИСАЛ, или КНИЖНЫЕ ЗАГАДКИ

Тайна «Слова»

Одно из самых загадочных произведений древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве».

Князь Игорь (Георгий) Святославич (1150–1202) правил в Новгороде-Северском и, как и все древнерусские князья, вынужден был постоянно отбиваться от наседавших со стороны степи кочевников-половцев. Несколько раз его походы заканчивались успешно. Но пришел «черный» 1185 год.

В конце апреля вместе с братом Всеволодом, сыном Владимиром, племянником Святославом и черниговским воеводой Ольстином Игорь отправился в очередной поход против «поганных».

На сей раз удача изменила русичам. Около шести тысяч воинов полегло в бою, а князь и его приближенные попали в плен.

«Слово о полку Игореве» было написано после этих событий, в конце XII века или даже позднее. Его автор, приводя в пример незадачливого князя, обращался к удельным владикам, каждый из которых думал только о своих владениях, тогда как Русская земля стонала от набегов кочевых орд. Неизвестный сочинитель взывал к единению

разрозненных сил, дабы захватчики не смели посягать на Русь.

Ни один автор не в силах предугадать дальнейшую судьбу своего произведения. А судьба «Слова», которому исполнилось уже более восьми сотен лет, оказалась полной загадок.

И вот первая: кто же был его автором?

Свои соображения на этот счет высказывали многие литературоведы, лингвисты, писатели и историки.

Д. С. Лихачев¹ писал: «Автор “Слова” мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского; он сочувствует и ему. Он мог быть черниговцем и киевлянином. Он мог быть дружинником: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Он, несомненно, был книжно образованным человеком и... вряд ли принадлежал к эксплуатируемому классу населения».

Но кто бы он ни был, произведение, написанное им, пошло «гулять» по книжному древнерусскому морю и стало своего рода «литературным эталоном» для летописцев последующих веков.

Однако в целом судьба «Слова» складывалась не слишком счастливо, и на его долю выпало немало злоключений.

Столетиями бушевали над деревянной Русью военные вихри, трещали в огне пожаров стены княжеских, боярских и монастырских хором, где хра-

¹ Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999) — выдающийся российский литературовед, специалист по культуре Древней Руси, академик.

нились копии рукописи. Стоит ли удивляться, что до XVIII века «дожил» лишь один чудом уцелевший экземпляр «Слова».

А. И. Мусин-Пушкин

Именно тогда специалисты начали наконец серьезно изучать древнерусское литературное наследие. Одним из первых собирательством книжных памятников занялся граф Мусин-Пушкин¹. Это его стараниями русская история обогатилась «Поучением Владимира Мономаха», «Русской правдой»² и другими важными историческими документами.

Но главное свое открытие Мусин-Пушкин сделал в начале 1790-х годов. Будучи обер-прокурором Синода³, граф имел доступ во многие монастыри, куда другим коллекционерам было трудно попасть. Порой он прибирал к рукам манускрипты, которые в монастырских хранилищах «находились в небрежении».

¹ Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744–1817) — русский историк, археограф.

² «Русская правда» — свод феодального права Древней Руси, составленный Ярославом Мудрым (ок. 978–1054) и расширенный его сыновьями. В своем «Поучении» великий князь Владимир Мономах (1053–1125) призывал сыновей укреплять единство Руси.

³ Святейший Синод — один из высших органов государственной власти в России в 1721–1917 годах, ведавший делами православной церкви. Его глава — обер-прокурор — назначался царем.

И вот в Спасо-Ярославском монастыре Мусин-Пушкин обнаружил один из «Хронографов» — литературный памятник XV–XVI веков, содержащий беллетризированное изложение мировой истории, преимущественно европейской. В состав «Хронографа» входил и последний сохранившийся экземпляр «Слова о полку Игореве». Дело в том, что «Хронограф» представлял собой так называемый конволют — сборник, составленный из различных рукописей, переплетенных в один том.

Каким образом граф завладел драгоценным манускриптом, история умалчивает. Важно другое: он сумел по достоинству оценить значение своей находки и оповестил об открытии всех, кто интересовался древней историей и культурой. Известно, что Н. М. Карамзин сделал из этой рукописи ряд выписок, а лично для Екатерины II была выполнена специальная копия «Слова».

Язык XII века сильно отличался от языка века XVIII; вдобавок к этому надо учесть, что в древности писали, не делая интервалов между словами, так что драгоценную рукопись пришлось в буквальном смысле расшифровывать. Задача была непростая, особенно для тех времен, поэтому Мусин-Пушкин, бывший всего лишь книголюбом, а не ученым, обратился за помощью к опытному архивисту и археографу¹ А. Ф. Малиновскому. Они совместно «перевели» «Слово» с древнерусского на русский и подготовили рукопись к изданию.

¹ *Археограф* — ученый, занимающийся изучением и подготовкой к изданию древних памятников письменности.

Наконец, в 1800 году адаптированное для массового чтения «Слово» стало доступным широкому кругу читателей.

Казалось бы, после многовекового забвения для шедевра древнерусской литературы наступила счастливая пора признания и изучения. Но тут грянула «гроза двенадцатого года», к Москве подошли войска Наполеона. Жители спешно покинули город, а потом начались пожары. В огне погибла и часть рукописей из собрания Мусина-Пушкина, в том числе и его самая драгоценная находка.

Гибель оригинальной рукописи и отсутствие других древних списков¹ «Слова» породили сомнения в его подлинности. Современники знали, что Мусин-Пушкин успел вывезти из Белокаменной перед вступлением в нее французов 32 воза с книгами, картинами и прочими ценностями. Почему же он оставил «Слово о полку Игореве»? Пошли слухи о том, что уникальная рукопись на самом деле была подделкой.

Но интерес к ней не угас. Впоследствии появились многочисленные стихотворные и прозаические переводы и переложения «Слова».

Были и курьезные случаи. В 1810 году неожиданно обнаружился манускрипт, вроде бы подтверждающий подлинность «Слова» — «Гимн Бояна Мстиславу». Однако вскоре выяснилось, что «Гимн» был подделкой, и довольно неуклюжей. А изготовил ее некто А. И. Сулакадзев, книголюб и коллекционер. По-настоящему ценные рукописи ему не попадались, и он не раз компенсировал свою невезучесть,

¹ *Список* — переписанная рукопись, копия.

подделывая в меру своих знаний и умений древние памятники, выдавая их за сенсационные находки.

Но об этом книголюбе со странностями мы еще расскажем чуть позже. А сейчас вернемся к «Слову».

Один предприимчивый московский купец решил на нем подзаработать. Он нанял какого-то умельца, мастерски имитировавшего древнюю скоропись¹, и «организовал» еще один экземпляр «Слова». При первом взгляде он показался подлинным даже А. Ф. Малиновскому, но при более детальном ознакомлении выяснилось, что это подделка.

Минуло более ста лет. «Слово о полку Игореве» прочно вошло в золотой фонд русской культуры. Его множество раз издавали, переводили, иллюстрировали, исследовали. Выросло целое поколение филологов и историков, основным предметом изучения которых было именно «Слово».

И вот в 1940 году неожиданно разразился скандал. Французский профессор-славист А. Мазон опубликовал ряд работ о «Слове», в которых подверг сомнению его древность и подлинность. Он утверждал, что рукопись создана не в XII или XIII веках, а в XVIII и явно вторична по отношению к

¹ *Скоропись* — курсивное письмо в старинных рукописях.

«Задонщине», литературному памятнику конца XIV века.

«Задонщина» дошла до нас в шести списках, самый ранний из которых относится к 70-м годам XV века.

До этого считалось, что «Задонщина», в которой речь шла о Куликовской битве¹, содержит переосмысленные сюжеты и поэтические образы «Слова».

А по версии Мазона, «Слово» было создано после «Задонщины», причем фальсификатор пересказал события XII века, опираясь на несохранившиеся летописные источники, которые в XVIII веке имел в распоряжении историк В. Н. Татищев². Авторство «Слова» французский ученый приписывал то Мусину-Пушкину, то архивисту Н. Н. Бантыш-Каменскому³, то настоятелю монастыря, где был обнаружен «Хронограф».

Отечественные литературоведы и историки расценили выступления Мазона как посягательство на культурные истоки России. Страсти закипели нешуточные. Список статей, в которых опровергались доводы француза, насчитывал не один десяток названий. Например: «Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве»» академика АН УССР Н. К. Гудзия (1950).

¹ В битве на Куликовом поле (1380) войско хана Мамай было разбито объединенным войском русских князей во главе с Дмитрием Донским.

² *Татищев Василий Никитич* (1686–1750) — русский историк и государственный деятель.

³ *Бантыш-Каменский Николай Николаевич* (1737–1814) — историк.

Но этим дело не закончилось. В 1963 году теперь уже русский профессор-историк А. А. Зимин выпустил книгу под названием «Слово о полку Игореве».

За год до этого Зимин заявил, что в рукописи встречаются анахронизмы¹ и фактические несоответствия и создана она была в XVIII, а отнюдь не в XII столетии.

Заявление наделало много шума. Позиция Зимина была расценена как вредная, книгу его предали уничтожению и забвению. На всякий случай оставили 2–3 экземпляра, заперли их в сейф и порой выдавали академикам или докторам наук.

А страсти со временем улеглись сами собой...

Впрочем, подобные необъяснимые факты в истории литературы — не редкость. Вот вам любопытный пример.

Загадка Гомера

Необычные родственники

«Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи, Старца великого тень чую смущенной душой», — писал А. С. Пушкин о бессмертных памятниках древнегреческой литературы — поэмах «Илиада» и «Одиссея», сочиненных античным поэтом Гомером.

Эти гениальные тексты, несомненно, положили начало всей европейской словесности. Но еще в IV—III веках до н. э. возник так называемый «гомеровский

¹ *Анахронизм* — ошибочное отнесение какого-либо события или факта к другому времени.

вопрос». Уже тогда античные филологи заподозрили, что две поэмы созданы... разными авторами.

Как же так? Ведь существовало восемь античных жизнеописаний Гомера. Среди их авторов великие греческие историки Геродот¹ и Плутарх². Но в этих жизнеописаниях все было как-то противоречиво и не слишком достоверно. Только право называться родиной Гомера оспаривали (и оспаривают по сей день) Афины, Аргос, Микены, Итака, Колофон, Пилос, Родос и др.

С годами жизни сказителя тоже не все понятно — где-то между XII и VII веками до нашей эры. И сама биография Гомера больше похожа на миф. Ведь среди его предков упомянуты мифологические певцы Орфей и Мусей³, а отцом был якобы и вовсе сам Аполлон⁴. Отцовство также приписывали Телемаху, сыну Одиссея и Пенелопы...⁵ А на роль матери выдвигали Метиду, Каллиопу⁶ и др.

¹ *Геродот* (V век до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Истории» в девяти книгах, содержащей описание греко-персидских войн (500–449 до н. э.).

² *Плутарх* (ок. 45 — ок. 127 н. э.) — греческий философ, политик и писатель-моралист, автор знаменитых «Параллельных жизнеописаний» (биографий 50 выдающихся греков и римлян) и ряда философских сочинений, историк.

³ Согласно мифу, *Орфей* своим чудесным пением очаровывал дикие силы природы, богов и людей. Был участником похода аргонавтов, спускался в Аид за своей умершей от укуса змеи женой Эвридикой. *Мусей* — ученик (или сын) Орфея, получивший в наследство его лиру.

⁴ *Аполлон* (Феб) — бог — покровитель искусств, сын Зевса, отец Орфея.

⁵ *Одиссей* (Улисс) — царь острова Итака, участник осады Трои, после долгих скитаний вернулся к своей верной жене *Пенелопе*.

⁶ *Метид*а — титанида, олицетворение мудрости, первая супруга Зевса. *Каллио*па — муза эпической поэзии.

Биографии Гомера содержат и другие не менее любопытные «факты». Он якобы лично был знаком со многими мифологическими персонажами. Музы вдохновили его на создание песен, и сам бог Дионис, который разговаривал со смертными только на языке поэзии, лично открыл сказителю красоту «божественного гекзаметра»¹.

Гомер много путешествовал по Греции, в основном по малоазийскому побережью, и нередко участвовал в поэтических состязаниях. В одной из биографий Гомера описана «детективная» история. У поэта украли его рукописи. Позже среди ученых разгорелись жаркие споры: написал ли их сам Гомер. Интересный вопрос, если учесть, что последний был слеп.

Сомнительное имя

А что означает имя «Гомер»? Опять загадка.

С одной стороны, оно считалось у греков именем собственным. Но его можно толковать и как имя нарицательное. На то есть веские основания. На эолийском диалекте слово «гомер» означает «слепой». Действительно, античные скульпторы всегда изображали его слепым. Но существуют и другие значения слова «гомер» — «пророк», «поэт».

¹ *Гекзаметр* — древнейшая форма стиха в античной поэзии.

Похоже, что в античности имя Гомера было собирательным. Ему кроме «Илиады» и «Одиссеи» приписывалось множество других произведений, составлявших репертуар древних поэтов-рапсодов¹.

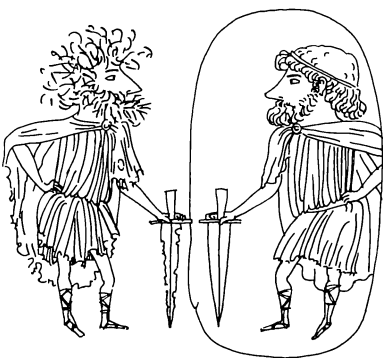
Только начиная с V века до нашей эры стали отделять «настоящего» Гомера от «ненастоящего».

Именно тогда «Илиаду», «Одиссею» и не дошедшую до нас пародийную поэму «Маргит» о героедурачке оставили за «настоящим».

Однако на этом история загадочного Гомера не завершилась, а скорее вошла в новую фазу.

Вопрос времени

Безусловно, «Одиссея» является продолжением «Илиады». Персонажи «Илиады», живые и мертвые, так или иначе фигурируют и в «Одиссее». В той и другой поэмах чувствуется рука гениального мастера, сумевшего обширнейший исторический и мифологический материал «уложить» в несколько

дней. В «Илиаде» десятилетняя Троянская война показана в рамках 51 дня, а десятилетнее возвращение Одиссея на родную Итаку освещается за последние 40 дней его путешествия к родным берегам.

¹ *Рапсоды* — исполнители эпических поэм на пирах и празднествах. Декламировали поэмы без музыкального сопровождения.

Но тут-то и кроется самая большая загадка.

Дело в том, что в «Одиссее» описаны значительно более поздние события, нежели в «Илиаде». Между ними проходит... минимум сто лет. «Илиада» являет картину позднеродового¹ общества, где царят законы первобытной военной демократии и еще используется бронзовое оружие. А «Одиссея» уже повествует о периоде подъема греческих городов с развитием торговли и мореплавания. Теперь неутомимый путешественник, «хитроумный», «многострадальный» и противоречивый Одиссей тоже заметно отличается по умственным способностям и нравственным качествам от монументальных, цельных и все же в чем-то примитивных героев «Илиады». Получается, что Гомер, досконально знавший обе эпохи и описавший перемены, произошедшие в мире за это время, прожил более ста лет.

Европейское Возрождение обратилось к античности, а она немыслима без Гомера. Вокруг его имени снова закипели страсти. В XVI веке опять встал «гомеровский вопрос». А однозначного ответа на него нет и по сей день.

Будет ли он найден? Скорее всего, нет. Да и так ли он нужен? Еще во II веке до нашей эры неизвестный греческий поэт высказался по этому поводу:

Ты не пытайся узнать — где родился Гомер и кем был он.
Гордо считают себя его родиной все города;
Важным является дух, а не место. Отчизна поэта —
Блеск «Илиады» самой, сам Одиссея рассказ.

¹ *Родовое общество* — первобытно-общинное, доклассовое общество.

Таинственный англичанин

Если сквозь века трудно различить фигуру гениального сказителя, то с великим «бардом»¹ Нового времени Шекспиром, казалось бы, всё должно быть ясно. Ведь на страницах многочисленных изданий сочинений знаменитого английского драматурга есть его портреты, по мотивам его биографии снят не один фильм. Но...

Загадочная биография

Еще в конце XVIII века редактор шекспировских текстов Джордж Стивенс признавался: «Всё, что мы знаем о Шекспире, — это то, что он родился в Стратфорде-на-Эйвоне, женился, родил детей, уехал в Лондон, там стал актером, написал пьесы и поэмы, вернулся в Стратфорд, составил завещание и умер».

Действительно, документально подтвержденных сведений о жизни Шекспира сохранилось чрезвычайно мало. Многие факты вообще подтверждаются только косвенно либо известны по позднейшим, весьма сомнительным рассказам. А потому в конце XIX века историки и литературоведы неожиданно выяснили, что у великого драматурга, оказывается, нет достоверной биографии. Так возник «шекспировский вопрос», по сей день остающийся без ответа. Суть его проста: «А писал ли стратфордский Шекспир шекспировские пьесы?»

¹ *Бард* — поэт и певец у древних кельтов, употребляется в смысле «поэт» вообще.

Кто автор шекспировских пьес?

Нет, в существовании третьеразрядного лондонского актера Уильяма Шекспира «антишекспиристы» не сомневались и не сомневаются. Но они утверждают, что его имя было кем-то куплено и стало чьей-то «литературной маской». Чьей же? Количество претендентов на авторство шекспировских творений на сегодняшний день перевалило уже за тридцать.

Здесь и замечательный драматург, современник Шекспира, Кристофер Марло¹, чья трагическая ранняя смерть странным образом пришлась на год появления на английской сцене первых шекспировских пьес. Здесь и целый отряд титулованных особ: английская королева Елизавета и шотландская королева Мария Стюарт, граф Дерби, граф Рэтленд, граф Оксфорд². Среди авторов шекспировских текстов называли и философа Фрэнсиса Бэкона³, и тоскующую в разлуке законную супругу Энн Шекспир, и даже некую монахиню Энн Уэтли...

¹ *Марло Кристофер* (1564–1593) — английский драматург, пьесы которого отличались антирелигиозным пафосом.

² *Мария Стюарт* (1542–1587) — королева Шотландии в 1560–1567 годах. Казнена за участие в заговорах против английской королевы Елизаветы. *Фердинандо Стэнли*, 5-й граф Дерби (1559–1594), английский лорд, покровитель театра в целом и конкретно Уильяма Шекспира. *Роджер Мэннерс*, 5-й граф Рэтленд (1576–1612) — один из образованнейших людей своего времени, магистр искусств. *Эдвард де Вер*, 17-й граф Оксфорд (1554–1604) — талантливый поэт, драматург и покровитель искусств.

³ *Бэкон Фрэнсис* (1561–1626) — английский ученый, философ, сторонник материализма и научного подхода, очищения разума от заблуждений, обращения к опыту.

«Антишекспиристы — журналисты, падкие на сенсации, всякого рода дилетанты от литературы! Они плохо знают шекспировскую эпоху, а их методы не выдерживают никакой критики!» — возмущаются, в свою очередь, некоторые сторонники стратфордского Шекспира. Но остановимся подробнее на гипотезе отнюдь не дилетанта — И. М. Гилилова, ученого секретаря Шекспировской комиссии при Российской академии наук, автора нашумевшей книги «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна великого Феникса». Насколько вески аргументы исследователя, судите сами.

Гилилов напрочь отказывает в авторстве всемирно известных произведений «заурядному актеру из Стратфорда-на-Эйвоне». Во избежание путаницы исследователь сразу оговаривается, что автором великих пьес, сонетов и поэм, кем бы он ни оказался, «останется Шекспир, что переводится как “Потрясающий Копьем”. А выходца из Стратфорда в церковных книгах при крещении и погребении записали Шакспером».

Почти двадцать лет исследователь изучал всё, что связано с «Шакспером-Шекспиром», но загадки только множились.

Первая загадка — портрет знаменитого драматурга.

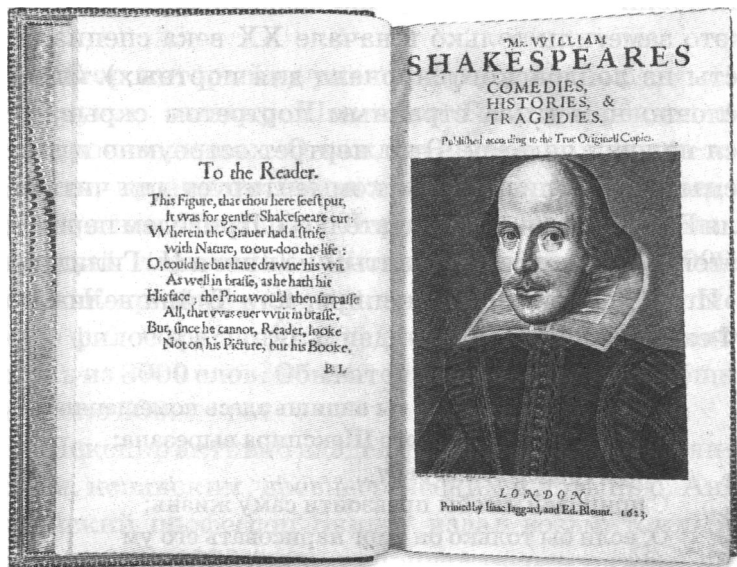
Странный портрет

Шекспировская эпоха была временем расцвета портретной живописи. До нас дошли изображения (полотна, гравюры, миниатюры, рисунки) знатных особ, а также поэтов, драматургов и актеров. Но ни

одного прижизненного достоверного портрета самого великого писателя эпохи так и не осталось, нет и указаний на то, что они вообще существовали.

Портреты, которые мы знаем, — всего лишь изображения его неизвестных современников или позднейшие подделки. Это доказано учеными.

Портрет в первом полном собрании сочинений Шекспира 1623 года, выполненный гравером Мар-

тином Дройсхутом, еще больше запутывает ситуацию. Лицо, больше похожее на маску, лоб огромный («как при водянке», отметил один шекспировед), плоское, торчащее в сторону ухо и будто приклеенные волосы. От мочки уха явственно видна резко очерченная линия, уходящая вниз под подбородок. Поскольку свет идет с разных сторон, эту линию

нельзя назвать контуром тени, зато она очень напоминает контуры маски. Огромная голова кажется отделенной от туловища плоским, напоминающим секиру или блюдо, плоеным¹ воротником.

Не менее странное впечатление производит и одежда. Неправдоподобно узкий кафтан, богато отделанный шитьем, никак не похож на одежду человека среднего сословия. И самое удивительное: одна половина кафтана показана спереди, другая сзади (это заметили только в начале XX века специалисты из лондонского журнала для портных). Здесь словно намек: за странным портретом скрывается не один человек. Этот портрет остроумно и двусмысленно описывает и комментирует для читателя Бен Джонсон² («К читателю»). Приведем перевод этого стихотворения, взятый из книги И. Гилилова «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна великого Феникса»:

Эта фигура, которую ты видишь здесь помещенной,
Была для благородного Шекспира вырезана;
В ней гравер вел борьбу
С природой, чтобы превзойти саму жизнь:
О, если бы только он смог нарисовать его ум
Так же хорошо, как он схватил
Его лицо; гравюра превзошла бы всё,
Когда-либо написанное на меди,
Но так как он не смог, то, читатель, смотри
Не на его портрет, а в его книгу.

¹ *Плоить* (от *франц.* *ployer* — сгибать) — делать из какого-либо материала ряды параллельных складок.

² *Бен Джонсон* (около 1573–1637) — английский поэт и драматург, соратник Шекспира.

Исследователи обратили внимание на то, что английское *has hit his face* (нашел, схватил его лицо) произносится почти как *has hid his face* (скрыл, спрятал его лицо). Получается, что Джонсон хвалит художника за то, что тому удалось изобразить превосходную маску, скрывающую подлинного автора, подлинного великого барда, но так как на рисунке невозможно изобразить его ум, то читателям остается лишь изучать его произведения.

Автор, который не умел писать

Другую загадку Шекспира Гилилов увидел в его произведениях. О каждом авторе можно что-то узнать, проанализировав его тексты. Каким предстает в них Шекспир? Перед нами человек, обладающий гигантским лексиконом почти в 20 000 слов. К примеру, словарь его современника, великого философа-энциклопедиста Ф. Бэкона, состоит лишь из 8000 слов. Обывателю того времени вообще хватало 500.

Шекспир активно владел французским, итальянским, испанским, древнегреческим и латынью. Английский профессор Буллоу издал восьмитомный труд, где на 4000 страниц привел тексты из книг на разных языках, которые знал и использовал Шекспир. Драматург обладал доскональными познаниями в морском и военном деле, юриспруденции, философии, музыке, медицине, орнитологии, ботанике, географии.

Получить подобное образование в университетах и от домашних учителей было по карману лишь отпрыскам очень богатых семей. Шекспир проявил

удивительную осведомленность в вопросах придворной жизни того времени.

Эти знания не могли быть обретены заочно. Он знал итальянские города Падую, Верону, Милан, Мантую, Венецию не понаслышке и не по книгам. Специалисты констатируют, что не было области человеческой деятельности того времени, которую бы не затронул Шекспир.

И вместе с тем, продолжает исследователь, нам даже не известно, умел ли Шакспер читать-писать. Биографы предполагают, что он, наверное, посещал городскую грамматическую школу. Но и об этом нет

никаких свидетельств. Точно установлено, что родители Шакспера подписывались крестиками. А когда у него уже была своя семья, то его жена и дети грамоты не знали. Факты вопиющие для биографии гения. Хотя в те времена половина мужчин и 90 процентов женщин были неграмотными. Это считалось нормальным. Ни книг, ни ру-

кописей после Шакспера не осталось, равно как и свидетельств, что они у него когда-либо были. И ни один биограф не спорит с тем фактом, что Шакспер никогда не покидал пределов Англии и никогда не был в Италии.

В Лондоне Шакспер занимался мелким ростовщичеством и входил пайщиком в театральную компанию. Жестоко преследовал по суду своих должников: аптекаря и кузнеца. Откупил право «выбивать» у окрестных фермеров церковную десятину¹. Странное занятие для поэта и драматурга. Интересно, что в его очень подробном завещании нет никакого упоминания о рукописях и библиотеке. В завещании, типичном для зажиточного горожанина-ростовщика, упоминаются все вещи, которые так или иначе принадлежали Шаксперу, но там нет места главному — его великому духовному наследию.

До нас не дошло ни одной авторской рукописи Шекспира, если не написанной им самим, то хотя бы собственноручно им подписанной. Шесть подписей Шакспера, которые есть в распоряжении исследователей, свидетельствуют, что этот человек был не приучен к письму, он писал «как курица лапой», что весьма странно для того, кто исписал за свою жизнь тысячи страниц. И все эти автографы исключительно под деловыми бумагами — под купчей, закладной, исковым заявлением, завещанием. Гилюлов обращает внимание на «чудовищную, невиданную в мировой культуре пропасть между гением и провинциальным дельцом, в лучшем случае малограмотным, о котором нет никаких свидетельств, что он имел отношение к искусству».

И странности продолжают множиться.

¹ *Церковная десятина* — десятая часть дохода, взимавшаяся церковью с населения в свою пользу.

Так кто же был Шекспиром?

Любопытно, что смерть Шакспера из Стратфорда осталась незамеченной современниками — на смерть Великого Барда не отозвался ни один из его почитателей, поэтов, драматургов и т. п. А когда в 1623 году, через семь лет после смерти Шакспера, вышло первое полное собрание сочинений Шекспира (Великое фолио), там впервые появилось 20 новых пьес. Где эти рукописи столько времени хранились? И почему после издания они снова бесследно исчезли? Кроме того, в некоторых пьесах видны следы событий, имевших место уже после смерти Шакспера.

«Так кто же был Шекспиром?» — задался вопросом шекспировед.

Если бы это был один человек, его бы давно, думается, вычислили. Следы приводят к разным людям. Один словарный запас Шекспира убеждает в том, что под этим именем трудилось не одно перо. Вероятно, что некое сообщество выработало общую стилистику, но и каждый привносил что-то свое. Гирилов считает, что самая значительная часть сочинений Шекспира принадлежит перу Роджера Мэннерса, 5-го графа Рэтленда, слывшего странным и болезненным человеком, и его жены Элизабет, дочери известнейшего поэта Филипа Сидни¹ — женщине выдающихся дарований, о которой сам Бен Джонсон писал, что она унаследовала от своего отца, «богоподобного Сидни», его любовь к музам, его искусство. Приближенный ко двору, ученик Бэкона, выпуск-

¹ *Сидни Филип* (1554–1586) — английский писатель и поэт.

ник Кембриджа Рэтленд продолжительное время жил в Италии, обучался в Падуанском университете, где в студенческих списках значатся, между прочим, датчане Розенкранц и Гильденстерн — герои «Гамлета».

Установлено, что в 1603 году граф Рэтленд был послан с дипломатической миссией в Данию. А вскоре была издана вторая редакция «Гамлета», где появились подлинные картины жизни датского двора. Рэтленд умер в 1612 году после тяжелой и продолжительной болезни, а через неделю после его похорон Элизабет Рэтленд добровольно ушла из жизни, приняв яд.

И сразу Шекспир «перестал писать», хотя до смерти Шакспера оставалось еще четыре года. Есть и другие странные совпадения по времени. Например, Великое фолио (первое издание сочинений) должно было выйти на десятилетие смерти этой супружеской пары и лишь в силу случайных причин было издано в 1623 году, а второе фолио — в 1632 году.

Можно спросить: зачем же Рэтленду и его команде было скрываться за маской и отдавать лавры мировой славы малограмотному ростовщику?

По мнению исследователя, это была тщательно подготовленная и успешно осуществленная литературная игра. В своей книге Гилилов привел пример подобной игры, длившейся 10 лет и впоследствии раскрытой. Схема сходная: в окружении Рэтленда сочинили несколько книг и приписали их перу полусумасшедшего пьяницы, которого выставили за великого человека (кстати, прием подобного розыгрыша лежит в основе шекспировской комедии

«Укрощение строптивой»). Читатель был в недоумении. А виновники от души потешались.

Странные развлечения, скажем мы...

«Таковыми были нравы, — не без основания отвечает Гилилов. — А потом, смотрите, четыре столетия мир играет в игру о Шекспире. И сколько еще будет играть! У авторов этой игры были неограниченные возможности, чтобы сохранить тайну. Но не все следы им удалось замести...»

Шум вокруг «Тихого Дона»

Гомер, автор «Слова о полку Игореве», Шекспир... Разные эпохи, разные страны, разные люди — и один вопрос: кто же они? А в двадцатом веке? Казалось бы, есть вездесущие журналисты и специалисты-литературоведы. Разве установление авторства в наше время может быть проблемой? Оказывается, может!

Доказательством тому служит долгая, почти детективная история, в центре которой — всемирно известное произведение, удостоенное Нобелевской премии¹. Речь идет о «Тихом Доне» М. А. Шолохова. Для того чтобы разобраться хотя бы в основных хитросплетениях интриги, придется начать с ключевых моментов его биографии.

¹ *Нобелевские премии* — ежегодные международные премии, учрежденные шведским инженером-химиком, изобретателем и промышленником Альфредом Нобелем (1833–1896). Согласно его завещанию, присуждаются ежегодно за научные открытия, литературные труды и деятельность по укреплению мира.

Юный писатель

Печататься Шолохов начал в 1922 году (рассказы и фельетоны). За плечами у него было всего 18 лет, проведенных отнюдь не в литературной среде, четыре класса образования и жизненная школа — участие в жестокой Гражданской войне на Дону. Потом юноша перебрался в Москву, намереваясь продолжить образование на рабфаке¹, но его не приняли как не состоявшего в комсомоле.

Первые рассказы Шолохова, посвященные событиям Гражданской войны, к 1925 году составили сборник «Донские рассказы». Книга была послана на отзыв автору «Железного потока» А. С. Серафимовичу², который тоже был родом с Дона. Серафимович сразу

М. А. Шолохов

же распознал в молодом авторе немалый талант и написал к его книге предисловие, в котором отметил «огромное знание» материала и «тонкий схватывающий глаз». И в дальнейшем он оказывал Шолохову поддержку при затруднениях с публикацией «Тихого Дона».

¹ *Рабфак* — рабочий факультет, учебное заведение в 1919–1940-х годах, готовившее для поступления в институт молодежь, не имеющую среднего образования.

² *Серафимóвич (Попов) Александр Серафíмович* (1863–1949) — русский советский писатель.

Талант или плагиат?

Выход первых двух книг этого романа в 1929 году сопровождался огромным читательским интересом, а также... недоброжелательными слухами и злыми сплетнями. Поговаривали, что двадцатипятилетний казак, не имеющий даже гимназического образования, никак не может быть автором столь глубокого и масштабного произведения. «Тихий Дон», конечно же, написан кем-то другим, а Шолохов всего лишь присвоил чужую рукопись.

В конце концов именитые писатели — Серафимович, Фадеев и другие — выступили в газете «Правда» с коллективным письмом в защиту Шолохова. В нем говорилось: «Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении. Всякий, даже неискушенный в литературе читатель, знающий созданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для тех его ранних произведений и для “Тихого Дона” стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей. Пролетарские писатели, работающие не один год с товарищем Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над “Тихим Доном”, материалы, которые он собирал и изучал, работая над романом, черновики его рукописей. Никаких материалов, порочащих товарища Шолохова, нет и не может быть в указанных выше учреждениях, потому что материалов таких не существует в природе».

Это был первый, так сказать, «пристрелочный» залп по Шолохову. Через год нападение повторилось. Теперь возникла и фигура, у которой Шоло-

хов якобы «позаимствовал» «Тихий Дон», — некий С. Голоушев. До революции он посещал различные литературные кружки и был знаком со многими писателями, а в 1917-м и сам взялся за перо, написав очерки под общим названием «Тихий Дон».

К счастью для Шолохова, довольно скоро установили, что одноименный очерк Голоушева, скончавшегося в 1920 году, был напечатан в газете «Народный вестник» в объеме всего лишь нескольких страниц и ничего общего меж ним и шолоховским романом, кроме заглавия, при всем желании усмотреть невозможно.

Особенно много мытарств выпало на долю третьей книги «Тихого Дона». В ней описывалось чрезвычайно важное для сюжета и опасное в политическом смысле Вёшенское восстание¹. Редакторы предлагали исправить или сократить ряд мест в романе, настаивали на смягчении многих сцен. Шолохов ни на какие компромиссы идти не желал.

Помог дальнейшему продвижению романа А. М. Горький. Ему удалось ознакомить с шолоховской рукописью самого Сталина, который тогда еще откликался на подобные просьбы, и последний дал роману «добро».

Итак, третья книга «Тихого Дона» в 1932 году начала печататься на страницах журнала «Октябрь». Сталинское вмешательство решило и дальнейшую судьбу книги. Ее четвертая часть публиковалась в

¹ В начале марта 1919 года в Верхнедонском округе вспыхнуло восстание казаков против расказачивания, получившее название «Вёшенское восстание».

1937, 1938 и 1940 годах. А весной 1941 года Шолохову была присуждена Сталинская премия 1-й степени, и «Тихий Дон» был признан классическим произведением.

Пропавшая рукопись

Все эти годы Шолохов прожил в родной станице Вёшенской. С первых дней войны он ушел на фронт в качестве военного журналиста, а в тревожные дни лета 1942-го, когда немцы прорывались к Дону, он ненадолго приехал в Вёшенскую, чтобы сохранить свой архив. Главная часть его была помещена в ящик, обитый железом, и сдана на хранение в местное отделение НКВД, но еще много бумаг осталось и в доме.

Перейти Дон фашистам не удалось, однако Вёшенская пострадала от бомбежки и артобстрела. В шолоховский дом угодила бомба, от осколков которой погибла мать писателя. Оказался уничтоженным и почти весь архив, уцелела всего пара десятков страниц последних глав «Тихого Дона». В сумятице сгинул без следа и ящик, сданный на хранение.

Через двадцать лет после окончания войны Шолохов стал лауреатом Нобелевской премии, а еще через два десятилетия опять встал вопрос авторства.

В 1974 году в Париже вышла книга Томашевской-Медведевой¹ «Стремя “Тихого Дона”», возродившая давние слухи о присвоении Шолоховым чужой рукописи. Был назван и «истинный» автор романа — Ф. Д. Крюков (1870–1920).

¹ *Томашевская-Медведева Ирина Николаевна* (1903–1973) — литературовед, историк.

Кандидатура эта казалась более подходящей. Крюков — исконный казак, имел высшее филологическое образование. Еще студентом он публиковал заметки и рассказы о донской старине.

По версии Медведевой-Томашевской, «Тихий Дон» создал именно Крюков, а Шолохов лишь воспользовался его рукописями. А поскольку с 1969 года Шолохов ничего не публиковал (его недоброжелатели не упоминали о том, что писатель был серьезно болен и мужественно боролся с недугом), версия о плагиате казалась убедительной.

Для тех, кто сомневался в авторстве Шолохова, задачей номер один стало отыскать рукописи «Тихого Дона», которые могли бы разрешить все сомнения. Но сохранились ли они, ведь архив писателя был уничтожен во время войны?

Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ АН СССР) начал поиски, исходя из того, что среди близких друзей Шолохова был В. Кудашов¹. Именно ему писатель доверил хранить большую часть рукописей романа после первых слухов о плагиате. У Кудашова они и находились до начала войны. Но в первые дни июля 1941 года он ушел в ополчение и пропал без вести, успев прислать родным несколько писем, в которых беспокоился о судьбе доверенного ему шолоховского архива. В этом направлении и начались поиски.

Между тем в 1993 году старая песня зазвучала на новый лад: «Тихий Дон» написал... Серафимович!

¹ *Кудашов Василий* — в 20-е годы возглавлял литературный отдел редакции «Журнала крестьянской молодежи».

Доказательства? Пожалуйста... И в «Железном потоке», написанном Серафимовичем, и в «Тихом Доне» довольно часто встречаются одни и те же слова и словосочетания, причем большинство из них присутствует у Серафимовича на протяжении всего его творческого пути. И Серафимович, и Шолохов часто прибегают к инверсии¹. Судьба командира в «Железном потоке» весьма похожа на судьбу офицера Мелехова.

Между тем журналист Л. Е. Колодный в 1990-х годах обнаружил, что рукописи «Тихого Дона» по-прежнему хранятся у наследников Кудашова. Переговоры шли трудно и заняли годы, но рукописи «Тихого Дона» все же обрели постоянное пристанище в Институте мировой литературы в 2000 году. В итоге вопрос об авторстве наконец был снят.

Великий роман, на долю которого выпали долгие и тяжкие испытания, с честью их пережил.

¹ *Инверсия* — изменение обычного порядка слов в предложении для придания ему особого смысла.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Святополк Окаянный, Ричард III, Борис Годунов... Что объединяет этих людей? Репутация венценосных злодеев, чей путь во власть отмечен кровавыми преступлениями.

Впрочем, если рассматривать их как обычных властолюбцев, будет очевидно, что действовали они вполне в духе своего времени. Вся история человечества наполнена леденящими душу историями убийств, ослеплений и пленений разных претендентов на тот или иной престол, причем чаще всего к этому оказывались причастны их не менее честолюбивые родственники. И хотя все страшные деяния описаны в хрониках, летописях и исторических трудах, в народной памяти почему-то далеко не за всеми венценосными злодеями закрепилась дурная репутация. А кому-то повезло меньше, их имена навеки покрыты позором, причем далеко не всегда заслуженно.

И вот вам пример того, как литература влияет на наше представление об истории.

Кто убийца, или Древнерусский детектив

Предыстория

По поводу самой знаменитой нашей летописи — «Повести временных лет» (начало XII века) большой

знаток древнерусского летописания А. А. Шахматов (1864–1920) в свое время сказал: «Рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы».

Сама «Повесть» не раз редактировалась по велению киевских князей. Сегодня историки почти всегда могут назвать причины, которыми руководствовался тот или иной правитель, отдавая очередное указание. Но даже спустя тысячу лет они не способны с полной уверенностью сказать, кто же на самом деле убил сыновей князя Владимира I Святославича — Бориса и Глеба.

«А разве это неизвестно?» — воскликнет читатель, знакомый с историей Киевской Руси. Ведь в летописной повести, а также в житийном цикле о гибели братьев ясно сказано: во время ожесточенной междоусобной войны, разгоревшейся в 1015 году вокруг киевского престола после смерти великого князя Владимира, сыновья его Борис и Глеб пали жертвой преступного заговора своего брата Святополка.

Историками доказано, что рассказ об их гибели (в летописи он называется «Об убиении Бориса») — более поздняя вставка. Как и когда он попал в «Повесть временных лет»? Есть мнение, что его источником стало анонимное «Сказание о святых мучениках Борисе и Глебе», написанное примерно в 1072 году — почти одновременно с их официальной канонизацией¹.

¹ *Канонизация* — причисление какого-либо исторического лица к лику святых.

Итак, после смерти князя Владимира один из его сыновей — князь Святополк (вероятно, неродной, но признанный Владимиром после женитьбы на его матери), захватил великокняжеский престол и замыслил убить своих братьев, чтобы единолично «принять власть русскую».

Первая жертва

Первой жертвой стал ростовский князь Борис, любимый сын Владимира. Последний незадолго до своей смерти послал сына с дружиной против печенегов. Когда до Бориса дошла весть о смерти отца, его дружинники предложили немедленно начать борьбу за отцовский престол. Но Борис заявил, что не будет претендовать на Киев, так как почитает своего старшего брата Святополка вместо отца. Услышав это, дружина покинула князя, а сам он остался со слугами в степи оплакивать родителя.

С этого момента события в «Сказании» развиваются вопреки логике и здравому смыслу. Казалось бы, Святополк должен радоваться: главный соперник сам отказался от власти и остался без дружины. Но вместо того, чтобы начать борьбу с реальными противниками (например, с Ярославом), Святополк все свое внимание и энергию направляет на уничтожение Бориса.

Он посылает последнему письмо, в котором обещает заменить ему отца, затем направляется в Вышгород, где подговаривает местных бояр убить Бориса. Здесь рассказ достигает наибольшего драматизма. Убийцы, приблизившись к лагерю Бориса,

слышат, что он, несмотря на глубокую ночь, бодрствует — поет церковные гимны, зная, по словам автора, что его «хотят погубить». После завершения долгих и пространных молитв, которые продолжаются всю ночь и утро, убийцы поражают князя и его слуг копьями. Тело князя они заворачивают в шатер и везут к Святополку. По пути еще дышащего Бориса добивают посланные Святополком варяги.

Но Святополк не удовлетворен пролитой кровью, он хочет уничтожить остальных братьев. Однако опять выбирает незначительных соперников — Глеба и Святослава, не играющих существенной роли в борьбе за власть.

Вторая жертва

Как и в истории с Борисом, новые жертвы смиренно принимают свою участь.

Глеб, получив от Святополка лживое послание о том, что отец болен, отправляется в Киев с небольшой дружиной. По дороге останавливается в Смоленске. Сначала к Глебу прибывает посланник от Ярослава, который, зная о гибели Бориса, предупреждает князя об опасности. Но Глеб, как и старший брат, вместо того чтобы спастись от врагов или защищаться, принимается неспешно оплакивать своих родственников и молиться за них. Тем временем в Смоленск приходят люди Святополка и убивают князя. При этом непонятно, где была в это время дружина Глеба.

Следующей жертвой Святополка стал Святослав. Узнав о злодеяниях киевского князя, он попытался

убежать в Венгрию, но слуги Святополка настигли его в Угорских горах¹.

Третья жертва

Третье преступление Святополка изложено почти в протокольном стиле, без канонических житийных витиеватостей, придающих Святославу ореол мученика. И это понятно, ведь его, в отличие от Бориса и Глеба, в будущем не причислят к лику святых.

Но убийца правил недолго. За смерть братьев решил отомстить Ярослав, впоследствии прозванный Мудрым. На реке Альте он дал бой «братоубийце Каину». Войско Святополка было разбито, а сам князь бежал в Польшу. По дороге он впал «в смятение ума». «Бес на него напал, — объяснил автор «Сказания», — и расслабло его тело так, что не мог на коне сидеть». Несли

Святополка на носилках, и ему постоянно чудилась погоня. Так и умер он в муках где-то между Польшей и Чехией, а от могилы, по уверению книжника, до сего дня исходит смрад.

Ярослав же принял киевский престол и повелел найти тела благочестивых Бориса и Глеба (Свя-

¹ Угорские горы — Карпаты. Угры — венгры.

тослав такой чести не удостоился). Тела убиенных братьев, как и полагается великомученикам, оказались нетленными. Похоронили их в Вышгороде, а на могилах «приходящие из всех стран черпают безвозмездное исцеление».

Но стоит ли безоговорочно верить автору «Сказания»? На протяжении ряда веков сочинения о гибели Бориса и Глеба не подвергались сомнению. И лишь в начале века XX эта история была пересмыслена.

Дедуктивный метод в действии

Как всегда, встал вопрос: «Кому выгодны совершенные убийства?» Действительно, а кому была выгодна смерть братьев? Почему Святополк вел себя так нелогично, устраняя конкурентов на пути к киевскому престолу?

Ярослав Мудрый

Современные исследователи реконструировали события тысячелетней давности. В результате получилось, что наиболее вероятным организатором убийств Бориса и Глеба является сам Ярослав.

Все знают Ярослава как выдающегося политического деятеля, чьи заслуги в градостроительстве, просвещении, укреплении международного статуса Киевской Руси трудно переоценить. Но насколько он был щепетилен в выборе средств политической борьбы?

Известно, что еще при жизни Владимира Ярослав был готов выступить против отца с оружием. А в 1036 году, обеспечив себе полную власть на Руси (за исключением Полоцкого княжества), отправил в темницу своего единственного оставшегося к тому времени в живых брата Судислава (тот просидел в заключении 24 года!).

Академик Б. Рыбаков¹ обратил внимание на то, что имя этого князя, превознесенного в летописях, в народных преданиях никак не отразилось: «Не удивительно, что народ совершенно обошел молчанием своеобразную фигуру хромоногого, трусливого, но властолюбивого князя, опиравшегося на наемное войско и готовившего народу суровые статьи княжеского закона. Имени Ярослава нет в былинах».

Любопытно и то, что среди многочисленных сыновей и внуков Ярослава нет ни одного с именами Бориса и Глеба, а также их христианских патронов Давида и Романа.

Итак, если согласиться с тем, что Ярослав, а не Святополк, «преступил заповедь отню» (порядок престолонаследия), то ему, сильному киевскому правителю, важно было скрыть преступление, приписав его кому-то другому. Такой удобной фигурой как раз и оказался Святополк, сгинувший где-то за пределами Руси.

Умный и прагматичный Ярослав сумел придать смерти братьев важный религиозно-политический смысл. Парадокс, но Борис и Глеб, открывшие пан-

¹ Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) — российский археолог и историк, академик.

теон русских святых, попали туда по причинам политическим, не имеющим никакого отношения к вере. Канонизация братьев-князей давала борьбе Ярослава за власть нравственное обоснование, которого не было у его отца Владимира Святославича в период его борьбы за киевский престол.

Возник образ харизматичного вождя, правого в своих действиях, признанного народом и церковью, со своими небесными покровителями — Борисом и Глебом. Культ братьев-мучеников, окончательно сложившийся во второй половине XI столетия, оказался чрезвычайно выгоден и потомкам Ярослава. Он не только прославлял их отца, но и освящал право всего Ярославова «племени» на управление страной.

Гениальный текст — «Сказание о Борисе и Глебе» — закрепил эту идею в народном сознании. Трагический сюжет об убийстве святых братьев требовал злодея, и Святополк идеально подходил на эту роль. Отныне прозвище «Окаянный» позорным клеймом навеки выжжено на имени приемного сына князя Владимира.

Убийства по-английски

Сила слова, или Испорченная репутация

Святополк Окаянный — далеко не единственная жертва «литературного навета». Его история удивительным образом совпадает с историей Ричарда III. Тот же самый «династический сюжет», та же подтасовка на уровне исторической хроники.

И наконец, гениальный текст — трагедия Шекспира «Ричард III», закрепившая в сознании потомков образ злодея, детоубийцы, узурпатора английского престола, физического и морального уроды.

Огромный успех этой пьесы у современников Шекспира подтверждается тем, что она с 1597 по 1623 год издавалась шесть раз — больше, чем какая-либо другая пьеса! Успеху пьесы способствовала популярность сюжета. В народной памяти прочно укоренился образ злодея на троне, получившего заслуженное возмездие. Во

Ричард III

времена Шекспира о нем рассказывались байки и пелись народные баллады. Чего стоит само заглавие первого издания пьесы: *«Трагедия о короле Ричарде III, содержащая его предательские козни против брата его Кларенса, безжалостное убийство его невинных племянников, злодейский захват им престола, со всеми прочими подробностями его мерзостной жизни и вполне заслуженной смерти»!*

Не название, а обвинительное заключение.

Шекспировский Ричард III, по определению Белинского — «чудовище злодейства», автор сценария и режиссер кровавого спектакля, в котором он сам исполняет главную роль. Все важнейшие события пьесы — женитьба на Анне, вдове принца Уэльского Эдуарда, павшего жертвой Ричарда; убийство

брата; методичная расправа с родственниками короля; убийство наследников престола — малолетних племянников Ричарда; наконец, восшествие Ричарда на престол — развиваются по плану, четко разработанному его злодейской мыслью.

Перед нами талантливый лицедей, который при всей отвратительности внешнего облика (он хром и горбат) обладает каким-то артистическим гипнотизмом, отрицательным обаянием. «Кулак нам — совесть, а закон нам — меч» — вот она, формула жизненного успеха злодея. При всей нереальной грандиозности злодеяний Ричарда мы верим в реальность этого персонажа. Гений Шекспира убеждает нас в его жизненности и достоверности.

Ведется следствие

Почему же Шекспир так уверен, что Ричард III — кровавый преступник и узурпатор? Основной источник информации — историческая хроника Холиншеда¹ (1578), в которую практически полностью включено жизнеописание Ричарда III, составленное знаменитым гуманистом, автором «Утопии», канцлером Генриха VIII Томасом Мором².

И вот здесь начинается самое интересное.

Откуда у Томаса Мора изобличающие сведения о Ричарде III? Был ли он свидетелем его злодеяний? Нет. В год низвержения Ричарда Мору было всего

¹ *Холиншед Рафаэль* (?–1580) — английский хронист.

² *Мор Томас* (1478–1535) — английский государственный деятель и писатель, основоположник утопического социализма. Казнен за отказ признать короля главой англиканской церкви.

пять лет. Главным информатором Мора стал лорд-канцлер Джон Мортон, архиепископ, взявший юного Томаса в свой дом и воспитавший его.

Да и вообще, был ли Томас Мор автором «Истории Ричарда III»? Жизнеописание Ричарда приписали Мору потому, что нашли его в архиве писателя. Но текст всего лишь являл собой незаконченную копию какого-то неизвестного сочинения, сделанную рукой Томаса Мора.

Возможно, сей труд принадлежал Джону Мортону. Кто же такой Джон Мортон? Этот прелат, выведенный, кстати, в шекспировской хронике под именем Мортона, епископа Илийского, был душой заговора еще до коронации Ричарда III. После разоблачения Мортон был вынужден бежать во Францию.

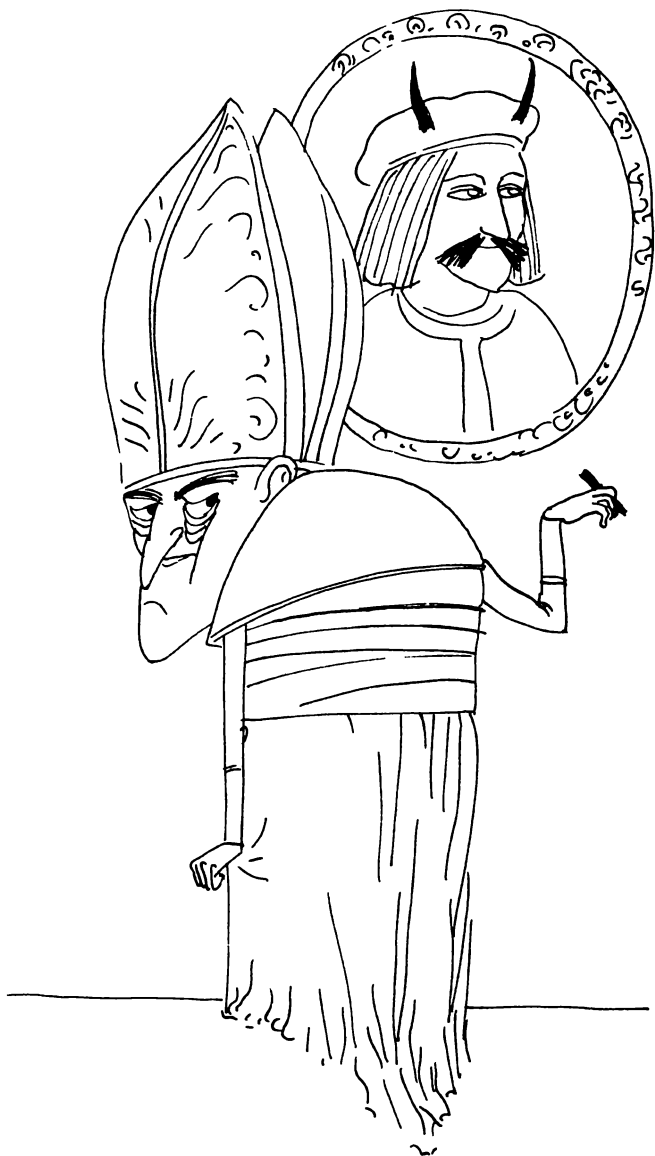
Для Мортона свержение Ричарда было делом жизни и смерти. Пока тот сидел на троне, он и думать не мог о карьере. Выступив против Ричарда, Мортон лишился всего. А вот Ричмонд¹, которому Мортон помог захватить английский престол, сделал его архиепископом Кентерберийским, а потом и кардиналом.

Слово берет адвокат

Английская писательница Джозефина Тэй решила реабилитировать Ричарда III в глазах широкого читателя и сделала это остроумно и элегантно. Она написала повесть «Дочь времени», в которой детектив Алан Грант попадает с переломом ноги на

¹ *Ричмонд* — будущий король Генрих VII.

Ричард III

больничную койку. И от скуки расследует убийство Ричардом III своих малолетних племянников — прямых наследников престола — Эдуарда, принца Уэльского, и Ричарда, герцога Йоркского. Читатель вместе с Грантом знакомится с различными историческими источниками и, опираясь на железную логику детектива, приходит к неожиданным выводам: история о Ричарде-злодее и убийце — чистейшей воды вымысел.

В первую очередь Ричард III реабилитирован в самом страшном преступлении — убийстве детей. Оказывается, в устранении племянников как препятствия к трону не было никакого смысла. Они не были наследниками английского престола! Дело в том, что эти дети Эдуарда IV были незаконнорожденными. Об этом в 1485 году английскому парламенту, предъявив неопровержимые доказательства и свидетелей, сообщил Роберт Стиллингтон, епископ Батский, бывший при Эдуарде IV лордом-канцлером.

Пока Эдуард был жив, Стиллингтон молчал, но после его смерти, когда речь зашла о наследниках престола, он не стал скрывать эту тайну.

Претендовать на престол мог другой племянник Ричарда — Эдуард, граф Уорвик, законный сын его брата Георга. Но именно его Ричард провозгласил своим наследником после смерти собственного единственного законного сына.

В результате дети Эдуарда были объявлены незаконнорожденными, а право Ричарда на корону было подтверждено и поддержано всей английской знатью.

Спустя год, как только Ричмонд стал королем Генрихом VII, он тут же приказал уничтожить и оригинал, и все копии акта о престолонаследии.

Возникает ряд вопросов. Например, где в момент обнародования указа находятся маленькие сыновья Эдуарда? Согласно сочинению Томаса Мора (или Мортон?), они уже убиты. Но почему тогда их мать вместе с дочерьми окружена вниманием Ричарда III и даже получает от него пенсион, почему она дарит дружеским расположением убийцу своих детей?

И наконец, самый главный вопрос: почему Ричмонд, получив английский престол, не выдвинул против Ричарда главный козырь — убийство малолетних наследников?

Генрих нуждался в любом, даже самом незначительном подтверждении своего права на трон, поскольку являлся всего-навсего праправнуком незаконнорожденного сына младшего сына короля и был непопулярен в народе. Он бы не упустил возможности очернить Ричарда.

Из этого можно сделать только один вывод: тогда мальчики были еще живы.

История об ужасной гибели детей от рук убийц, посланных Ричардом, появится позже. А до этого, спустя полтора года после восшествия на престол и женитьбы на сестре юных принцев, Генрих распорядится постричь в монахини их мать Елизавету Вудвилл.

Кстати, тогда это вызвало всеобщее недоумение. Но Генрих объяснил, что Елизавета была наказана... за хорошее отношение к Ричарду! Но почему расправа совершилась только спустя полтора года

после коронования, почему до этого он делал Елизавете подарки?

Теперь ясно, что юные принцы, убийство которых приписывают Ричарду III, были опасны не ему, а Генриху. Уничтожение акта о престолонаследии Ричарда и незаконном происхождении мальчиков автоматически делало старшего принца законным королем Англии, а младшего — его наследником.

Мальчики должны были исчезнуть, и в их смерти выгоднее всего было обвинить мертвого Ричарда. Их мать, которая, конечно, знала истину, была отправлена в далекий монастырь, откуда уже не вышла до конца своих дней, а историографы Генриха VII изрядно потрудились, очерняя образ Ричарда III. В результате последний законный правитель из рода Йорков вошел в английскую историю как чудовище, моральный и физический урод, а гений Шекспира окончательно закрепил этот образ в сознании всего человечества. Явно выраженного горба, кстати, у него не было.

Несчастный случай или преступление?

Что написано пером, не вырубить топором...

И снова история развивается по уже знакомому нам сценарию.

Еще один детоубийца на троне — Борис Годунов. Репутация этого царя также оказалась изрядно подмоченной благодаря книге. Конечно, Пушкин далеко не единственный литератор, обратившийся к истории правления Годунова, но лишь ему уда-

лось написать великое произведение и создать убедительный образ царя, «преступившего через кровь младенца».

«Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий», — признавался Пушкин в своем предисловии к трагедии. Карамзин же разделял мнение историков, расценивавших смерть царевича Дмитрия в Угличе как спланированное убийство, за которым стоял Борис Годунов, расчищавший себе таким образом путь к престолу.

Закладывая версию Карамзина в основу сюжета трагедии, Пушкин все же стремился быть более корректным, нежели знаменитый историк. Стоит обратить внимание, что текст не содержит прямых улик, изобличающих Годунова в преступлении.

О чем говорят улики

На самом деле в 1591 году (год гибели Дмитрия), когда оставалось семь лет до смерти тогдашнего правителя Руси, царя Федора, никто не мог предсказать в точности, кому достанется московская корона. Тогда наибольшими правами на трон обладал не Годунов, а двоюродный брат царя Федор Романов¹.

¹ С чем согласны далеко не все историки.

И еще один веский аргумент, реабилитирующий Бориса Годунова: царевич Дмитрий был объявлен незаконнорожденным. Царь Федор запретил упоминать его имя в церкви в списке царственных особ на том основании, что он был рожден в шестом браке, в то время как церковь разрешала только три.

Так что Борису Годунову не было смысла опасаться «угличского отрока». Более того, он прекрасно понимал, что любое происшествие с царевичем Дмитрием будет использовано врагами против него самого. Так и случилось. Оппозиция Годунова в лице Нагих (родственников матери Дмитрия) сразу после смерти царевича развернула бурную деятельность.

Заведомо ложные показания

Сначала были организованы погромы в Угличе. Потом Нагие ударили в набат в Ярославле, пытаясь поднять жителей на восстание, однако те не последовали примеру угличан. Нагие не успокоились: они стали провоцировать мятеж в Москве, обвиняя Бориса в преднамеренном убийстве младшего сына Ивана Грозного.

Среди знати и простонародья поползли слухи об «измене» Годуновых и их стремлении захватить престол. Царь Федор был изрядно напуган, и не без основания. Вскоре в трех местах Москва запылала пожарами, в чем оппозиция опять обвинила «годуновых людей». И только повальные аресты подозрительных лиц предотвратили массовые беспорядки.

Ответственность за восстание в Угличе и московские пожары была возложена на Нагих. Власти конфисковали их имущество, а самих взяли под

стражу. Царицу Марию, мать царевича Дмитрия, насильно постригли в монахини.

Медицинская экспертиза

У Пушкина сам Годунов, даже наедине с собой, не признается прямо в содеянном преступлении. Уличают его только тревожные сны («...Тринадцать лет мне сряду / Всё снилось убитое дитя») и муки нечистой совести:

И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Правда, именно эти слова Годунова обычно воспринимают как его прямое признание в убийстве царевича. Один врач, прочитав этот отрывок, усмотрел в нем не исповедь убийцы, а жалобы человека, страдающего гипертонией, вызванной длительным

стрессом. С точки зрения врача, здесь отражены типичные признаки гипертонического криза: тошнота, головокружение, алые искорки в глазах.

В отличие от шекспировского Ричарда, на которого пошли только черные краски, пушкинский Борис Годунов неоднозначен, он способен вызвать у читателей даже восхище-

Борис Годунов

ние и сострадание. И все же поэт оказал Борису Годуну плохую услугу. Художественное совершенство и убедительность пушкинской трагедии создают иллюзию достоверности, придают ей характер исторического документа, укрепляют читателя в мысли: Борис Годунов — царь-детоубийца, своим преступлением положивший начало Смутному времени.

Королева-интриганка

Литература может не только испортить чью-то репутацию, но и облагородить ее, подчас совершенно незаслуженно. Как, например, объяснить метаморфозу, произошедшую с шотландской королевой Марией Стюарт?

Юная авантюристка

Мария родилась в 1542 году, за несколько дней до смерти своего отца — шотландского короля Иакова V. По инициативе матери, Марии Гиз, объявленной шотландским парламентом регентшей¹, пятилетняя девочка была отправлена во Францию, где воспитывалась при роскошном дворе Екатерины Медичи. В пятнадцать лет она была обвенчана с Франциском, французским дофином². После смерти Франциска Мария вернулась в Шотландию, где

¹ *Регент* — временный правитель государства, замещающий законного монарха из-за его отсутствия, несовершеннолетия или иных причин.

² *Дофин* — наследник королевского престола во Франции.

взошла на престол, поскольку к тому времени ее мать уже скончалась, и заявила о своих претензиях еще и на английский престол в качестве правнучки английского короля Генриха VII.

Мария Стюарт

У девятнадцатилетней королевы-католички в Шотландии оказалось много врагов-протестантов. Не по нраву пришлась Мария Стюарт и чопорным пуританам¹: выросшая при дворе Екатерины Медичи, известном своими легкими нравами, Мария не слишком заботилась о собственной репутации.

Она решила поправить свое шаткое положение новым браком. Ее выбор пал на лорда Дарнлея. Но этот брак оказался во всех отношениях неудачным. Дарнлей был католиком, что еще более сплотило протестантскую оппозицию против шотландской королевы. Не было согласия и между супругами. Их сложные семейные взаимоотношения завершились насильственной смертью Дарнлея. О заговоре против мужа, который возглавил граф Босуэл², Ма-

¹ *Пуритане* — английская протестантская секта, отличавшаяся строгой, зачастую показной нравственностью.

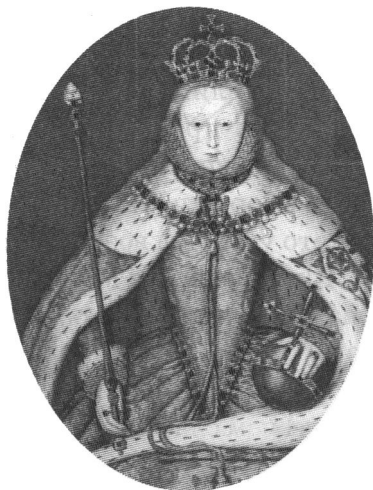
² *Джеймс Хепберн, 4-й граф Ботвелл (Босуэл)*, герцог Оркнейский (ок. 1534–1578) — шотландский дворянин. После свержения Марии Стюарт стал пиратом, попал в руки датчан и умер в тюрьме города Мальмё.

рия знала, что делало ее косвенной виновницей его смерти. Но это Марию не смущало. Вскоре она вышла замуж в третий раз — за убийцу своего второго супруга. Этот брак вызвал в стране восстание шотландского дворянства, и Мария бежала в соседнюю Англию, где попросила убежища у своей двоюродной сестры, английской королевы Елизаветы I.

Арест, тюрьма и казнь

В Англии Мария не получила помощи и была арестована. Против нее начался судебный процесс, затянувшийся на долгие годы. Находясь в заключении, Мария плела интриги против Англии и Шотландии. После серии непрерывных заговоров и многочисленных неудачных попыток сбежать шотландская королева по приговору английского суда была обезглавлена в 1587 году.

Столкновение Елизаветы, королевы английской, и Марии, королевы шотландской, носило не только личный характер, хотя они друг друга изрядно недолюбливали. Елизавета прекрасно понимала, что, пока Мария жива, заговоры будут следовать один за другим. Тем более что римский папа Пий V издал декрет о лишении Елиза-

Королева Елизавета

веты прав на английский престол, так как католики считали ее незаконнорожденной.

В глазах католической коалиции Мария Стюарт была единственной законной претенденткой на престол Англии. Сама же Мария, правоверная католичка, поддерживаемая Францией и Испанией, с ожесточенным азартом принимала участие в политических заговорах. И борьба эта была ею в конечном итоге проиграна.

Вечные соперницы

История казненной королевы легла в основу трагедии Шиллера¹ «Мария Стюарт». Хотя в процессе написания автор прилежно изучал исторические источники, он все же предпочел сместить смысловые акценты. В пьесе на первое место он поставил не политический конфликт, а соперничество двух женщин.

Одна — Елизавета — стара, некрасива, властолюбива и лицемерна. Другая — Мария — обворожительно прекрасна, она легко покоряет сердца. Шиллер явно польстил Марии, так как казнена она была в сорок пять лет. По тем временам для женщины это уже был возраст почти старухи.

Шиллеровская Мария не отрицает, что в прошлом она совершила много аморальных поступков. Но за годы пребывания в тюрьме она много страдала и теперь уже иначе смотрит на мир. Это кающаяся Мария. И чем слабее становятся ее шансы на освобожде-

¹ Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805) — немецкий поэт и драматург, сторонник Просвещения.

ние, тем выше и чище она морально. Причастность к политическим заговорам? Это только желание освободиться от незаконного и несправедливого заключения и добиться восстановления своих прав на английский престол после смерти Елизаветы! В итоге Елизавета воплощает насилие, а Мария — жертву.

Именно шиллеровская Мария Стюарт заместила в нашем сознании подлинную шотландскую королеву.

Итак, перед нами замечательный пример мифологизации исторических персонажей. Она основывается на придуманной версии исторических событий, очерняющей одних и окружающей ореолом святости других. Миф сотворен. И людям уже не

важно, каким был на самом деле персонаж. Великий писатель придал этой мифологической фигуре достоверность, не вызывающую сомнения.

А как же русская история, есть ли в ней подобные идеализированные герои? Есть, конечно!

«Благородный» разбойник

Почему Стенька Разин, разбойник и душегуб, исполненный кровожадной страсти к разгулу, в народных легендах и песнях стал героем, заступником обездоленных, борцом за волю и справедливость?

Ответ прост. Миф об удалом атамане творился уже при его жизни, творился не только народом, но и самим Разиным. Еще С. Соловьев¹ отмечал, что поэтические представления о вольном казаке владели даже образованными людьми.

А уж простого человека Стенька Разин просто восхищал. Недаром Пушкин отозвался о Разине как о «единственном поэтическом лице русской истории». Недаром столько песен было сложено народом про атамана еще при его жизни. Степан Разин будто сосредоточил в себе все удалство, богатство, всю широту натуры русского человека. Показательно, что песня на стихотворение Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...», в основе которого лежит жутковатая история об утопленной

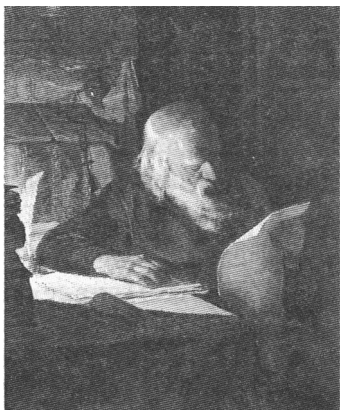
¹ Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — русский историк, автор многотомной «Истории России с древнейших времен».

атаманом в Волге персидской княжне, стала одной из самых любимых в народе.

Это ли не убедительное доказательство того, насколько велика сила слова, способного обличить или возвеличить.

Вспомним еще раз трагедию Пушкина «Борис Годунов». Среди ее героев есть летописец Пимен, отшельник, который вдали от мирской суеты, «добру и злу внимая равнодушно», творит свой суд над жизнью, историей, над сильными мира сего. Именно о нем говорит Григорий Отрепьев:

Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от божьего суда.

Действительно, знакомясь с историческими фактами, описанными в древних летописях, хрониках и произведениях талантливых классиков, мы неизменно попадаем под обаяние авторского мастерства и безоговорочно принимаем на веру все написанное.

АВТОРА! АВТОРА!

Переписанные классики

История литературных мистификаций, или, говоря попросту, подделок, уходит корнями в глубь веков. Они возникли одновременно с первыми рукописными текстами. Если бы кто-нибудь попытался написать историю подобных «обманок», его сочинение наверняка растянулось бы не на один десяток томов.

Сложность задачи еще и в том, что дать исчерпывающий обзор литературных подделок нельзя без первоисточников — рукописей, не вызывающих сомнений в их подлинности.

А много ли до нас дошло таких рукописей с классическими произведениями Древней Греции и Рима? Много ли нам известно подлинников сочинений древнерусских авторов или авторов средневековой Европы? За редким исключением эти тексты прошли через разных переписчиков, внесших невольно, а подчас и вполне осознанно, искажения в переписываемый ими текст.

Где кончается «подлинный» классик и где начинается «сфальсифицированный»? Что в «Илиаде» и «Одиссее» создано самим Гомером? Насколько «Повесть временных лет», дошедшая до нас, совпадает со своим первоисточником? Можем ли мы быть уве-

ренными в подлинности текстов великого римского поэта Вергилия, если самый древний дошедший до нас список с его стихами был сделан в V веке нашей эры, через пятьсот лет после его смерти? Такие вопросы можно задавать до бесконечности.

Со времен античности осталось огромное количество искаженных текстов и немало мистификаций, возникших из-за своего рода стилистическим упражнениям древних литераторов.

Обучение искусству стилизации было важной частью подготовки греческих и римских риторов¹. Однажды в старинной греческой рукописи было найдено восемнадцать псалмов, их авторство приписывалось царю Соломону. Позже было доказано, что это замечательно стилизованные подделки.

У ранних христиан большим авторитетом пользовался легендарный Гермес Трисмегист² (Трижды

¹ *Ритор* — оратор в Древней Греции и Риме.

² *Гермес Трисмегист* — в древнегреческой мифологии вестник богов, сын Зевса. Первоначально это (или подобное) имя носил некий предсказатель и ученый из Египта (середина 3 тысячелетия до н. э.), возможно, жрец лунного бога, позже сам объявленный богом. Он считается основоположником алхимии, учения тамплиеров и масонства.

великий), предсказавший приход христианства. Его сочинения, как тогда считалось, отражали всю египетскую философию. В средневековой Европе ходило множество латинских трактатов по медицине, магии, астрологии и философии, авторство которых приписывалось Трисмегисту. Среди них самый знаменитый — «Изумрудная скрижаль»¹. Современные исследователи доказали, что «сочинения Трисмегиста» — более поздние памятники греческой философии.

Когда мы говорим о творчестве древнерусских книжников, как правило, встает вопрос авторства текста. И можем ли мы назвать мистификатором древнего автора, если он свое сочинение подписывает не собственным именем, а авторитетным именем того или иного отца церкви — Иоанна Златоуста, Василия Великого и т. д.? А если переписчик считает необходимым внести в текст какие-то поправки, изменения, сокращения или, наоборот, считает возможным этот текст расширить?

В средневековой Руси писательский труд был неперсонифицированным, обезличенным. Древнерусский книжник воспринимал себя всего лишь «проводником Божьей истины». Не автором, а «писателем худым, недостойным и многогрешным». Речь не шла об авторской собственности, не было своих, «личных» текстов, а потому не было и мистификации в ее современном понимании.

¹ *Скрижаль* — доска с написанным на ней священным текстом.

Литературные подделки

Мистификации в европейской литературе появляются в период Ренессанса¹, а в русской — в XVIII веке. Именно в это время писатели начинают самостоятельно определять идеологическую и культурную направленность своих произведений. Они стремятся быть непохожими на других, создают собственный творческий стиль.

Тексты становятся авторскими, узнаваемыми. И тут же появляются первые подделки. С какой целью? Цели могли быть самыми разными. Мистификации возникают из-за литературной полемики, цензурных ограничений, различных культурных и политических событий, продиктованы модой или вызваны желанием разыграть общественность.

Иногда мистификатор стремился прославиться или хорошо заработать. Только в этом случае речь обычно шла не о литературной подделке, а о книжной, адресованной собирателям книг и их поставщикам.

Живые классики

В истории литературных мистификаций более всего «повезло» античности. Ученые и писатели

¹ *Ренессанс* — эпоха Возрождения, общественно-политическое и культурное движение в Западной Европе, получившее начало в Италии XIV века и продлившееся до конца XVI века.

эпохи Ренессанса не только «находили» неизвестные тексты древнегреческих классиков, но и «открывали» имена «новых авторов». Так, один французский драматург XVI века послал собственные стихи известному итальянскому гуманисту Скалигеру¹, выдав их за найденные им произведения неизвестных латинских поэтов Аттиуса и Трабеаса. Доверчивый Скалигер так и опубликовал стихи под этими именами.

Подобными «розыгрышами» грешил и французский просветитель Ш. Монтескьё². В 1729 году он опубликовал «перевод греческой поэмы», которую тут же стали переводить на другие европейские языки. Ее авторство он приписал неизвестному поэту и сообщил, что нашел текст в библиотеке некоего греческого епископа. И только спустя много лет Монтескьё признался, что это его литературная шутка.

Загадочная поэтесса

Пожалуй, самой удачной мистификацией следует признать сборник стихов «Песни Билитис» французского поэта Пьера Луиса³, вышедший в 1894 году. В предисловии к книге Луис сообщил

¹ Скалигер Юлий Цезарь (настоящее имя Джулио Бордо-ни, 1484–1558) — поэт, теоретик классицизма.

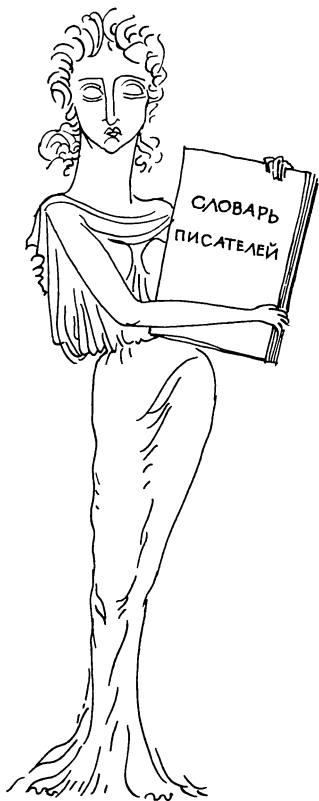
² Монтескьё Шарль Луи (1689–1755) — французский философ и литератор эпохи Просвещения.

³ Луис Пьер (1870–1925) — французский поэт и прозаик.

о найденных им «песнях» неизвестной греческой поэтессы VI века до н. э. и даже упомянул о том, что известно место ее захоронения.

Европейские ученые начали всерьез изучать эти стихи. Посвященная Билитис статья была даже включена во французский «Словарь писателей». В мистификации поучаствовали скульптор Лоран¹. Он сделал копию одной из статуэток, хранящихся в Лувре, и поместил ее изображение в следующем издании «Песен» как портрет античной поэтессы.

Через четырнадцать лет после первого издания «Песен» французский «переводчик» получил от одного греческого профессора письмо с просьбой указать, где хранятся оригиналы стихов. Профессор все это время безуспешно пытался найти их в библиотеке Афинского университета.

¹ Лоран Анри (1885–1954) — французский график и скульптор.

Новый «Дон Кихот»

Подделывались не только античные тексты. Эпоха Ренессанса насчитывает множество разных литературных розыгрышей.

К ярким литературным мистификациям этого времени можно отнести подложный второй том «Хитроумного идадьго дон Кихота Ламанчского» (1514). Сочинитель скрылся под именем Алонсо Фернандеса де Авельянеды. Эта книга была пасквилем¹, в котором автор откровенно издевался над Сервантесом и его героями — Дон Кихотом и Санчо Пансой. И хотя появление «Лжекихота» стало большим ударом для Сервантеса, подделка сыграла неожиданно важную роль в судьбе подлинного «Дон Кихота». Во-первых, Сервантес поспешил завершить свой второй том (и успел за год до своей смерти). Во-вторых, полемизируя с оскорбителем, Сервантес в своем тексте подчеркнул гуманистические идеи. В результате роман, особенно вторая его часть, приобрел глубокое философское звучание.

Письма из монастыря

Писатели XVII века, в отличие от своих предшественников, не имели особой склонности к мистифицированию читателей и своих собратьев по перу, но часто творили, не афишируя своего имени.

¹ *Пасквиль* — произведение, цель которого — оскорбить, опозорить кого-либо.

Светскому человеку того времени заниматься литературным трудом было неприлично, поэтому кое-кто выпускал свои сочинения под псевдонимом или анонимно. Начинающие авторы, опасаящиеся провала, поступали точно так же.

Вот почему «Португальские письма» молодой монахини (1669), вышедшие без указания имени автора, никого не удивили. Правда, на титульном листе книги указывалось имя переводчика, некоего Гийерага.

Надо сказать, что в XVII веке письма часто публиковались, ими зачитывались не меньше, чем художественной литературой. В то время во Франции были так называемые почтовые бюро, позволявшие осуществлять регулярную связь провинций со столицей.

Письма заменяли газеты (последние еще не получили широкого распространения), а знать, что делается при дворе, хотели и в Провансе, и в Гаскони. В Париже тоже интересовались провинциальными новостями, они порой влияли на решения короля или министров. Существовала еще родственная и дружеская переписка. Порой частное послание становилось предметом чтения и обсуждения целого сообщества.

К письмам предъявляли почти такие же требования, как к художественной литературе, поскольку они были заранее рассчитаны и на публичное чтение. Возник новый литературный жанр — «письма». Порой предприимчивые издатели выпускали без указания имени автора (что было чревато всяческими неприятностями) целые подборки писем, и они находили спрос.

Но вернемся к «Португальским письмам». Пять посланий юной монахини, которую соблазнил и покинул бесчестный офицер, сразу же получили читательское признание, поскольку подкупали искренностью и простотой. Читатели также не сомневались в подлинности этих писем.

Многие захотели узнать имя автора этих посланий и их адресата.

Молва гласила, что источником бед, постигших «португальскую монахиню», был граф де Сэн Леже. Факты его биографии совпадали с тем, что можно было вычитать в посланиях неизвестной девушки. А вот имя монахини установить не удавалось. «Письма...» же продолжали переиздаваться и пользоваться успехом.

Но во второй половине XVIII столетия нашелся скептик, который счел, что «Письма португальской монахини» написал мужчина. Доказательства? Помилуйте, разве женщина может обладать столь значительным литературным дарованием? Однако его мнение, не подкрепленное доказательствами, не получило признания. Автором этой гипотезы был Жан-Жак Руссо¹.

Тайна неизвестной монахини

Прошло еще полвека. И вот в 1810 году в прессе появилось сообщение о том, что на одном из экземпляров «Писем португальской монахини» обнару-

¹ *Руссо Жан-Жак* (1712–1778) — французский писатель и философ, противник королевской власти и церкви.

жена надпись, из которой следует, что монахиню эту звали «Марианна Алькофорадо из монастыря Бежа, расположенного между Эстрамадуре и Андалузией», а виновник ее бедствий — действительно граф де Сэн Леже.

Библиофилы принялись за поиски. Вскоре выяснилось, что монахиня с таким именем и вправду существовала. Когда вышли в свет «Письма», ей было 29 лет.

Правда, внимательных читателей настораживали некоторые мелкие детали и хронологические ошибки. Не станем перечислять их все, остановимся лишь на наиболее существенных. В письмах упоминалась здравствующая мать монахини. Однако, согласно реальной хронологии, ее прах уже давно покоился на кладбище.

Далее, автор «Писем...» упоминал, что с балкона девушке был виден город Мертола. Вот это уже очевидный «ляп». От монастыря этот город был расположен почти в пятидесяти километрах, так что даже с помощью подзорной трубы увидеть его было невозможно. И написать так мог только человек, никогда не бывавший в тех местах. Обаяние писем от этого не уменьшилось, а имя их автора стало литературной загадкой.

И вот спустя более ста лет на основе сопоставления стилевых особенностей «Писем» и других обнаруженных к XX столетию произведений Гийерага выяснилось, что он был не переводчиком, а автором «Писем».

Руссо в своей догадке оказался прав. «Письма» действительно написал мужчина, причем дале-

ко не последний в литературной жизни Франции XVII века.

Он накоротке общался с Мольером, Лафонтеном, Расином и Буало¹. «Скажи мне, кто твои друзья...» В этой компании его принимали на равных. А главное — Гийераг обладал веселым и покладистым нравом и был прекрасно образован.

Но он колебался между светской карьерой и литературным призванием. Гийераг стал государственным чиновником и женился. Однако степенная жизнь преуспевающего буржуа ему быстро наскучила. Он оставил должность и начал писать. Правда, Гийераг еще не был уверен в своих творческих способностях и «Португальские письма» издал анонимно, прикрываясь статусом переводчика.

Только благодаря разысканиям литературоведов XX века имя Гийерага было заслуженно вписано в историю литературы Франции.

Интервью перед казнью

Богатыми на литературные подделки оказались XVIII и XIX века, когда в Англии и Франции возникла мода на мистификации. Одним из самых яр-

¹ *Мольер* (настоящие имя и фамилия Жан Батист Поклен, 1622–1673) — французский поэт и актер, создатель классицистической комедии. *Лафонтен Жан* (1621–1695) — французский писатель-баснописец. *Расин Жан* (1639–1699) — французский драматург-классицист. *Буало Никола́* (1636–1711) — французский поэт, теоретик классицизма.

ких и последовательных мистификаторов был Даниель Дефо¹.

Его называют отцом английской журналистики, хотя первая английская газета появилась еще до его рождения. Предприимчивый Дефо умел существенно поднимать тиражи изданий, с которыми сотрудничал. С 1704 года он стал издавать собственную газету «Обозрение», популярную среди мелких торговцев и ремесленников.

Как газетчик, он проявлял редкую изобретательность и настойчивость в погоне за сенсацией. Дефо взял за правило посещать в Ньюгейтской тюрьме известных преступников, беседовать с ними, после чего в занимательном виде подавать этот материал в газете.

Стремясь привлечь читателя, Дефо не чурался и откровенных мистификаций. Однажды он воспользовался предстоящей казнью известного грабителя Джека Шеппарда, превратив ее в рекламную акцию. Сначала он подогревал интерес публики газетными публикациями стихов, якобы написанных преступником. Затем договорился с Шеппардом, что в день казни, стоя с петлей на шее, тот подзовет некоего

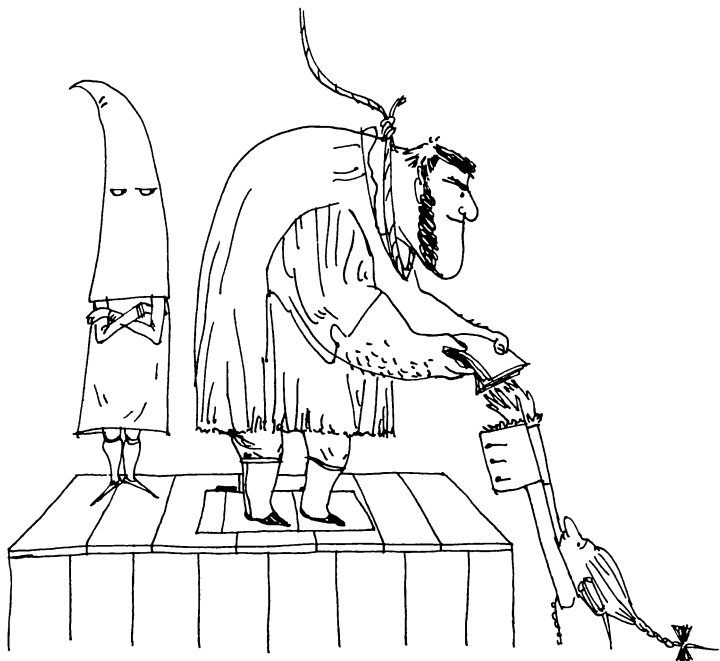
Даниель Дефо

¹ Дефо́ Даниель (ок. 1660–1731) — английский писатель и политический деятель, автор романа «Робинзон Крузо».

«друга» и отдаст ему свою предсмертную исповедь (написанную самим Дефо).

Отчет о казни вместе с исповедью Дефо затем опубликовал в своей газете.

Умение сочинить занимательную историю, в которой необычные обстоятельства сочетаются с правдивостью деталей, подать эту историю как правду Дефо использовал позже в своих романах.

Всемирно известный «Робинзон Крузо» был издан им в 1719 году под видом мемуаров без указания имени автора. Назвав записки Робинзона подлинными воспоминаниями «моряка из Йорка», автор в предисловии от имени издателя сообщил,

что считает книгу «описанием фактических происшествий», ибо «в самом деле в ней не видно ни малейшего вымысла».

Далее из-под пера романиста вышла целая серия мистификаций. Год спустя после «Робинзона» свет увидели анонимные «Мемуары кавалера, или Военный дневник 1632–1648» — воспоминания английского дворянина-офицера о своем пребывании в Германии и участии в гражданской войне в Англии.

Дефо продолжил дурачить читателя: он якобы разоблачил анонима, приписав авторство реально существовавшему полковнику Эндрю Ньюпорту и поместив его портрет на титульном листе «Мемуаров».

Самый большой спор вызвали «Мемуары английского офицера, капитана Джорджа Карлтона» (1728). В течение восьмидесяти лет в авторстве Карлтона никто не сомневался. И только в 1808 году ученые доказали, что «Мемуары английского офицера» тоже были сочинены Дефо.

Великий мистификатор

По пути, проложенному Дефо, пошел его великий современник — Джонатан Свифт. Автор «Гулливера» издал свой роман в виде мемуаров с предисловием некоего Ричарда Симпсона, указавшего, что автором книги является его близкий приятель мистер Лемюэль Гулливер.

В первом издании 1726 года был даже напечатан портрет Гулливера. Свифт не случайно сделал своего героя хирургом, человеком с естественнона-

учным образованием. Это придало видимость достоверности его удивительным наблюдениям и находкам в неведомых странах. И немало английских читателей поверило в реальное существование тех стран, о которых писал Гулливер.

Джонатан Свифт

Вообще Свифт мог бы претендовать на титул величайшего мистификатора. Он обладал неистощимой фантазией и постоянно был готов подшутить над всем миром. Свифт почти никогда не выступал в своих сочинениях от собственного имени. Он публиковал их либо анонимно, либо под самыми разнообразными псевдонимами. Это мог быть новоявлен-

ный астролог-предсказатель, или жалкий, голодный писака, ютящийся где-то на чердаке в нищих кварталах Лондона, или же бывалый путешественник. Но даже когда авторская ирония отступала на второй план, а на первый выдвигалось негодование писателя-гражданина, когда литературная маска становилась «секретом Полишинеля»¹, Свифт все равно предпочитал прибегать к мистификации. Чего только стоит история с серией памфлетов под

¹ *Полишинель* — один из персонажей итальянской комедии масок (XVI–XVII века). *Секрет Полишинеля* — тайна, давно всем известная.

названием «Письма суконщика», которые сделали Свифта национальным героем Ирландии!

Выступая под именем дублинского торговца сукном и изъясняясь в простонародном стиле, Свифт разоблачил мошенничество некоего англичанина Вуда, получившего на откуп чеканку серебряной монеты для Ирландии. Вуд выпускал неполноценную монету (серебра в сплаве, из которого она делалась, было меньше положенного), и Свифт призвал ирландцев саботировать эти деньги путем перехода к натуральному обмену. Ирландцы послушались Свифта, и английское правительство вынуждено было лишить своего ставленника права чеканить монеты.

Эта история сделала Свифта чрезвычайно популярным. В честь него был основан «Клуб суконщика». Когда он ходил по улицам, множество людей кланялось ему и благословляло его. Был даже создан специальный отряд для его охраны.

Когда английское правительство потребовало ареста Свифта, управлявший Ирландией лорд Картрайт сообщил, что для ареста потребуется десять тысяч солдат, так как его охраняют тысячи ирландцев.

Затянувшаяся шутка, или История одного романа

Очень любопытна история создания романа Дени Дидро «Монахиня» (1760). Он был написан благодаря удачной мистификации.

Дени Дидро

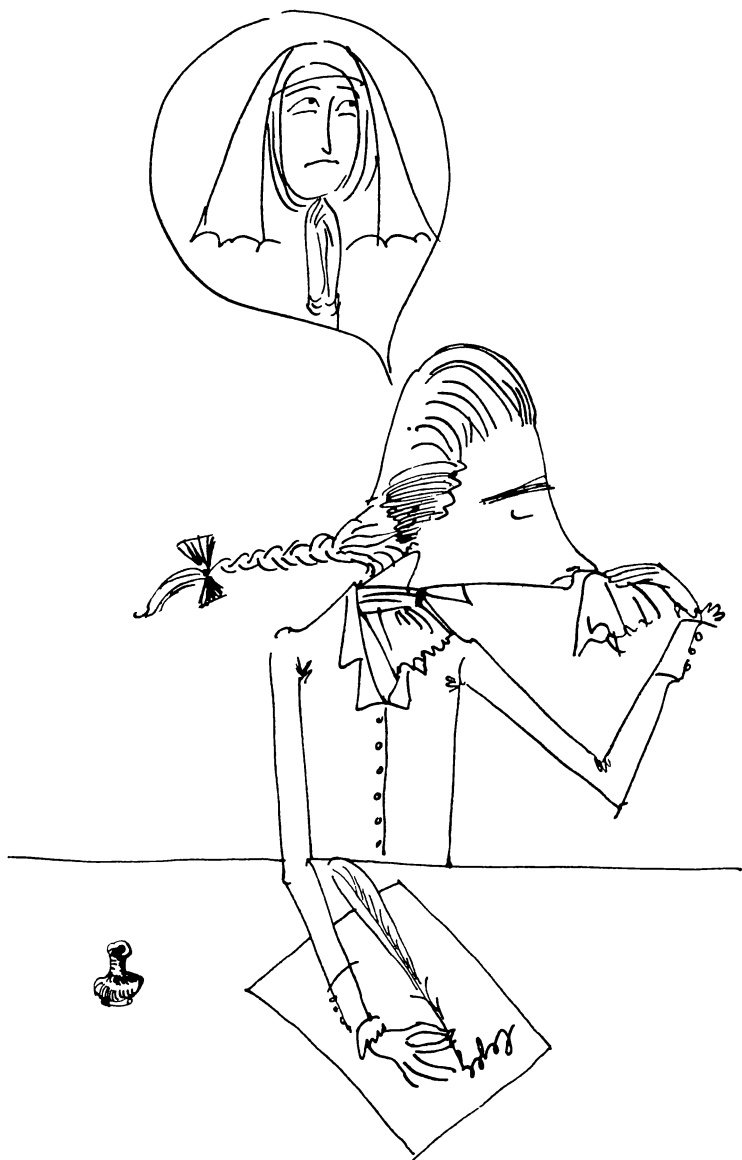
Один из активных авторов «Энциклопедии»¹ — главного детища Дидро, офицер королевской гвардии маркиз де Круамар, ушел в отставку и удалился в свое нормандское поместье. Для Дидро отъезд Круамара стал большой потерей.

Приятели тщетно пытались вернуть маркиза в Париж. И тогда Дидро

вспомнил о недавней нашумевшей истории, связанной с одной молодой монахиней. Девушка возбудила судебный процесс против монастыря, куда ее против воли отправили родители. На Круамара эта история произвела тяжелое впечатление. И Дидро решил написать маркизу письмо от имени выдуманной им молодой монахини Симоны Симонен.

В нем девушка сетовала на свою тяжелую судьбу и просила маркиза о помощи. Круамар принял близко к сердцу горе Симоны, завязалась переписка. По просьбе Симоны письма якобы шли через посредницу, некую мадам Маден, и та, не вскрывая, передавала их Дидро. Тот, в свою очередь, отправлял через нее ответные письма, при этом замечательно подделывая женский почерк. Описывая

¹ «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (1751–1780); издавалась французскими просветителями во главе с Д. Дидро.

несчастную жизнь девушки, Дидро так увлекался, что, по воспоминаниям друзей, знавших о розыгрыше, они неоднократно заставляли писателя в слезах над очередным ответом.

Но маркиз, вопреки ожиданиям Дидро, в Париж не поехал, а пригласил Симону к себе в поместье в качестве компаньонки своей дочери. Осознав, что сценарий развивается не по задуманному плану, Дидро «приговорил» свою героиню к смерти и в ближайшем письме от имени мадам Маден сообщил маркизу о безвременной кончине девушки. Искренне огорченный, Круамар попросил мадам переслать ему записки Симоны, которые она якобы вела в монастыре.

Истории неизвестно, была ли выполнена просьба маркиза, но роман «Монахиня», безусловно, вырос из этой шутки Дидро. Кстати, роман начинается с характеристики маркиза де Круамара, которая вполне соответствует его реальному прототипу.

А чем же закончилась история с настоящим маркизом? Через восемь лет он все-таки вернулся в Париж, где повстречался с мадам Маден. Недоумение, с которым мадам встретила вопросы маркиза, раскрыло мистификацию Дидро.

Игра в шпионов, или Письма из Древней Греции

Компания веселых и жизнерадостных молодых людей, талантливых английских аристократов и студентов Кембриджского университета издала в

1741 году сборник под названием «Афинские письма», доставивший позже немало хлопот историкам литературы и библиофилам. Среди участников мистификации были братья Филипп и Чарльз Йорк-Хардуики, сыновья великого канцлера¹.

Самым старшим среди молодых людей был священник Томас Бэрч, академик, член Королевского общества и Общества антиквариев. Позднее он стал видным английским историком и директором Британского музея. Очевидно, ему во время одной из дружеских встреч пришла в голову мысль устроить необычную игру. Каждый из молодых людей должен был вообразить себя шпионом персидского царя, собирающим сведения о греках в период Пелопоннесской войны (431–404 до н. э.).

«Шпионские» сведения оформлялись в виде писем в Персию. Главное условие в составлении писем — ссылка на реальные источники и события той эпохи. Кроме того, в письмах надо было изображать

¹ *Великий канцлер* — председатель Палаты лордов и министр финансов в Англии.

древнего грека с его манерой думать, говорить и писать. Игра так увлекла молодых людей, что у них получилась интересная книга. Авторы напечатали ее в количестве 12 экземпляров, выдав за перевод редчайшей греческой рукописи.

Через сорок лет «Афинские письма» были изданы тиражом в 100 экземпляров, рассчитанных на узкий круг знакомых. Только в 1790 году после смерти Филиппа Йорк-Хардуика его сын напечатал их для широкой аудитории и в предисловии к сборнику раскрыл мистификацию. Сборник получил высокую оценку у знатоков греческой истории.

Кто писал за древних кельтов

Во второй половине XVIII века Европу, а затем и Россию охватило повальное увлечение устным народным творчеством. Ранее только античная литература считалась достойной внимания и была образцом для подражания у писателей. Но, как оказалось, у народов Европы имелись свои безымянные Гомеры и Вергилии¹, своя неповторимая своеобразная поэзия — устная, фольклорная, которую необходимо было собрать и записать.

В 1760 году в Эдинбурге была напечатана небольшая книжечка с пространством — в духе того времени — названием «Отрывки старинных сти-

¹ *Вергилий Марон Публий* (70–19 гг. до н. э.) — знаменитый древнеримский поэт, автор «Энеиды».

хотворений, собранные в горной Шотландии и переведенные с гэльского или эрского языка» без имени переводчика.

О том, как встретил литературный и научный мир эти отрывки, свидетельствуют слова знаменитого поэта Томаса Грея¹: «Я совсем сошел с ума от них... Я так потрясен, я в экстазе от их бесконечной красоты».

Книгу издал Джеймс Макферсон, двадцатидвухлетний учитель из Шотландии, начинающий литератор. В одночасье он стал знаменит на всю Англию. Голоса немногочисленных скептиков, сомневающихся в подлинности «Отрывков», тонули в хоре восторженных почитателей старинной кельтской поэзии. Немедленно был

Джеймс Макферсон

организован сбор денег для отправки Макферсона в Северную Шотландию. Он должен был собрать и привезти другие образцы древнешотландской поэзии.

По возвращении Макферсон объявил, что ему удалось разыскать эпическую поэму легендарного шотландского барда Оссиана, сына Фингала (Финна), короля древнего государства Морвен на западном побережье Шотландии. Предание относи-

¹ Грей Томас (1716–1771) — английский поэт-сентименталист.

ло время правления Фингала к III веку н. э. Затем последовало еще несколько находок оссиановских творений.

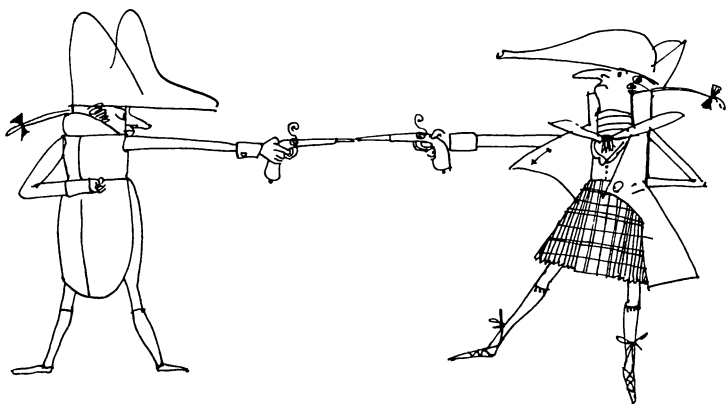
Вот краткое содержание оссиановских поэм. Оссиан, слепой, старый и одинокий, вспоминает о героическом прошлом и торжественно поет о днях своей юности. На фоне пейзажей Шотландии показаны жизнь и обычаи кельтских военных кланов, быт скандинавских вождей, битвы и пиры. Сумрачные пейзажи захватывают дух — вечный туман над холмами, неприступные, вздымающиеся над бушующим океаном скалы, горные реки. А при свете бледной луны скользят тени павших героев, которых оплакивают их жены и невесты.

Поэмы произвели сенсацию. Патриотически настроенные шотландцы испытывали гордость за культурные сокровища своего народа. Оссианом была потрясена вся Европа. Уже в 1761 году вышли первые французские переводы поэм, в 1762-м — немецкие, в 1763-м — итальянские. В 1780-е годы поэмы начали регулярно переводить в России. Но усиливались и голоса скептиков.

Первым, кто заявил о мистификации, был знаменитый эссеист, критик и биограф Сэмюэль Джонсон (1709–1784). Правда, свои сомнения в подлинности он основывал не на анализе текста, а на утверждении, что древние кельты были некультурными варварами и создать такие поэмы не могли. Выпады Джонсона были столь резки и грубы, что Макферсон даже вызвал критика на дуэль.

Несмотря на развивающуюся вокруг оссиановских поэм полемику, перешедшую в скандал, в их

подлинность предпочитали верить. Макферсону даже прислали из Индии 1000 фунтов (по тем временам — значительная сумма) для издания «древнекеельтских оригиналов».

Макферсон «оригиналы» так и не опубликовал, но в своем завещании оставил именно 1000 фунтов как раз для этой цели. Лишь в 1807 году, через одиннадцать лет после его смерти, поэмы были изданы в трех томах. Но в основу этого издания были положены не обещанные древнекеельтские рукописи, а их копии, якобы переписанные рукой Макферсона и его секретарей.

Полемика вокруг подлинности оссиановских поэм всё продолжалась. И только к концу XIX века ученые установили поддельность древнекеельтских рукописей, завещанных Макферсоном к публикации. В них были обнаружены слова, относящиеся к более позднему времени, их мог знать сам Макферсон, но не древний автор.

Тем не менее, значение мистификации Макферсона трудно переоценить. Ему подражали поэты, черпавшие в оссиановских поэмах вдохновение, им зачитывались сентиментальные барышни, к нему обращались ученые-филологи, стремившиеся найти что-нибудь подобное в фольклоре других народов.

Сила воображения, или Поэт-призрак

Увлечение Средневековьем породило во второй половине XVIII века немало талантливых мистификаций. На их фоне особо выделяются стилизованные под старинные английские баллады XV века

стихи Томаса Чаттертона (1752–1770), которые он приписал придуманному им поэту Томасу Роули.

В отличие от Макферсона, окруженного почетом и славой, Чаттертон прожил свою короткую жизнь в нищете и неизвестности.

Он родился в Бристоле в семье чудаковатого музыканта и поэта Чаттертона.

Не слишком любя Бристоль XVIII века, он создал себе собственный мир — Бристоль XV века.

Все детство Томаса было связано со старинной готической Редклиффской церковью, одной из глав-

Томас Чаттертон

ных достопримечательностей города. В этой церкви его дядя служил певчим, здесь мальчик проводил все свое свободное время. Старинная готика определила эстетический вкус и интересы юного поэта. Он словно жил в Средневековье, статуи рыцарей и монахов заменяли ему друзей.

Томас изучил средневековый английский и стремился прочитать всё, что связано с бытом и нравами XV века, включая документы городского магистрата¹. Мир Редклиффской церкви был ему столь дорог, что когда в ее дворе кто-то разрушил церковный крест, одиннадцатилетний мальчик выступил в местной газете с сатирой на «церковных вандалов». А год спустя он сообщил одному из своих школьных товарищей, что отыскал в Редклиффской церкви много старинных рукописей.

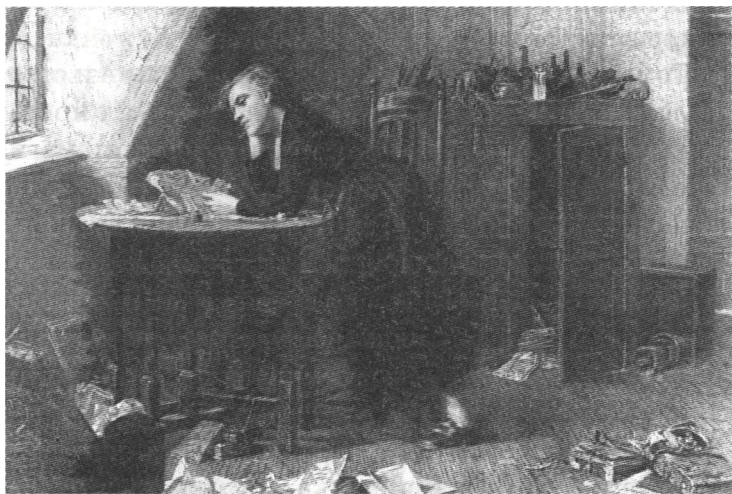
В архиве магистрата Чаттертон нашел биографию богатого купца Кенинджа, на деньги которого в XV веке была отреставрирована Редклиффская церковь. Он начал дописывать его биографию, делая из купца просвещенного покровителя наук и искусств, занимавшегося литературным творчеством.

Томас окружил его личностями историческими (о них он узнал из архивов) и вымышленными. Среди последних был поэт Томас Роули, священник, любитель древних рукописей. Он якобы писал стихи в честь своего покровителя Кенинджа и интерлюдии² для его домашнего театра.

¹ *Магистрат* — городская управа.

² *Интерлюдия* — небольшая пьеса-связка между театральными действиями.

Мальчик все чаще и чаще рассказывал товарищам о своей находке, знакомил их со стихами Роули, описаниями некоторых городских событий, пересказывал «найденные» письма, заметки и пр.

Мистификация, порожденная очарованностью юного поэта Средневековьем, разрасталась. Мальчик полностью погрузился в воображаемый мир и успешно обживал его. В 1768 году в «Бристольской газете Фарлея» появилась первая подделка. Чаттертон анонимно прислал редактору газеты описание церемонии открытия старого моста в эпоху Генриха II, якобы скопированное им со старинных рукописей. Затем он начал рассылать по разным издательствам «тексты Роули». Ответов не было. Тогда Чаттертон послал «копию» отрывка из стихотворения Роули Г. Уолполу (1717–1797), автору готических романов и прекрасному знатоку Средневековья. Уолпол

не заподозрил мистификации и в ответном письме дал очень высокую оценку «стихам аббата Джона», спросив о том, где были найдены рукописи.

Чаттертон прислал новый текст, но второй отрывок уже вызвал у Уолпола подозрение. Посоветовавшись со знаменитым поэтом Томасом Греем, он признал текст подделкой, о чем в деликатной форме сообщил Чаттертону. Юноша потребовал рукопись назад.

В 1770 году поэт покинул Бристоль и переехал в Лондон. В столице его литературный заработок был столь ничтожен, что он нередко в течение нескольких дней ничего не ел. В августе того же года восемнадцатилетний Чаттертон покончил с собой, приняв яд.

Смерти юного поэта никто не заметил. Но со временем кто-то пустил слух, что в Бристоле хранятся рукописи гениального поэта, а юноша, «открывший их», умер от голода. Через шесть лет после смерти Чаттертона знаменитый критик Сэмюэль Джонсон, тот самый, что отрицал подлинность Оссиана, приехал в Бристоль и изучил рукописи погибшего поэта — «поэмы Роули». Он был потрясен и свое впечатление о Чаттертоне выразил такими словами: «Это самый исключительный юноша из всех, которых я когда-либо знал. Удивляться нужно тому, как мог этот ребенок написать такие вещи».

«Поэмы Роули» были изданы через год. В предисловии к ним издателем Тирвиттом раскрывалась тайна Чаттертона.

Для романтиков Чаттертон стал фигурой мифологической. Великие английские поэты этой эпохи —

Вордсворт, Китс, Кольридж, Шелли¹ — преклонялись перед его гением и оплакивали трагическую смерть «чудесного мальчика». А во Франции писатель Альфред де Виньи (1797–1863) даже написал драму «Чаттертон».

Таинственное пророчество

Среди французских мистификаций XVIII века самая замечательная связана с именем Жака Казота. Обстоятельства его жизни — увлечение мистическими идеями иллюминатов², связь с масонскими ложами и смерть на эшафоте в 1792 году, в разгар якобинского террора — снискали ему репутацию человека таинственного и загадочного, создали благодатную почву для появления многочисленных легенд и фантастических домыслов. Недаром его имя было чрезвычайно популярно у романтиков.

Самая знаменитая история, связанная с Казотом — это его «пророчество».

В 1806 году были опубликованы посмертные сочинения известного французского критика и академика Ж. Ф. Лагарпа (1740–1803), которые произвели настоящую сенсацию. Всех потрясла рассказанная Лагарпом история о пророчестве Казота, которое отличалось необыкновенной смелостью и

¹ Вордсворт Уильям (1770–1850); Китс Джон (1795–1821); Кольридж Сэмюэль (1772–1834); Шелли Перси Биши (1792–1822) — поэты-романтики.

² Иллюминаты — члены тайных религиозно-политических обществ, боровшихся с влиянием церкви.

проницательностью. Пророчество было оглашено Казотом в 1788 году.

Ясновидец провозгласил скорое наступление великой революции и, что самое поразительное, поведал многим присутствующим, как сложится в связи с этим их судьба. Казот намекнул и на насильственную смерть короля. Всё действительно так и случилось.

Сомнений в том, что Лагарп записал подлинную беседу с Казотом, ни у кого не было. Почтенный академик — и вдруг такой розыгрыш? Не может быть!

Заподозрили мистификацию в 1817 году, когда сочинения Лагарпа были заново переизданы. Большой знаток и редактор Вольтера Бешо выкупил у первого издателя Лагарпа рукопись академика. Просматривая рукописный текст, он увидел, что после «пророчества» Казота идут комментарии самого Лагарпа, которые первый издатель просто не счел нужным опубликовать. Вот этот текст:

«Кто-то меня спросил: возможно ли это? Правда ли то, что вы рассказывали?

— Что правда? Разве вы не видели этого своими глазами?

— О да, факты! Но... предсказание! Столь необычное пророчество!

— Иными словами, вам кажется чудесным пророчество? Как вы ошибаетесь! Ибо чудом следует назвать это собрание неслыханных и чудовищных фактов, противных всем известным теориям, опрокидывающих все идеи, всё, что знаешь о человеке, понятие о зле и даже о преступлении. Вот это истинное чудо! Тогда как пророчество — вымышлен-

ное. Если вы еще считаете всё, что мы видели, революцией и если вы думаете, что она подобна любой иной, это значит, что вы не читали, не думали и не чувствовали».

Таким образом, Лагарп не собирался никого мистифицировать. Он ясно дал понять, что беседа с Казотом — вымысел, который позволил ему эффектно проиллюстрировать свое отношение к недавней революции. Мистификатором был первый издатель посмертных сочинений академика. Он понимал, что предсказание, касающееся трагической судьбы очень известных людей, вызовет несомненную сенсацию, благодаря чему книга будет иметь коммерческий успех.

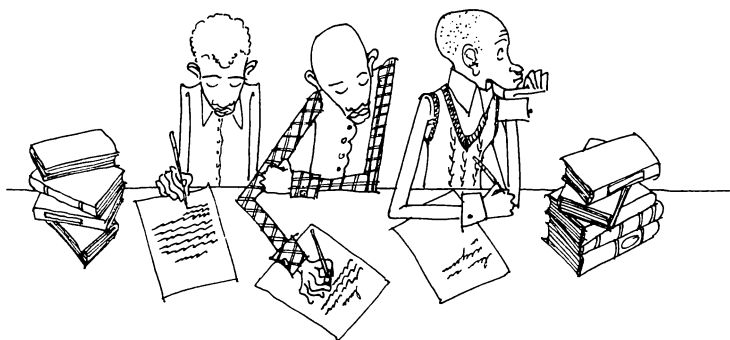
Ожидания редактора оправдались.

«Литературные негры»

Сегодня произведения массовой литературы поставлены на поток, «раскрученное» имя какого-нибудь популярного писателя становится своего рода брендом издательства и часто является его собственностью. Но под этим именем может работать целый коллектив авторов, регулярно, в заранее запланированные сроки, поставляющих редакции рукописи. А потому, приобретая книги, мы далеко не всегда можем быть уверены, что перед нами не плод коллективных усилий так называемых литературных негров.

Но подобная практика издавна существовала в русской литературе. Широкое распространение

она получила в конце XVIII века, когда в России огромным успехом у читателей стали пользоваться переводные приключенческие романы и российский книжный рынок буквально захлестнула волна «ложных переводов».

Тогда была особенно популярна английская писательница Анна Радклиф, творившая в жанре готического романа, или «романа ужасов». Один из современников писал, что в больших семьях ее сочинения «переходили из рук в руки; нетерпеливые чтецы вырывали их друг у друга, и повсеместные жалобы на остановки в нужных делах, причиненные сею книгою, служили общею данью, приносиomoю гению сочинительницы».

Под именем Радклиф в России публиковалось много романов, но далеко не все они были переводами ее книг. Большинство этих произведений было написано русскими авторами, чьи имена так и остались неизвестными.

Из коммерческих и рекламных соображений многие произведения малоизвестных зарубежных

писателей переводились и издавались в России под именами других, пользующихся большой популярностью у русских читателей авторов.

В. С. Сопиков, известный библиограф того времени, сделал замечательное примечание к книге Анны Радклиф «Монах, или Пагубные следствия пылких страстей»: «Известно, что автор сей книги есть Левис, но для большего расходу оной на русском издана под именем Радклиф».

Театр несуществующей актрисы

И вот мы подошли к началу романтического XIX века. Среди романтиков было немало веселых людей, в литературном творчестве которых всегда находилось место игре и дерзкой шутке. Таким литературным провокатором и мистификатором был французский писатель Проспер Мериме (1803–1870).

В 1825 году Мериме и его друзья организовали кружок, где собирались и читали друг другу свои сочинения.

Как-то Мериме прочел две пьесы, выдержанные в духе произведений Лопе де Вега¹. Не без иронии

Проспер Мериме

¹ Лопе де Вега (1562–1635) — знаменитый испанский драматург.

отозвался Мериме в своих пьесах о зарождающемся романтическом театре с его сюжетными интригами, всевозможными тайнами и испепеляющей любовью.

Восторгу слушателей не было конца, и Мериме решил опубликовать книгу, но не под своим именем. Безусловно, здесь есть элемент литературной игры. Но, возможно, причины крылись и в содержании самих пьес. В них от Мериме сильно досталось церковникам, а в том же 1825 году во Франции был принят закон, грозивший противникам церкви смертной казнью.

В итоге авторство сборника было приписано несуществующей испанской актрисе Кларе Газуль. Книгу под названием «Театр Клары Газуль» предварял портрет автора, выполненный художником Делеклюзом. Предвкушая эффект от проделки Мериме, он решил внести в нее свой вклад и сделал два портрета самого Мериме, в одном масштабе и ракурсе, но на втором портрете писатель был изображен в женском испанском платье и мантилье. «Женский» портрет вошел в книгу, и стоило наложить одно изображение на другое, как становилось ясно, что они полностью совпадают.

Мериме прибег к двойной мистификации, придумав также переводчика и издателя сборника Жозефа Л'Эстранжа, который в предисловии к книге поведал биографию Клары Газуль и засвидетельствовал личное знакомство с ней. Мистификация удалась: многие читатели и литературные критики поверили в существование талантливой, обаятельной и вольнолюбивой женщины.

Обманутый Пушкин

В 1827 году Проспер Мериме опубликовал новую книгу «Гюзла» («Гусли») без указания имени автора. Это была имитация сербской поэзии, которую якобы собрал и переложил прозой на французский язык некий анонимный фольклорист. У молодого писателя, на счету которого уже была одна удачная мистификация, просто не могло не возникнуть искушения попробовать свои способности в подделке народных песен.

Песни он снабдил подробными географическими и этнографическими комментариями, очерком о вампирах и «дурном глазе», а в предисловии к сборнику от имени переводчика изложил экзотическую биографию бывшего гайдука-разбойника¹, сказителя Иакинфа Маглановича, который не только пел народные песни, аккомпанируя себе на гюзлá, но и скла-

¹ *Гайдук* — пехотинец, участник вооруженной борьбы южнославянских народов против турецких поработителей (XV–XIX века).

дывал баллады о своих приключениях. Переводчик якобы записал эти песни и включил их в сборник.

Мериме снабдил книгу гравюрой, изображающей дикого на вид горца с огромными усами, с ружьем в руке и пистолетами, торчащими за поясом. Можно представить, как веселился Мериме, сочиняя эту историю.

Судьба его мистификации была довольно своеобразной. У читающей публики баллады не имели никакого успеха, но специалисты оценили их высоко — у большинства даже не возникало мысли о возможной подделке.

Единственным человеком, сразу раскрывшим мистификацию, был Гёте. Он увидел в названии книги «Guzla» анаграмму «Gazul» (имя мнимого автора испанских пьес).

В подлинности «Гюзлы» не усомнился и польский поэт Адам Мицкевич (1798–1855). Более того, жертвой мистификации оказался даже А. С. Пушкин, который поверил в достоверность сборника и перевел в стихах одиннадцать песен, включив их в цикл «Песни западных славян». С детства многие из нас помнят классические строки:

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удиц?

Это из «Песен западных славян»...

В 1835 году Мериме с веселой иронией поведал историю создания «Гюзлы». Он разоблачил

свою мистификацию в письме к их общему другу С. А. Соболевскому и в конце своего послания написал: «Передайте Пушкину мои извинения. Я горд и вместе с тем стыжусь, что провел его».

Дописывая и переписывая Пушкина

Находились и авторы, пытавшиеся «завершить» незаконченные тексты самого Пушкина. Им почему-то особенно хотелось дописать «Русалку». Но никто из них не пытался свои труды выдать за пушкинский текст, кроме господина Зуева.

Эта история получила такую шумную огласку и в нее было втянуто столько людей, что после разоблачения графомана-мистификатора известный издатель и публицист А. С. Суворин счел необходимым составить и опубликовать целую книгу под названием «Подделка “Русалки” Пушкина» (1900).

Остановимся на основных этапах этой истории.

Впервые Зуев публично озвучил «окончание» «Русалки» в Русском литературном обществе¹ в 1889 году. Слушателям он объявил, что оно было записано им по памяти в 1883 году, спустя 47 лет после того, как он услышал эти стихи от Пушкина.

А через восемь лет в солидном журнале «Русский архив» появилась публикация «полного издания» пушкинской «Русалки» «по современной

¹ Основано в Санкт-Петербурге в 1886 г. Его членами были П. П. Гнедич, А. Ф. Кони, Л. Н. Майков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. Е. Репин, А. П. Чехов и др.

записи Д. П. Зуева» с предисловием издателя журнала П. И. Бартенева. В нем Бартенев сообщал, что среди друзей Пушкина был поэт и переводчик Э. И. Губер (1814–1847), в гостях у которого в ноябре 1836 года Пушкин якобы и читал свою «Русалку». «На этом чтении присутствовал Дмитрий Павлович Зуев, ныне маститый старец, а в то время еще отрок... По возвращении от Губера он записал для себя последние сцены “Русалки”, наиболее поразившие его и навсегда врезавшиеся в его воспоминание. Они были дважды прочитаны великим поэтом, по настоятельной просьбе 14-летнего юноши...»

Публикация сразу же вызвала массу вопросов. Почему в Русском литературном обществе Зуев объявил, что финал «Русалки» им был записан в 1883 году, а в публикации указал на 1836 год? Чем объяснить почти шестидесятилетнее молчание Зуева — обладателя, по его словам, драгоценных пушкинских стихов? Почему в сохранившихся рукописях великого поэта нет даже намека на то, что драма была им закончена? И наконец, почему Губер, поместивший в 1837 году в «Русском инвалиде» свои воспоминания о Пушкине, не счел нужным даже упомянуть о том, что тот читал у него «Русалку»?

Кроме того, Зуев не представил на всеобщее обозрение запись пушкинских стихов. Это позволило бы с помощью палеографического анализа¹ устано-

¹ *Палеография* — наука, изучающая развитие письменности (орудия письма, форму письменных знаков, системы сокращений, принципы оформления книги). Палеографический анализ позволяет определять авторство, место и время написания текста.

вить, действительно ли она была сделана в 1836 году. Проведенный же текстологический анализ «новых» сцен «Русалки» доказывал, что Пушкин не был их автором.

Точка в этой истории была поставлена в 1900 году. Родственник Зуева послал в газету «Новое время» письмо, где засвидетельствовал мистификацию. «Четверть века тому назад я, мальчик 15–16 лет, слышал в родственной мне семье Зуевых, что Дмитрий Павлович пишет стихи вообще и работает над продолжением “Русалки”».

Родственник поведал, что в последние годы своей жизни Зуев жил затворником и никогда не встречался с А. С. Пушкиным, а знаком с ним был его брат — Петр Павлович. Любопытно, что Зуев передал в публикацию «окончание» «Русалки» только после смерти брата — тот умер в 1895 году. Очевидно, он опасался разоблачения.

Розыгрыш или рекламный ход?

Вообще-то Пушкин и сам был автором ряда литературных розыгрышей.

Как мистификация были задуманы им «Повести Белкина». Их якобы написал никому не известный провинциал Иван Петрович Белкин, а издал некий А. П. Правда, уже в предисловии к «Повестям» говорилось, что повести Белкин не сочинил, а услышал от разных рассказчиков и записал. Кстати, предисловие писалось Пушкиным в спешном порядке, когда повести уже были готовы к публикации.

Что это — попытка скрыть свое имя от читателей? Но своему другу Плетневу Пушкин пишет: «Смирдину (издателю) шепнуть мое имя с тем, чтобы он перешепнул покупателям». Получается, что авторство Пушкина с самого начала не было секретом для читателей.

Зачем Пушкину понадобился простодушный, ничем не примечательный Белкин? По этому поводу уже два века спорят пушкинисты. Не будем вдаваться в суть полемики, но ясно одно: Пушкин, как и Мериме, испытывал непреодолимую страсть к литературной игре, веселому розыгрышу, суть которого по достоинству мог оценить только проницательный читатель, обладавший к тому же чувством юмора.

Даже в серьезных произведениях Пушкин не мог отказать себе в желании разыграть читателя. Когда в своем журнале «Современник» за подписью Р. он опубликовал «Скупого рыцаря», то указал, что это сцены из «Ченстоновой трагикомедии» с аналогичным названием. Исследователи после тщательно разыскивали произведения несуществующего Ченстона.

Четыре ненаписанных письма

Не обошли вниманием мистификаторы и М. Ю. Лермонтова.

В 1887 году в «Русском архиве» была опубликована заметка П. П. Вяземского, сына близкого друга

Пушкина П. А. Вяземского¹, «Лермонтов и г-жа Гомер де Гелль». В ней были приведены четыре письма писательницы и путешественницы Адель Омер² де Гелль, в которых француженка рассказывала о своей встрече с Лермонтовым. В заметке цитировалось стихотворение, посвященное ей поэтом.

Почти пятьдесят лет этот текст вводил всех в заблуждение. Стихотворение включалось в издаваемые собрания сочинений Лермонтова.

Факт знакомства Лермонтова с Омер де Гелль отразился и в беллетристике. Авторы романов и повестей, посвященных поэту, стали красочно писать о его увлечении поэтессой.

Только в 1934 году ученые раскрыли мистификацию и доказали, что автором писем был сам П. П. Вяземский.

Дописанные классики

Мистификаторы также не забыли произведения Грибоедова и Гоголя. «Горе от ума» при жизни Грибоедова и довольно долго после его смерти не было напечатано целиком и ходило среди читателей в рукописных списках.

При таких обстоятельствах просто не мог не объявиться его новый рукописный вариант. В 1875 году некто И. Д. Гарусов, педагог, адвокат и литера-

¹ Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) — русский князь, поэт, литературный критик.

² По-французски «Гомер» произносится «Омер».

тор, издал «Горе от ума», которое он назвал «первым полным изданием, содержащим, при новой редакции текста, 129 нигде до сих пор не напечатанных стихов».

Гарусов изложил достаточно сложную историю этой рукописи. Она начиналась с «полного списка» комедии, который Грибоедов оставил у своих знакомых Лопухиных в 1823 году. Владелицей грибоедовской рукописи стала воспитанница Лопухиных — Авдотья Юматова. В 1842 году Гарусов, еще будучи гимназистом, гостил в имении Юматовой, где и снял копию с «полного» грибоедовского текста.

В августе 1873 года он снял копию уже со своей копии и передал ее в Рукописный отдел Публичной библиотеки.

Поначалу гарусовская публикация была встречена с энтузиазмом. Но кое-кто из филологов засомневался. Обращал на себя внимание стилиевой разницей между новыми и известными стихами. Вскоре было доказано, что рукописный список, отданный Гарусовым в Публичную библиотеку, был поддельным.

«Мертвые души» также не могли не привлечь внимания мистификаторов. Поэма не была дописана Гоголем, ее второй том дважды переписывался и уничтожался. Почему бы не найти уничтоженные или переделанные главы?

Самая скандальная подделка поэмы Гоголя была исполнена Николаем Феликсовичем Ястржембским (1808–1874), полковником, инженером и литератором. Все началось, как это часто случалось, с розыг-

рыша, который неожиданно для фальсификатора получил серьезное продолжение.

Ястржембский был большим поклонником Гоголя, но не мог ему простить уничтожение второго тома «Мертвых душ». Три сохранившихся главы романа Ястржембскому передал его приятель Н. Я. Прокопович, близкий друг Гоголя.

Позже, служа в Могилеве, Ястржембский познакомился с М. М. Богоявленским¹, таким же страст-

ным поклонником Гоголя, и рассказал тому, что у него есть главы второго тома «Мертвых душ». Вскоре Ястржембский показал их Богоявленскому. Вот только тексты Гоголя Ястржембский зачем-то лично переделал, но умолчал о своем «соавторстве». Богоявленский же решил, что перед ним подлин-

¹ Богоявленский Михаил Максимович (1818–1882) — русский историк.

ный текст, и в 1872 году опубликовал его в журнале «Русская старина».

Все решили, что это тексты Гоголя. Главы перепечатали другие издания, появились статьи, где давался их научный анализ. Прошло полтора года, Ястржембскому надоело читать глубокомысленные размышления критиков по поводу его работы. И наконец в газете «Биржевые ведомости» мистификатор повинился, заявив, что «отрывки» из «Мертвых душ» — подделка и он ее автор. «Шутник» даже попытался снять с себя ответственность за публикацию подделки, заявив, что он-де таким способом просто проверял знания Богоявленского.

Чтобы окончательно развеять все сомнения относительно своей мистификации, Ястржембский указал, что в «гоголевский текст» он вставил упоминания о событиях, которые произошли уже после смерти самого Гоголя в 1852 году.

Но мистификатору не поверили! Известный писатель Г. П. Данилевский в статье «Подделка Гоголя» яростно отстаивал подлинность «гоголевских текстов», а Ястржембского обвинял в желании прославиться благодаря присвоению чужого текста. Не поверили Ястржембскому и другие исследователи.

Тогда мистификатор прибегнул к последнему аргументу. Он пообещал представить на всеобщее обозрение в журнал «Русская старина» первоисточник со своими поправками. На этом скандал завершился. Очевидно, рукопись была представлена, и ее поддельность больше не вызывала сомнений.

Черубина, или Прекрасная незнакомка

Вот мы добрались и до XX века. С фотографии смотрит на нас симпатичная, но отнюдь не загадочная или «роковая» молодая девушка — Елизавета Дмитриева, в замужестве Васильева (1887–1928). Угадать в ней поэтессу, заинтриговавшую весь поэтический мир начала XX столетия, чрезвычайно трудно.

Но в августе 1909 года в редакцию журнала «Аполлон» пришло письмо, автор которого некая поэтесса Ч. предлагала для опубликования свои стихи. Может быть, стихи и не были выдающимися, но вот бумага с траурной каймой, пропитанная тонкими духами и пересыпанная душистыми травами, редактора заинтриговала.

Воображение рисовало облик неземной красавицы, которая «пронизана стихами и туманами». Стихи неизвестной Ч. были напечатаны.

Лишь раз один, как папоротник, я
Цвету огнем весенней пьяной ночью...
Приди за мной к лесному средоточью,
В заклятый круг, приди, сорви меня!

Чуть приподнимал завесу тайны сопровождающий стихи «Гороскоп Черубины де Габриак», написанный Волошиным¹. В следующем номере с лестной оценкой творчества Черубины выступил Иннокентий Анненский². «Аполлон» объявил,

¹ *Волошин Максимилиан Александрович* (1877–1932) — русский поэт-декадент.

² *Анненский Иннокентий Федорович* (1856–1909) — русский поэт, переводчик, критик.

что поэтесса состоит в числе постоянных сотрудников журнала. Всеобщий интерес к загадочной красавице-поэтессе не ослабевал.

*Елизавета
Дмитриева*

«Легенда о Черубине, — вспоминал впоследствии Волошин, — распространилась по Петербургу с молниеносной быстротой. Все поэты были в нее влюблены».

Но тайное рано или поздно становится явным. В данном случае тайна была раскрыта довольно быстро. Редактор «Аполлона» С. И. Маковский узнал и телефон, и адрес Черубины, а также и

то, что аристократический франко-испанский псевдоним придумал для простой молодой учительницы Лизы Дмитриевой сам Волошин. Он же руководил всем этим «спектаклем».

Разоблаченная «Черубина» сказала Маковскому при встрече: «Сегодня, с минуты, когда я услышала от вас, что все открылось, с этой минуты я навсегда потеряла себя: умерла та единственная, выдуманная мною “я”, которая позволяла мне в течение нескольких месяцев чувствовать себя женщиной, жить жизнью, полной творчества, любви, счастья. Похоронив Черубину, я похоронила себя и никогда уже не воскресну...»

Впрочем, в дальнейшем она продолжала писать стихи, но уже никогда их не печатала, публикуя только свои переводы.

ПОТАЕННЫЕ ИМЕНА

Как мы уже говорили, в древности литература была безымянной. Словесное искусство воспринималось как дар богов, а сами авторы искренне считали себя лишь рупорами божественного гласа. Вот почему все эпические поэмы — «Сказание о Гильгамеше», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», «Поэма о Беовульфе» и исландские саги — дошли до нас без имен авторов. Все эти произведения, конечно, были кем-то созданы, но поскольку передавались они от поколения к поколению в устном виде, сказители почитали себя вправе что-то изменить, что-то добавить, что-то осовременить. Но как только появилось представление об авторстве, возникли псевдонимы (вымышленные имена) и анонимы (отсутствие имени автора). Причин их появления несколько. Рассмотрим самые распространенные.

Возможные репрессии

XVI век, во Франции кипит ожесточенная вражда между приверженцами двух религиозных течений — католиками и протестантами (гугенотами).

Кульминацией этого противостояния стала печально знаменитая Варфоломеевская ночь. По зара-

нее условленному сигналу вооруженные католики ночью 24 августа 1572 года обрушились на гугенотов. Их убивали в собственных домах и на улицах, в королевском дворце и в тавернах. Площади и переулки были заполнены убитыми.

Уцелевшие некоторое время вели себя тише воды, ниже травы, но со своими убеждениями расстаться не спешили. С 1574 года по всей Франции начали распространяться политические памфлеты,

разоблачающие короля Карла IX и его сподвижников, по наущению которых была устроена резня. Памфлеты эти выходили без подписи по той простой причине, что за подобные сочинения автору грозила немедленная казнь.

Следующий этап идеологической войны между католиками и протестантами относится к началу XVII века. Убит король Генрих IV Наваррский, пытавшийся примирить враждующие стороны. Противостояние продолжается. В 1616 году выходит в свет том «Трагических поэм», подписанных загадочными литерами L.B.D.D.

В этих произведениях описана история религиозной вражды между единоплеменниками, затеянной Екатериной Медичи¹ и ее родственниками. О Генрихе IV там было сказано:

А наши короли, привыкшие хитрить,
Чтоб злые помыслы и побужденья скрыть,
Торгуют верою без всякого стесненья:
Религия для них орудье угнетенья.

Только через триста лет историкам литературы удалось расшифровать имя сочинителя «Трагических поэм». Им оказался Агриппа д'Обинье², почти четверть века бывший ярым сторонником Генриха Наваррского, а затем разочаровавшийся в недавнем кумире. Когда в 1620 году д'Обинье все же решился опубликовать за своей подписью «Всеобщую историю» (в ней в основном был описан период французской Реформации), книга была приговорена к сожжению, а ее автору пришлось покинуть страну.

¹ *Екатерина Медичи* (1519–1589) — французская королева (1547–1559), определявшая также политику своих сыновей — королей Франциска II, Карла IX, Генриха III.

² *Д'Обинье Агриппа* (1552–1630) — французский поэт и историк, гугенот.

История анонимных и псевдонимных памфлетов во Франции, начавшаяся в XVI веке, продолжалась и в последующие столетия. Так, Дени Дидро, сочинивший в 1749 году «Письма о слепых в назидание зрячим», направленные против церкви, несмотря на отсутствие своей подписи, был быстро вычислен властями и угодил в тюрьму.

Цензура свирепствовала во Франции вплоть до 1789 года, угрожая смертной казнью всем, кто мог быть уличен в нападках на религию, в оскорблении королевской власти и нарушении общественных порядков.

Но и с установлением республики жесткая цензура не исчезла. Поэтому авторы частенько пользовались псевдонимами или просто не подписывали свои сочинения.

В Англии этот процесс начался столетием ранее, а в XVIII веке приобрел наиболее широкие масштабы. В 1702 году в Лондоне вышел анонимный памфлет «Кратчайший путь расправы с диссидентами». Диссидентами (инакомыслящими) тогда именовали противников господствующей церкви — пуритан. Памфлет этот был написан весьма изощренно, и только после тщательного осмысления становилось ясно, что анонимный автор отнюдь не противник пуритан, а сторонник веротерпимости и ненавистник всяческого мракобесия.

Памфлет этот принадлежал перу Даниеля Дефо, будущего автора «Робинзона Крузо». Но, как гласит латинская поговорка, «по когтям узнают льва»; Дефо очень быстро разоблачили и приговорили к трехднев-

ному стоянию у позорного столба на площади. Однако экзекуция превратилась в настоящий триумф. Вокруг позорного столба собрались друзья и почитатели писателя и увенчали его лавровым венком.

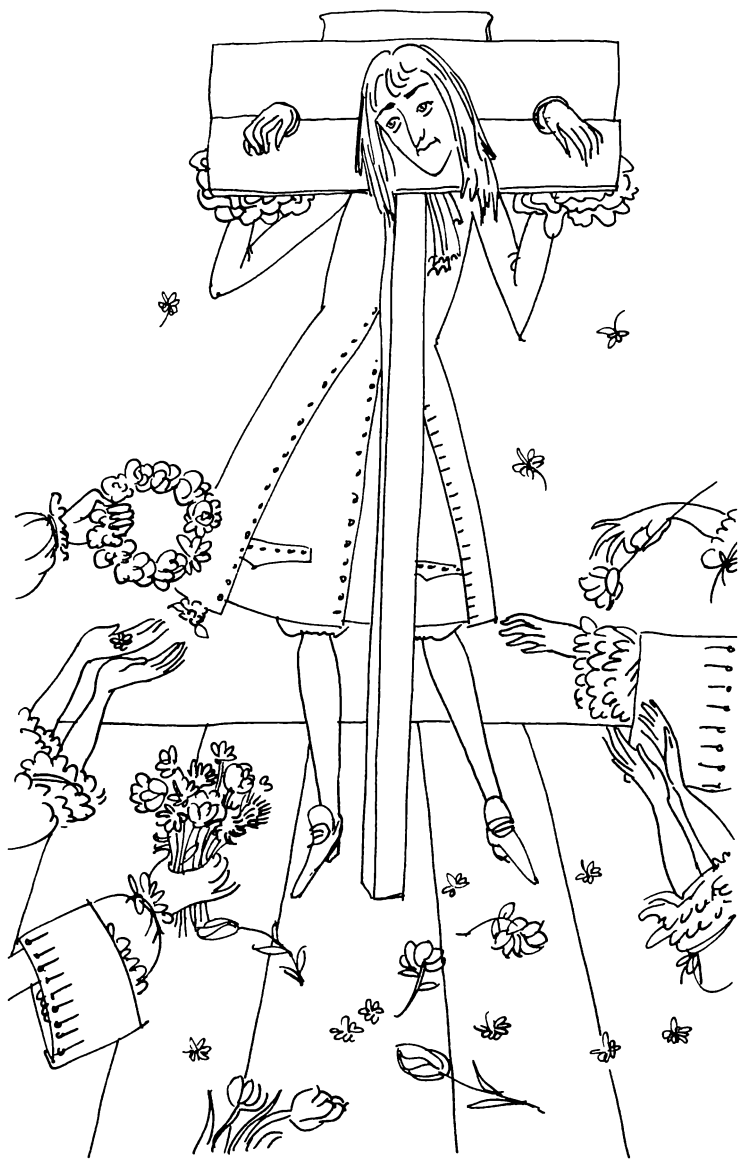
Знаменитый автор «Путешествий Гулливера» (1726) Дж. Свифт начинал со «Сказки о бочке» (1697). В ней три ветви христианства — католическая, англиканская и пуританская — были изображены в лице трех братьев, каждый из которых отстаивал свое вероучение, прибегая в доказательствах ко лжи.

Ставить под такими крамольными сочинениями свое имя было равносильно самоубийству. За обнаружение автора подобных памфлетов королевская власть обещала награду в 300 фунтов, деньги по тем временам умопомрачительные.

В XIX столетии нравы и цензура несколько смягчились, но выступление «против течения» все еще было сопряжено со значительными неприятностями. И в 1842 году первые свои статьи К. Маркс подписывал псевдонимом «Житель Рейнской провинции», а Ф. Энгельс — «Фридрих Освальд».

Не исчез обычай пользоваться псевдонимами и в XX веке. Франсуа Мориак, участник французского Сопротивления и будущий лауреат Нобелевской премии, в 1943 году выпустил «Черную тетрадь», обличающую коллаборационистов¹, под псевдонимом Форез (название горного хребта во Франции).

¹ *Коллаборационисты* — лица, сотрудничавшие с оккупировавшими Францию немецкими войсками во время Второй мировой войны.

В период оккупации Франции фашистами Жан Брюллер выступил в подпольной печати под псевдонимом Веркор. С этим псевдонимом он и вошел в большую литературу в 1950–1970 годы.

И в России «опасные» книги тоже выходили либо без подписи автора, либо под псевдонимом. Первым стало крамольное «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищева¹. Такого резкого антикрепостнического и антимонархического сочинения на Руси еще не было. И хотя написавший «Путешествие...» Радищев выпустил его анонимно, сама Екатерина II велела немедленно разыскать автора. Он, по определению императрицы, был «бунтовщик, хуже Пугачева». Следствие по делу «злодея» императрица вела сама, хотя суровый приговор суда (смертную казнь) она милостиво заменила десятью годами ссылки в Сибирь.

При воцарении Павла I, который все делал наперекор покойной матери, Радищева вернули в Петербург. Тем не менее, отношение властей к нему было очень суровым. Нервы опального вольнодумца не выдержали, и он покончил с собой.

Любое участие какого-либо писателя в политической деятельности или высказывание «дерзких» мыслей приводило к запрету на литературную деятельность. Так, лицейский друг Пушкина В. К. Кюхельбекер², сосланный в Сибирь за участие в дека-

¹ *Радищев Александр Николаевич* (1749–1802) — русский писатель, философ, поэт.

² *Кюхельбекер Вильгельм Карлович* (1797–1846) — русский писатель, декабрист.

бристском заговоре, тщетно пытался воскресить свое имя в печати. Пушкину удалось испросить личное разрешение у государя на публикацию мистерию Кюхельбекера «Ижорский» с условием, что она выйдет анонимно.

А если говорить о временах не столь далеких, то можно вспомнить, что по окончании Великой Отечественной войны Сталин решил потуже завернуть «идеологические гайки».

И когда в СССР развернулась кампания по выявлению инакомыслящих, началась и борьба с псевдонимами. Происходило это в конце 1940-х годов. В печати появились статьи, в которых от имени «общественности» звучали настоятельные требования расшифровывать все псевдонимы. У многих писателей, не печатавшихся под собственным именем, книги были выкинуты из издательских планов. К счастью, длилось это недолго и прекратилось сразу же после смерти Сталина.

Но не только антиправительственная направленность произведений заставляла писателей скрывать свое имя. Существовало и множество других причин.

Нежелание афишировать свою писательскую деятельность

Случалось, что автор считал ниже своего достоинства представать перед читателем в настоящем обличье. Литературный труд вплоть до середины XIX века в ряде европейских стран считался плебейским занятием, недостойным аристократа. Что же гово-

рять о венценосных особах, которые порой испытывали соблазн взяться за перо. А такое тоже бывало.

Например, Екатерина II сочинила немало комических пьес, но ни одной не напечатала под собственным именем.

Ее современник прусский король Фридрих II под своими сочинениями подписывался «Философ из Сан-Суси» (Сан-Суси — королевский дворец в Потсдаме).

Приближенная Екатерины II княгиня Е. Р. Дашкова, ставшая президентом Российской академии наук, написавшая несколько пьес и роман, тоже пользовалась псевдонимами. Самый длинный из них — «Благородная россиянка», а остальные сводились к инициалам.

Боязнь критики и неуверенность в себе

Еще один резон выступать под псевдонимом в начале творческой карьеры — боязнь неудачи. Классический пример тому — двадцатилетний Гоголь, который по приезде в Петербург напечатал романтическую поэму «Ганц Кюхельgarten» (1829). Юный провинциал уповал на всеобщее признание, но отклики критиков были уничтожительными. Будущий автор «Мертвых душ» выкупил продававшиеся экземпляры своего творения и сжег их.

Почти так же поступил и Н. А. Некрасов, дебютировавший со сборником стихотворений «Мечты и звуки» (1840). Гоголь в итоге воспользовался псевдонимом «В. Алов», Некрасов же ограничился инициалами «Н. Н.».

Иной раз авторская скромность, можно сказать, преступала разумные границы. Вальтер Скотт, начинавший как аноним, адаптировавший английские, шотландские и немецкие народные баллады, уже став популярным автором исторических романов, все еще не решался обнародовать свое подлинное имя и подписывался «Автор “Уэверли”» и «Автор “Уэверли” и “Кенильворта”».

В XVIII и начале XIX столетия писатели постоянно меняли псевдонимы. У Свифта их было свыше 70, у Вольтера — более 160, у Стендаля — около 200.

Дискриминация «по половому признаку»

Существовала еще одна причина использования псевдонимов. Долгое время считалось, что женщина не обладает такими способностями, как мужчина, вследствие чего женское творчество заранее воспринимали скептически. Поэтому многие писательницы начинали литературную деятельность под мужскими именами. Шарлотта Бронте, получившая известность как автор романа «Джен Эйр» (1847), впервые напечаталась под псевдонимом Каррер Белл. Примеру Шарлотты последовали и обе ее сестры, тоже ставшие известными писательницами. Эмили подписывалась «Элисс Бейл», а Анна — «Актон Бейл».

Аврора Дюпен (по мужу Дюдеван) писала под псевдонимом Жорж Санд. Романы Жорж Санд, посвященные положению женщины в обществе, были

востребованы во всех европейских странах, а в России служили образцом для подражания.

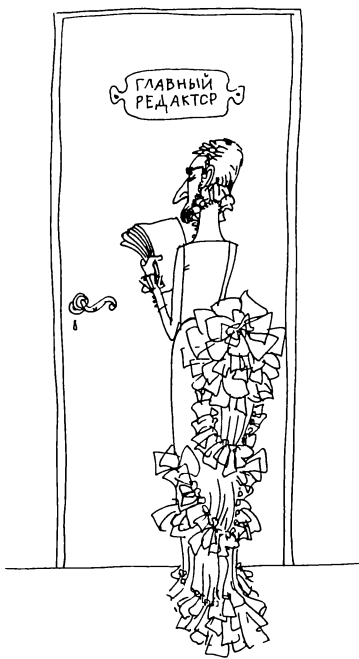
Знаменитая героиня войны 1812 года, девушка-гусар Н. А. Дурова, служившая под именем корнета Александрова, впоследствии стала писательницей. В качестве псевдонима она использовала привычную фамилию — Александров.

Коль скоро женщины прикрывались мужскими фамилиями и именами, то и мужчины не отставали от них. Среди множества псевдонимов Вольтера числилось и несколько дамских: «Фатима», «Катрин Ваде», «Вдова Дени»...

В этом отношении и Россия не была исключением. Романист Г. П. Данилевский («Княжна Тараканова», «Сожженная Москва» и др.) начинал как поэт и журналист. В журнале «Пантеон» (было это в 1853 году)

ему однажды вернули стихи как не представляющие интереса. Молодой человек не слишком опечалился.

Через несколько недель в «Пантеон» поступила по почте довольно увесистая поэма «Адвокатство женщины», сопровождаемая письмом. Писала шестнадцатилетняя девица, живущая в отдаленной де-

ревеньке, но тяготеющая к изящной словесности. Заканчивалось письмо таким пассажем: «Напечатаете — буду в восторге, отвергнете — тихо перестрадаю». И подпись: «уважающая вас почитательница Евгения Сарафанова».

К стихам юной провинциалки в редакции отнеслись снисходительно, и отрывки из поэмы увидели свет. Второе письмо от Е. Сарафановой не заставило себя ждать: «Плакала от счастья. Благодарю, благодарю. Напишу много, когда волнение уляжется. А пока, если можно, пришлите мне какое-нибудь вознаграждение: я — девушка бедная».

Гонорар был выплачен... Данилевскому, который выступил как сосед-посредник мнимой поэтессы. Через годы он признался в мистификации и включил эту поэму в собрание своих сочинений.

Прозвище стало псевдонимом

Существуют псевдонимы, которые можно приравнять к своего рода характеристике. Римский поэт Овидий, автор известных во всей Европе «Метаморфоз» (I век н. э.), имел прозвище Назон, то есть Носатый, а другого, не менее знаменитого римского поэта, жившего веком ранее, прозвали Флакк — Лопухий. За истекшие столетия первоначальное значение прозвищ-псевдонимов позабылось, и теперь они фигурируют в учебниках вместо имен.

Зачинатель европейского басенного жанра римлянин Полибий вошел в историю мировой литературы под именем Федр (по-гречески «веселый»).

Английский гуманист Томас Мор свое первое произведение опубликовал под псевдонимом Литтл — Маленький.

Автор любил пошутить

Нельзя не упомянуть о псевдонимах-перевертышах. Например, ирония, пронизывающая басни И. А. Крылова, нашла продолжение и в его жизни. Отсюда один из его псевдонимов-перевертышей — «Нави Волырк».

Но, пожалуй, самыми распространенными псевдонимами были буквенные. Как правило, вместо имени автора писались одна, две или несколько букв.

Так, Л. Н. Толстой первые свои произведения («Детство» и «Набег» — 1852) подписал инициалами «Л. Н.», а несколько освоившись в литературе, добавил еще одну букву — «Л. Н. Т.».

Одной буквой «П.» часто подписывался Пушкин.

Также одной буквой «В.» ограничивались П. А. Вяземский и В. А. Жуковский, только у первого это означало фамилию, а у второго — имя.

Гоголь же поставил под «Главой из исторического романа» («Северные цветы на 1831 год») четыре одинаковых буквы, входящих в его фамилию — Гоголь-Яновской¹ — ОООО.

Прозаик и критик А. В. Дружинин писал юмористические очерки «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам»

¹ Написание фамилии дано согласно транскрипции тех лет.

в некрасовском «Современнике»¹. Когда же очерки эти приобрели популярность, Дружинин начал подписываться под ними весьма прозрачным псевдонимом: Ив. Ч-р-н-к-ж-н-к-в.

Разновидность псевдонимов, употребляемых только в русской литературе, заключалась в использовании не имени, а отчества автора, которое в европейских странах отсутствует.

Один из основоположников советской литературы Александр Серафимович Попов, автор прославленного «Железного потока» (1924), избрал своим псевдонимом «Серафимóвич», лишь переставив ударение в слове.

Бывало и так, что буквы заменялись цифрами, в результате чего подпись оказывалась зашифрованной нехитрым шифром. Пушкин в юности подписывался «1... 16-14». Заменяем буквы на их порядковые номера в алфавите и получаем «А... П-н».

Самый простой и распространенный способ скрыть свое имя (и одновременно доставляющий потомкам немало хлопот для разгадки) — подписи N и NN.

Это сокращенные латинские слова nemo (никто) и nomen nestio (не знаю имени). Такие инициалы употреблялись Державиным, Карамзиным, Батюшковым, Грибоедовым, Гоголем, Достоевским, Некрасовым, Плещеевым, Куприным и множеством других литераторов.

¹ «Современник» — журнал, основанный А. С. Пушкиным в Санкт-Петербурге. Его редакторами и издателями в разные годы были П. А. Вяземский, Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский и др.

ФАЛЬШИВЫЕ КНИГИ

Многим серьезным собирателям редких книг хочется купить уникальное издание, существующее в очень небольшом количестве экземпляров. И спрос рождает предложение. Всегда находятся умельцы, способные изготовить подделку, ведь фальсификация редких изданий — дело прибыльное.

В начале XIX века, когда в России резко возрос интерес к отечественной истории и культуре, коллекционирование древних рукописей вошло в моду. И сразу же стали появляться поддельные памятники древнерусской литературы — «Русская правда», «Устав Ярослава», «Чтение о житии Бориса и Глеба» и другие.

Фальсификаторы древнерусских литературных памятников в основном остались для потомков неизвестными. И все же есть несколько имен, вошедших в анналы истории русского библиофильства.

«Костыль Ивана Грозного»

Взять хотя бы уже знакомого нам по первой главе Александра Ивановича Сулакадзева. Прежде всего, следует отметить: этот человек, поставивший изготовление древних рукописей чуть ли не на поток, был бескорыстен. Точнее, его корысть состояла не в

наживе, а во всепоглощающем желании заработать славу «великого антиквария».

Это была анекдотическая личность. Известный филолог XIX века профессор И. А. Шляпкин охарактеризовал его так: «...“Хлестаков археологии” имел непостижимую дерзость выдумывать невозможный вздор, которому, быть может, и сам верил».

К этой характеристике близка оценка А. Н. Пыпина¹: «...это был не столько поддельщик, гнавшийся за прибылью, или мистификатор, сколько фантазер, который обманывал и самого себя. Повидимому, в своих изделиях он гнался прежде всего за собственной мечтой восстановить памятники, об отсутствии которых сожалели историки и археологи; вывести на сцену самого Бояна², о котором лишь неясно говорило “Слово о полку Игореве”; объяснить древние события, о которых не осталось сведений... Древность представлялась Сулакадзеву в таинственных и фантастических очертаниях: без сомнения, до него дошли творения Оссиана; ему помнилось “Слово о полку Игореве”; по его каталогу видно, что он рылся в старых книгах, знал полатыни, умел, по крайней мере, читать по-гречески. Главной его чертой остается фантастическое представление о старине...»

Еще один современник Сулакадзева сообщает о нем забавные подробности: «Мне давно говорили

¹ *Пыпин Александр Николаевич (1833–1904)* — известный фольклорист и исследователь древнерусской литературы.

² *Боян* — легендарный певец и сказитель, упоминается в «Слове о полку Игореве».

о Селакадзеве... как о великом антикварианте, и я, признаюсь, по страсти к археологии, не утерпел, чтобы не побывать у него. Что ж, вы думаете, я нашел у этого человека? Целый угол наваленных черепков и битых бутылок, которые выдавал он за посуду татарских ханов, отысканную будто бы им в развалинах Серая¹; обломок камня, на котором, по его уверению, сидел Дмитрий Донской после Куликовской битвы; престрашную кипу старых бумаг из какого-нибудь уничтоженного архива, называемых им новгородскими рунами²; но главное сокровище Селакадзева состояло в толстой, уродливой палке, вроде дубины, употребляемой кавказскими пастухами для защиты от волков; эту палку выдавал он за костыль Иоанна Грозного, а когда я сказал ему, что на все его вещи нужны исторические доказательства, он с негодованием возразил мне: “Помилуйте, я честный человек и не стану вас обманывать”. В числе этих древностей я заметил две алебастровые статуйки Вольтера и Руссо, представленных сидящими в креслах, и в шутку спросил Селакадзева: “это что у вас за антики?” “Это не антики, — отвечал он, — но точные оригинальные изображения двух величайших поэтов наших, Ломоносова и Держави-

¹ *Сарай* (Серай) — одна из столиц Золотой Орды (Сарай-Бату или Сарай-Берке).

² *Руны* — знаки древнейшего германского алфавита (со II века до позднего Средневековья), высекавшиеся или вырезавшиеся на дереве, камне, металле, кости. Были распространены в Скандинавии, Исландии, Гренландии, Англии, Северной Европе, Северном Причерноморье, в Старой Ладогe и Новгороде.

на». После такой выходки моего антиквария мне осталось только пожелать ему дальнейших успехов в приращении подобных сокровищ и уйти, что я и сделал».

В каталогах Сулакадзева встречаются названия рукописей, из которых следует, что он был обладателем уникальных «сокровищ славянской древности». Чего стоят «Молитвенник св. великого князя

Владимира, которым его благословлял дядя его Добрыня», «Иудино послание, рукопись на славянском языке второго века, претрудно читать, на шкуре» или «Поточник, рукопись 8 века, жреца Солнцеслава»! И тому подобные.

Всего у Сулакадзева хранилось 290 рукописей. Среди них действительно было немало старинных и редких литературных памятников. Но, к сожалению, собиратель испортил не один древний манускрипт, собственноручно украсив его «приписками», якобы сделанными мнимыми прежними владельцами или читателями.

Язык сфабрикованных Сулакадзовым рукописей представлял собой бессвязный набор слов, причем чем древнее был текст, тем очевиднее бессвязность. Главным свойством древнего стиля Сулакадзев, судя по всему, считал его загадочность, «тёмность». Пытаясь имитировать «древность», он стремился к максимальной непонятности, наивно полагая, что важным признаком древнего языка является полное отсутствие грамматических правил.

Подделка, которой гордится вся Чехия

Если сулакадзевские «бояновы песни» и «веле-совские вещания» не нашли признания у любителей русской старины (ну не дотягивал Сулакадзев как поэт и стилист до уровня Макферсона!), то совершенно иначе сложилась судьба чешской Краледворской рукописи, спор о которой выплеснулся за пределы научных кругов и затянулся на сто пятьдесят лет.

В 1817 году Вацлав Ганка, секретарь чешского литературного общества и автор сборника из двенадцати стихотворений, отправился для научной работы в захолустный провинциальный городок Краледвор.

Это было время национального возрождения Чехии. В течение двухсот лет чешский язык и чешская культура подвергались гонениям, шла насильственная германизация коренного населения. Старочешские книги запрещались и сжигались на кострах, школы были повсеместно немецкими. И дух национального самоутверждения проявился в восстановлении в правах чешского языка и обращении к историческому прошлому, отраженному в фольклоре и древних памятниках чешской письменности.

Вацлав Ганка (в 1817 году ему было всего двадцать шесть лет) прекрасно знал древнечешскую литературу, древнерусскую и южнославянскую письменность. И этому молодому человеку, борцу за возрождение чешской национальной культуры, несказанно повезло. Он нашел древнюю чешскую рукопись, свидетельствующую о высоком поэтическом развитии живших в старину чехов.

В 1819 году весь научный мир Чехии и Германии был потрясен древними текстами чешского народного эпоса. Они сопровождались прекрасными переводами на чешский и немецкий языки (чешский перевод был сделан Ганкой, а немецкий — его другом, начинающим поэтом В. Свободой).

В предисловии Ганка рассказал историю своей находки. В 1817 году один капеллан посоветовал ему порыться в подвалах краледворского костёла. Там юноша и нашел двенадцать разрозненных пергаментных листков и два лоскутка, на которых старинными чешскими буквами было записано восемь эпических и пять лирических песен.

В предисловии Ганка процитировал известного чешского филолога и историка Й. Добровского. Последний высоко оценил художественные достоинства древних текстов и датировал манускрипт, который по месту находки называли Краледворской рукописью, концом XIII — началом XIV века.

Ганка, который отвел себе скромную роль переводчика, в предисловии посетовал, что «перевод на новый чешский язык уступает в достоинстве подлиннику». Восхищенные читатели решили, что опубликованные стихи прекрасны и возвышенны. Всех потрясли пять героических песен, которые сочли не только памятником древней чешской словесности, но и «ключом ко всей истории» древних чехов, источником знания об их обычаях, быте, укладе жизни.

Находка сделала Ганку известным не только в Чехии, но и в других славянских странах. Большой интерес Краледворская рукопись вызвала в России. Уже в 1820 году ее тексты были переведены на русский язык и опубликованы Российской академией наук.

Ганка выдвинул идею создания Национального музея — для хранения и изучения памятников чешской старины — и начал активно воплощать ее в жизнь. В 1818 году была собрана огромная сумма — более 60 000 франков. Кроме того, в музей передавались богатые книжные собрания, рукописи, предметы старины и т. д. Сам Ганка преподнес в дар музею Краледворскую рукопись, ставшую его главной достопримечательностью.

А открытия тем временем посыпались как из рога изобилия. В 1817 году Й. Линдой, начинающим пи-

сателем и другом Ганки, в переплете какой-то старой книги был найден пергамент с рукописным отрывком из старинной чешской песни, получившей название «Песня о Вышеграде» и датированной исследователями концом XII — началом XIII века (то есть написанной на сто лет раньше текстов Краледворской рукописи).

В 1818 году кто-то, пожелавший остаться неизвестным, прислал пражскому бургграфу¹ остатки большой рукописи с двумя стихотворными фрагментами. Один фрагмент — в девять стихотворных строк — получил название «Сейм», другой — в сто двадцать строк — «Суд Либуше»².

В наспех написанном анонимном послании говорилось, что пергамент был найден в каком-то домашнем архиве, где он провалялся не одно столетие. Сенсация была налицо: судя по письму, это был древнейший памятник чешской письменности, созданный на рубеже IX и X веков. Манускрипт, получивший со временем у ученых название «Зеленогорская рукопись», поместили все в том же Национальном музее.

Наконец, в 1819 году в переплете другой старой книги была найдена четвертая древняя рукопись в виде одного листа древнего пергамента, на котором кто-то записал «Любовную песню короля Вячесла-

¹ *Бургграф* — в Средние века — начальник города, назначавшийся королем и обладавший административной, военной и судебной властью.

² *Либуше* — одна из трех дочерей легендарного первого чешского князя Крока, славившаяся знанием законов и обычаев народного права, что помогало ей творить справедливый суд.

ва». Обнаружил его сотрудник университетской библиотеки Й. Циммерман. Он тоже послал находку пражскому бургграфу, но свое имя не скрыл, а, напротив, подчеркнул в сопроводительном письме сопричастность к великому событию.

Итак, у чехов, как и у других славянских народов, появился свой национальный эпос, своя древняя поэзия.

Но всеобщего энтузиазма на этот раз Добровский не разделил. Уже третья рукопись — «Суд Либуше» — показалась ему весьма подозрительной. Он — патриарх чешской славистики — не смог перевести этот текст, хотя имел большой опыт чтения старых манускриптов, а два его ученика, В. Ганка и Й. Юнгман, перевели с удивительной легкостью!

Вацлав Ганка

Правда, свое мнение о подделке он поначалу высказал только в частных письмах, но по поводу четвертой рукописи Добровский уже открыто заявил: «Это явное и тяжелое подражание рыцарской любовной поэзии». Не могло ученого не насторожить, что близким другом Циммермана был... Линда.

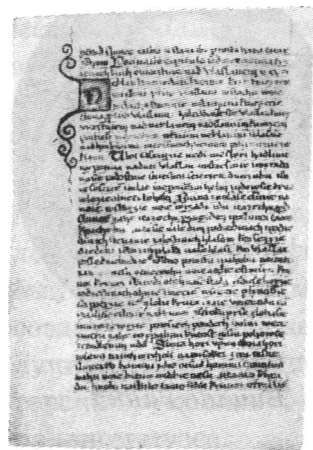
В 1824 году Добровский опубликовал заметку «Литературный обман», где назвал Зеленогорскую рукопись «поддельным мараньем», созданием плута, который «решил надуть своих легковерных зем-

ляков», а в 1827 году ученый публично отверг подлинность «Суда Либуше», «Песни о Вышеграде» и «Песни короля Вячеслава». Голос его был одиноким, ибо все без исключения чешские ученые продолжали видеть в этих песнях памятники древней литературы.

Интересно отметить, что один из крупнейших славистов XIX века — Франц Миклошич (1813–1891), не желая, по-видимому, наносить удар чешскому

национальному движению, отказался производить экспертизу Краледворской рукописи и не обращал внимания на нее до конца своей жизни.

Между тем найденные счастливым образом рукописи издавались и переиздавались. Древние рукописи признали во всем мире, старинные песни назвали по аналогии с древнегерманским эпосом «чешскими Нибелунгами»¹. И когда в 1837 году видный славист

*Краледворская
рукопись*

Е. Копитар (1780–1844), предположивший мистификацию, потребовал проведения тщательной экспертизы всех находок, его обвинили в литературной нетерпимости, зависти к чешским ученым.

¹ «Песнь о Нибелунгах» — немецкий героический эпос (около 1200 года).

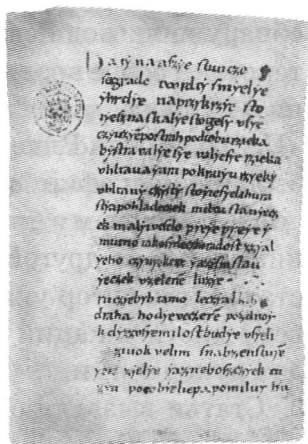
Песнями восхищались просвещенные европейцы. Даже сам великий Гёте перевел несколько песен на немецкий язык!

Сам же Ганка продолжал выпускать одно за другим новые издания своей Краледворской рукописи.

В 1842 году он опубликовал ее пятитомное восьмизычное издание. Через десять лет им было подготовлено уже издание на двенадцати языках, где каждый перевод предварялся предисловием переводчика. Это было двенадцатое по счету издание.

В глазах чехов Ганка был национальным героем, ведь он вернул им великое прошлое. Сам герой вел чрезвычайно скромную жизнь. С 1823 года до самой смерти он был хранителем библиотеки Чешского национального музея, и его немалая заслуга в том, что она стала самым богатым собранием книг и рукописей на славянских языках.

Гром грянул в 1856 году. Под давлением немецких славистов совет Национального музея решился на палеографическую и филологическую экспертизу «Песни короля Вячеслава». Ее провел молодой австрийский ученый Ю. Фейфалик, который блестяще доказал подложность «Песни». Далее обнаружился подлог «Песни о Вышеграде», некогда переведенной Гёте.

*Песнь
о Вышеграде*

Грамматический анализ вскрыл наличие в ней таких стихотворных форм, которые появились лишь в конце XIV века, а палеографическая экспертиза обнаружила под текстом следы какого-то другого текста — более позднего происхождения, чем «Песня о Вышеграде», датированная XII веком. Подлог «Песни короля Вячеслава» и «Песни о Вышеграде» был признан официально.

Тем временем в пражской газете «Богемский вестник» одна за другой стали появляться анонимные статьи, где автор указывал на Ганку как на автора всех мистификаций с найденными в 1817–1819 годах рукописями.

Статьи вызвали страшное возмущение чешских патриотов. Они обвинили газету в невежественности, в разжигании национальной вражды между чехами и немцами. Оскорбленный и обиженный Ганка подал на редактора в суд, который приговорил обидчика пана библиотекаря к штрафу в сто флоринов и возмещению судебных издержек.

Но, несмотря на выигранный процесс, история с судом не прошла для Ганки даром. Он умер 12 января 1861 года. Никто не сомневался, что именно судебный процесс сократил его жизнь.

Суд отнюдь не охладил пыла сражающихся сторон. Полемика вокруг Краледворской рукописи не угасла. Споры, перемежающиеся экспертизами, продолжались всю первую половину XX века.

Лишь в конце 1960-х — первой половине 1970-х годов группа экспертов раскрыла технологию изготовления «древних» манускриптов и было убедительно доказано, что творцами Краледворской и

Зеленогорской рукописей являлись Ганка и Линда, удачно дополнявшие друг друга.

Но вот парадокс: разоблачение Краледворской и Зеленогорской рукописей не нанесло непоправимого удара национальной гордости и достоинству чехов. Значение рукописей Ганки трудно переоценить. Они сыграли очень важную роль в возрождении чешской культуры, обогатили ее патриотическими идеями и замечательными художественными образами.

Пьеса, которую Мольер не писал

Порой подделывались не только рукописи, но и так называемые автографы — тексты, собственноручно написанные великими авторами. Остановимся на двух мистификациях, связанных с автографами Мольера и Шекспира. Литературные достоинства этих подделок различны, а история каждой своеобразна и в чем-то поучительна.

В январе 1845 года во французском театральном журнале «Антракт» было помещено письмо некоего адвоката из Руана М. Геро-Лагранжа, сообщавшего публике о найденной им рукописи пьесы Мольера «Влюбленный доктор». Адвокат объяснил, что рукопись обнаружена им в семейном архиве, и в том не было ничего странного, так как он — потомок Лагранжа¹, близкого друга Мольера.

¹ *Лагранж Шарль* (1639–1692) — французский актер, исполнявший в пьесах Мольера главные роли.

Комедия «Влюбленный доктор» считалась безвозвратно утерянной, но знатокам творчества знаменитого французского драматурга она была хорошо известна: именно этот фарс, исполненный труппой Мольера перед Людовиком XIV, решил судьбы драматурга и его труппы. Королю так понравился остроумный спектакль, что он предоставил Мольеру старый театр в Малом Бурбоне и назначил ему щедрый пенсioen — полторы тысячи ливров в год. Понятно, что находка утраченной пьесы, открывшей Мольеру путь к славе, вызвала сенсацию.

Сенсационность находки заключалась еще и в том, что не сохранилось ни одной рукописи Мольера, ни одного его письма; только две денежные расписки.

Через некоторое время в парижский театр «Одеон» явился молодой человек, назвавшийся Эрнестом де Калонном. Он заявил, что является близким другом Геро-Лагранжа, что тот тяжело болен и приехать в Париж не может, а потому поручил ему вести переговоры о постановке найденной пьесы.

Калонну было 22 года, недавно он закончил Сорбонну и попробовал себя на поприще драматургии. Дирекции «Одеона» он был знаком: не так давно юноша приносил в театр две свои пьесы — трагедию «Виржиния» и водевиль «Под маской». Но творения начинающего драматурга никого не вдохновили, и в их постановке Калонну было отказано.

Теперь с Калонном разговаривали по-другому: ведь он пришел с творением бессмертного Мольера! Условия постановки, выдвинутые Геро-

Лагранжем и Калонном, были весьма оригинальны. Вместе с комедией Мольера театр был обязан поставить и отвергнутый недавно водевиль Калонна «Под маской».

Читка пьесы состоялась 12 февраля. Роли были отданы лучшим актерам, начались репетиции. Тем временем в печати некоторые театральные критики подняли вопрос о мистификации. Одним из сомневавшихся был Теофиль Готье¹, высмеявший руководство театра. Оказывается, Лагранж, чьим потомком объявил себя адвокат из Руана, умер... бездетным.

Заподозрив неладное, директор потребовал от Калонна рукопись (молодой человек принес в театр ее копию). Сначала Калонн отговаривался, ссылаясь на нежелание руанского друга расставаться с драгоценным раритетом, но угроза остановить репетиции возымела действие. Калонн уехал в Руан и через несколько дней вернулся с восьмидесятистраничной рукописью Мольера.

Премьера «Влюбленного доктора» состоялась 1 марта 1845 года. Для привлечения публики в фойе театра была выставлена «рукопись Мольера». Калонн к «Влюбленному доктору» присовокупил собственный пролог в стихах, в котором он рассказал историю находки.

Театр ломился от зрителей. Все жаждали не только посмотреть спектакль, но и увидеть знаменитую рукопись. В антракте публика ринулась в фойе, где

¹ *Готье Теофиль* (1811–1872) — французский писатель и критик, сторонник теории «искусства для искусства».

был выставлен раритет, охраняемый двумя жандармами. Все были в восторге, только Теофиль Готье не унимался: «Рукопись выглядит слишком старой, что доказывает ее молодость».

Пьеса имела огромный успех не только у публики, но и у знатоков театра. Авторитетные театральные критики не сомневались в подлинности и давали блестящие отзывы о творении Мольера. Только Готье настаивал на своем, продолжая твердить, что «Влюбленный доктор» — подделка и ее автор Калонн. «Чернила от времени выцветают неравномерно, — заявлял он. — А эта рукопись написана просто разбавленными чернилами».

И все было бы хорошо. На разоблачения Готье никто не обращал внимания, комедия шла при переполненных залах, рукопись выглядела очень достоверно. Раскрыл мистификацию сам Калонн. Будучи человеком тщеславным, он как-то расхвастался перед одним своим другом, что «Влюбленный доктор» — плод его творчества, а рукопись ему помогал сфабриковать некий палеограф.

Слухи о подделке тотчас разлетелись по всему Парижу. И только тогда догадались проверить, живет ли в Руане адвокат Геро-Лагранж. Адвоката с такой фамилией там не оказалось. Теофиль Готье торжествовал, над директором «Одеона» все потешались, а яркая звезда Эрнеста де Калонна как драматурга навсегда закатилась. Он уехал в Алжир, где занялся научной работой и преподавательской деятельностью.

Обманутый отец, или Шекспировские страсти

История с подложными автографами Шекспира была гораздо масштабнее и, затянувшись не на один год, имела весьма печальный финал.

В Лондоне в 1790-х годах любителям книг была хорошо известна книжная лавка библиофила-букиниста Сэмуэля Айрлэнда. Лавка эта была чем-то вроде литературного клуба, где собирались любители старины и всяких книжных редкостей. Ее хозяин слыл изрядным знатоком старинных книг. Особую страсть старик Айрлэнд испытывал к творчеству Шекспира и ко всему, что связано с его именем. У него был сын Уильям, который, к радости отца, унаследовал любовь к старинным книгам, и Айрлэнд рассчитывал, что отпрыск со временем продолжит его дело. А пока семнадцатилетний юноша был определен клерком в контору нотариуса.

Как-то, разбирая бумаги своего патрона, Уильям обнаружил ящики с множеством старых документов, относящихся к концу XVI века, эпохе царствования королевы Елизаветы. Среди бумаг он нашел договор на заклад земельного участка, заключенный между Шекспиром и стратфордским землевладельцем Фрэзером. Подпись великого драматурга, известная знатокам, оформление договора, бумага, чернила — все это не вызывало никаких сомнений. Юноша вручил автограф взволнованному отцу, а через три месяца объявил ему, что обнаружил еще множество интереснейших документов, связанных с Шекспиром.

Это были театральные заметки, несколько контрактов с актерами, книги с пометками Шекспира на полях, переписанный экземпляр «Короля Лира» с вариантами, неизданные фрагменты «Гамлета» и два «любовных письма» Шекспира, адресованные Анне Хэтвей¹, причем в одном из них была даже вложена прядь волос Шекспира.

Уильям поведал отцу, что бумаги передал ему некий человек, пожелавший остаться неизвестным. Он-де узнал о его всепоглощающей страсти к старинным документам и пожертвовал частью своего семейного архива. Передавая бесценные реликвии, неизвестный поставил лишь одно условие: его имя нигде не должно упоминаться, только инициалы — М. Х.

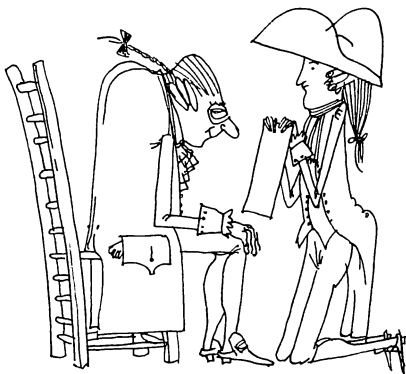
Старик Айрлэнд поверил в эту весьма странную историю. Его восторгу не было границ! Букинист посчитал необходимым устроить в своей лавке выставку бесценных документов.

На выставку, открытие которой состоялось в феврале 1795 года, потянулся весь литературный Лондон. Сам великий критик Д. Босуэлл² с благоговением опустился перед витриной с раритетами на колени. Вскоре уже вся Англия знала о чудесных находках и их счастливом обладателе Сэмуэле Айрлэнде. Эта была, безусловно, находка века, ведь все сохранившиеся шекспировские автогра-

¹ *Хэтвей Анна* — супруга Шекспира, на которой он женился в 18-летнем возрасте (1582).

² *Босуэлл Джеймс* (1740–1795) — английский писатель и критик, мемуарист.

фы — это всего лишь шесть его подписей под деловыми бумагами. А тут найдена целая коллекция документов гения! Шестнадцать писателей и ученых — знатоков Шекспира — поставили свои подписи под свидетельством, удостоверяющим подлинность автографов.

Весть о драгоценной находке докатилась до королевского дворца, и оба Айрлэнда были приняты членами королевского дома. Всё вроде бы было замечательно, но один из лучших знатоков Шекспира Эдмунд Мэлоун¹ наотрез отказался посетить выставку Айрлэнда, во всеуслышанье заявив о подлоге. Вскоре слышались голоса и других скептиков, требовавших детального изучения чудесных «реликвий». Среди них оказался и Босуэлл, еще недавно веривший в подлинность бумаг.

Но Айрлэнда это не остановило. Он выпустил по подписке сборник найденных материалов, что вызвало новый шквал нападок и злых шуток со стороны его противников. В ответ публиковались негодующие выступления защитников шекспировских

¹ Мэлоун Эдмунд (1741–1812) — ирландский ученый, автор «Истории сцены» (1780), составитель собрания сочинений Шекспира (1790).

документов. И только Уильям, главный виновник разыгравшихся страстей, загадочно молчал. У него на подходе была новая сенсация.

Во время разгорающегося скандала Уильям сразил отца «новой находкой». Ею оказалась неизвестная трагедия Шекспира «Вортигерн», написанная белыми стихами. В трагедии рассказывалось о битве бриттов¹ под предводительством короля Вортигерна с пиктами² и шотландцами.

Ажиотаж вокруг шекспировских рукописей достиг своего апогея. Прослышав о находке, два лучших театра Англии — Друри-Лейн и Ковент-Гарден — прислали к Айрлэндам своих представителей просить пьесу для постановки. Старый букинист выбрал Друри-Лейн.

Но не только жажда славы подогревала старика Айрлэнда, в нем проснулся коммерсант. Он потребовал от дирекции театра деньги за право постановки и определенную сумму со сборов за спектакли. Руководство театра все условия антиквара приняло. Лучшие актеры Англии получили роли в этой постановке. Музыку к ней написал известный тогда композитор У. Линли. В дописанных прологе и эпилоге воздавалась хвала Сэмуэлю Айрлэнду.

Однако уже на первых репетициях стало ясно, что пьеса никуда не годится. За несколько дней до премьеры от участия в постановке отказалась исполнительница главной роли, сославшись на плохое

¹ *Бритты* — кельтские племена, основное население древней Британии до прихода англов и саксов.

² *Пикты* — древние шотландские племена.

самочувствие. Очевидно, примадонна, почувствовав неладное, не захотела ставить себя в смешное положение.

Масла в огонь подлил Мэлоун, опубликовавший памфлет под названием «Анкета о подлинности документов, приписываемых Шекспиру», где откровенно веселился по поводу доверчивости театра.

Премьера была назначена на 2 апреля 1796 года. У входа в Друрилейнский театр раздавали листовки с текстами Мэлоуна — в них он протестовал против «отвратительного подлога». В воздухе пахло скандалом. И он разразился.

Начался спектакль. Поначалу все шло довольно гладко. Но уже вскоре по переполненному залу начали прокатываться смешки. Стихи были настолько бездарны, что публика быстро настроилась на веселый лад. Казалось, что актер, игравший Вортигерна, издевается над текстом, превращая патетические сцены в фарс. Когда же он по ходу пьесы произнес положенные слова:

«Я бы хотел, чтобы этот мрачный фарс поскорее кончился», — зал дрогнул от хохота. Трагедия провалилась, второй спектакль уже не состоялся.

Всем стало ясно — пьеса поддельна, а значит, поддельны и остальные шекспировские документы. Казалось бы, провал должен был убедить и старика Айрлэнда в подлоге, но не тут-то было. Он оказался единственным, чья вера в подлинность «шекспировских» текстов не пошатнулась.

Тем временем по подлогу было предпринято расследование. Юный Айрлэнд сначала отпирался, но затем под тяжестью улик сознался в фальсификации. Но и тут его отец не поверил! Он заявил, что его сын «слишком ограничен, чтобы написать хотя бы десять рифмованных строк». Тогда Уильям в ответ выпустил брошюру с историей мистификации. Сэмуэль Айрлэнд счел это предательством, проклял сына и выгнал его из дома.

Жизнь младшего Айрлэнда не сложилась. Он неоднократно пытался примириться с отцом, но тот был неумолим. Уильям сменил несколько профессий, безуспешно пытал счастья на писательском поприще и умер через тридцать восемь лет после истории с находкой «шекспировских документов».

Но слава все же догнала его. Это слава великого обманщика, пусть на короткое время, но надувшего весь литературный бомонд Англии. Его имя занесено в Британскую энциклопедию, а бездарная трагедия «Вортигерн» хранится в Британском музее в знаменитом зале манускриптов среди рукописей корифеев английской литературы.

Криминальное искусство

Эрнеста де Калонна и Уильяма Айрлэнда, в отличие от Вацлава Ганки, разоблачили довольно быстро. И дело здесь не только в стечении обстоятельств. Более современная бумага, на которой были выполнены подложные автографы, все равно бы выдала фальсификаторов, не выдержав первой же серьезной экспертизы. Другое дело — подделка, выполненная на старинном пергаменте, где первоначальный текст смыт или соскоблен — как это было в случае с рукописями Ганки.

Нужна серьезная химическая экспертиза, рентгенограмма, чтобы доказать наличие палимпсеста¹. Если учесть, что палимпсесты были чрезвычайно распространены до начала книгопечатания, то вопрос подлинности многих старинных рукописей усложняется в некоторых случаях в разы. Поэтому поддельные печатные книги встречаются значительно реже рукописных.

И тем не менее, печатные книги подделывают. Каждый собиратель старинных и редких изданий сталкивался с реставрированными раритетами. Реставрируется обычно книга дефектная, лишенная страниц, своего первоначального «родного» пере-

¹ *Палимпсест* — писчий материал, использованный два или более раз. Книги в древности писались на пергаменте — специально обработанной телячьей коже. Пергамент стоил довольно дорого, поэтому средневековые каллиграфы нередко соскабливали первоначальный текст, который им казался устаревшим или идеологически вредным, а поверх него писали новый.

плета и т. д. При этом недостающая страница может быть перенесена в реставрируемую книгу из другого экземпляра или искусно скопирована при помощи пера и туши.

В Британском музее, крупнейшей библиотеке Англии, с некоторых пор даже стали специальным значком метить отреставрированные страницы, так как работавший там реставратор сам не мог отличить своей работы от подлинных страниц книги. В парижской Национальной библиотеке много лет работал реставратор Адам Пилинский, до мельчайших деталей воспроизводивший особенности любого копируемого им шрифта.

Иногда отреставрированный экземпляр выдается продавцом за полноценный. Поэтому, покупая редкую книгу, опытные антиквары тщательно проверяют ее от первой страницы до последней, обращая внимание на самые мельчайшие, казалось бы, совсем незначительные детали. Так один знаменитый парижский антиквар, просматривая предложенный

ему редчайший экземпляр первопечатной книги, заметил, что весь большой том был насквозь источен книжным червем, и только одна страница не имела характерных дырочек. Эта страница и оказалась замененной реставратором.

При всей сложности подделка печатных книг уже давно была поставлена на поток. Еще в конце XVIII века в Лионе и Руане было налажено производство «первых изданий» французских классиков, пользующихся особым спросом у коллекционеров. В Лионе печатали произведения великого трагика Расина, в Руане — не менее великого комедиографа Мольера. В подделках в соответствии с оригинальными изданиями точно выдерживались страницы, соблюдались шрифты, титульные листы, заставки и виньетки¹. Для того чтобы книги постарели (ведь прошло сто лет со дня их «издания»), их держали над дымом, после чего бумага приобретала нужную желтизну.

В XIX веке мошенники столкнулись с существенными сложностями. Техника развивалась семимильными шагами — бумагу стали делать не из старого тряпья, а из древесины. Но и здесь был найден выход. В Голландии, Германии и Австрии вплоть до Первой мировой войны (1914) сохранилось несколько древних бумажных мельниц, старинным способом производивших «тряпичную» бумагу. Она имела такую же фактуру и окраску, как и бумага прошлых столетий, и напечатанные на ней книги легко вводили в заблуждение библиофилов.

¹ *Титульный лист* — страница (обычно первая), на которой помещают название книги, фамилии авторов, место и год издания. *Заставка* — орнаментальная композиция или рисунок, помещенный в начало раздела рукописной или печатной книги. *Виньетка* — небольшой рисунок или орнамент, украшающий книгу.

Почтенный жулик и сонеты

Книжные подделки в основном заурядны, за ними стоит обычно коммерческий интерес, стремление обмануть покупателя-библиофила. Но известен один случай очень тонкой и неожиданной по своим последствиям книжной мистификации, о которой поведал миру известный американский библиограф и библиофил Э. Э. Уиллоуби в своей книге «О пользе библиографии для изучающих литературу и историю».

Где-то в начале 1930-х годов Уиллоуби впервые приехал в Лондон. Ему захотелось посетить Библиографическое общество, в журнале которого неоднократно печатались его статьи. Здесь он познакомился с пожилым респектабельным джентльменом по имени Томас Дж. Уайз. Это был знаменитый библиограф и библиофил, владелец уникальной коллекции так называемых пробных изданий замечательных английских писателей и поэтов середины и конца XIX века: А. Теннисона, Р. Киплинга, Р. Стивенсона, Ч. Диккенса, У. Теккерея, У. Вордсворта и др.

Пробными изданиями в западной библиографии называются книги, выпускаемые автором для друзей очень маленьким тиражом до выхода основного тиража. Цель таких изданий — вызвать критические замечания, позволяющие автору внести в текст необходимые исправления. И вот Уайзу постоянно везло, ему все время попадались в руки такие уникальные экземпляры. Он был очень состоятельным человеком. В прошлом владел парфюмерной фа-

брикой, а теперь, разбогатев, мог тратить большие деньги на пополнение своей замечательной коллекции. За заслуги в деле пополнения списка книг, изданных авторами викторианской эпохи¹, Уайз был выбран президентом Библиографического общества и награжден золотой медалью этой организации.

Среди его собрания наиболее интересной книгой был сборник под названием «Сонеты Э. Б. Б.», изданный в Рединге в 1847 году. Считалось, что это первый, пробный вариант сборника «Сонетов, переведенных с португальского» Элизабет Браунинг². Это издание, имевшееся у Уайза в нескольких экземплярах, продавалось за очень большую сумму — 1250 долларов.

История книги любопытна. В 1847 году поэт Р. Браунинг совершал со своей женой Элизабет свадебное путешествие по Италии. Как-то утром за завтраком Элизабет сунула мужу в карман какую-то рукопись и, засмущавшись, выскочила из комнаты. Когда Браунинг прочитал ее, то пришел в восторг: это были сонеты, в которых Элизабет рассказывала свою историю любви к супругу. И хотя Элизабет не считала возможным эти стихи опубликовать — они были, по ее мнению, слишком личными, — Браунинг настоял, чтобы рукопись была переслана в Англию подруге Элизабет для дальнейшей публикации. Так и было сделано: подруга напечатала

¹ *Викторианская эпоха* — условное обозначение царствования английской королевы Виктории (1837–1901).

² *Браунинг Элизабет Баррет* (1806–1861) — английская поэтесса, стихи которой отличались социальной проблематикой.

«Сонеты» небольшим тиражом и отправила тираж Браунингам в Италию, чтобы те могли дарить сборники своим друзьям.

«Сонеты Э. Б. Б.» заинтересовали книгопродавцев и библиофилов, хотя некоторые мелкие детали истории, сопровождавшей «Сонеты», несколько смущали. Из сохранившихся писем Р. Браунинга и его друзей было известно, что описанная сцена происходила не в Пизе, а на Луккских горах, и не в 1847 году, а в 1849-м.

Если супружеская чета Браунингов указывала точную дату, то как же могло получиться, что «Сонеты» были напечатаны за два года до рассказанного события?

Этой нестыковкой фактов заинтересовались два молодых библиографа — Картер и Поллард. Они провели тщательное расследование и установили, что пробное издание 1847 года напечатано на бумаге, которую стали изготавливать только с 1874 года, и шрифтами, которые вошли в обращение после 1880 года. Текстологическое изучение пробного издания показало, что оно ничем не отличается от текста, помещенного в полное собрание сочинений Э. Б. Браунинг. Сразу возник закономерный вопрос: зачем надо было тратить деньги на пробное издание, если в основной текст не было внесено ни одной поправки?

Почтенный библиофил обманут, решили молодые исследователи. Более того, он еще и невольно обманул общественность, так как подарил несколько экземпляров «пробного издания» «Сонетов» Британскому музею и несколькими лондонским би-

блиотекам, и теперь этим изданием пользуются исследователи и читатели.

Когда исследователи обратились со своими сомнениями к Уайзу, то почтенный библиофил сообщил им, что экземпляры «Сонетов Э. Б. Б.» он купил у одного из знакомых той самой подруги Элизабет, которая печатала «пробное издание». Этот знакомый умер в 1895 году, так что отвечать за обман некому. Потом Уайз стал утверждать, что «Сонеты» достались ему от другого лица, тоже уже почившего.

Тогда исследователи решили найти место, где были напечатаны «Сонеты Э. Б. Б.» и другие пробные издания Уайза с аналогичной бумагой и шрифтами. В конце концов обнаружилось, где изготовлялись книжные фальсификаты. Это оказалась типография, в которой почтенный Томас Дж. Уайз, секретарь Общества по изучению Р. Браунинга и Общества по изучению П. Б. Шелли, печатал отчеты этих организаций!

Стало ясно, что подделки изготовлял сам Уайз. А пожертвование дубликатов «пробных изданий» крупным библиотекам (что влекло за собой обязательное их включение в библиотечные каталоги) придавало подделкам достоверность.

Но когда молодые библиографы рассказали о результатах своих исследований некоторым крупным библиофилам, те с негодованием отвергли сообщение как оскорбительный навет на безупречного джентльмена. Тогда Картер и Поллард решили опубликовать историю своего расследования. Книгу они называли неброско — «Исследование о природе

некоторых брошюр XIX века». В ней авторы подробно написали о подделках. Они охарактеризовали аферу с пробными изданиями как «жульничество, по своим размерам и по ловкости замысла и выполнения не имеющее себе равных в истории библиографии и библиофильства».

Имя Уайза не прозвучало, но оно уже не было ни для кого секретом.

Уайз скупил все находившиеся в продаже пробные издания и уничтожил их. Но ситуация вышла из-под его контроля, и как он ни пытался обелить себя, ссылаясь на некоего умершего библиофила, репутация его рухнула.

Однако некоторое время спустя библиофилы оценили «подлинные уайзовские подделки», и коллекционеры начали гоняться за ними.

КНИЖНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

У книг, как и у людей, своя судьба. Порой книги «болеют». Едва заметный книжный червь может источить фолиант от корки до корки. Кстати, существует тридцать девять видов таких «книгоедов», и бороться с ними — дело почти безнадежное. Если в доме водятся мыши, то следы их зубов обязательно появятся на книжных переплетах. Из-за солнечных лучей может выгореть обложка, а от избытка влаги на старых изданиях появляется плесень. И все же главный враг книг — сам человек.

Загубленные книги

Книгами порой топили печи, страницами древних изданий и драгоценных рукописей вместо обоев оклеивали стены, заклеивали на зиму окна. Вспомним, как у Пушкина издатель «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» сокрушался, что Иван Петрович «оставил множество рукописей», которые «частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлую зиму все окна ее флигеля заклеены были первою частью романа, которого он не кончил».

В XIV веке один ученый-библиофил, играя в во-лан¹, обратил внимание на то, что его ракетка окле-ена древним пергаментом, покрытым латинскими письменами. Вглядевшись в текст, он обнаружил, что перед ним фрагмент несохранившегося сочинения древнеримского историка Тита Ливия. Библиофил побежал к человеку, изготовившему ракетку. В его мастерской он узнал, что остальные части рукописи также были употреблены на изготовление ракеток и к тому времени бесследно исчезли.

О примере человеческого вандализма в середине XIV века писал страстный любитель книг английский епископ Ричард де Бери, собравший в своей библиотеке около 1500 изданий. Он мечтал, что его собрание попадет в Оксфорд и будет использоваться студентами.

Беспокоясь о судьбе своей уникальной коллекции, епископ с возмущением писал: «Есть школяры, которые настолько изгаживают книги, что лучше б повязали уж себе сапожный фартук и вытирали руки об него, а не о рукописи, расстилая и разглаживая их. А если приглянется им какое-нибудь место в книге, отчеркивают его грязным ногтем. Соломой пользуются для закладок. И над открытой книгой не стыдятся есть сыр и фрукты, размахивать наполненным стаканом. А если под рукой нет сумки, объедки оставляются в книгах. На книги опираются локтями и смятые тем листы разглаживают, сворачивая их в

¹ *Игра в волан* — предшественница тенниса и бадминтона. Волан представлял собой пробку, утыканную перьями; играли в него, перебрасывая волан с помощью ракетки.

трубку вдоль и поперек, нанося книгам неимоверный ущерб. И прежде прочих из библиотеки следовало бы гнать взащей тех, которые, упражняясь в рисовании, марают поля каракулями — причудливыми буковками и мордами животных. Нередки и такие пакостники, которые отрезают поля пергаментов для писем или которые с той же целью вырывают половину форзаца».

А в 1854 году в Египте была обнаружена мумия, заключавшая в себе драгоценное послание из далекого прошлого — использованный для ее набивки папирус со стихами древнегреческого поэта Алкмана (вторая половина VII века до н. э.).

Это один из немногих образчиков творческого наследия поэта, которое, увы, почти полностью утрачено. Можно ли назвать бальзамировщика варваром или мы должны быть ему глубоко благодарны?

После смерти одного из первых русских библиофилов В. Г. Анастасевича¹ вся его бесценная библиотека, включавшая первопечатные книги и древние рукописи, была упакована в кули и свалена в сарай.

¹ Анастасевич Василий Григорьевич (1775–1845) — русский библиограф, издатель журнала «Улей».

Там она пролежала двадцать лет и начала гнить от сырости, после чего решено было выставить ее на торги. Никто из библиофилов не знал об аукционе, на него явились одни маклаки¹ и маляры — им нужна была бумага для обоев. Кули с книгами покупались рабочими по тридцать копеек за пуд². Когда аукцион был уже завершен, о нем узнал один из сотрудников Публичной библиотеки. Он бросился к малярам, но опоздал: почти всё уже пошло в дело. Библиотекарю удалось спасти очень немногое. К своему ужасу, в купленном куле (а их было продано несколько десятков) он обнаружил редчайшие книги.

В 1869 году академик И. И. Срезневский³ обнаружил 166 обгоревших и порванных листков — все, что осталось от сорока восьми древнерусских книг, среди которых оказались издания XI и XII веков. Их фрагменты в течение многих лет служили переплетами, ярлыками и закладками. Ученые пришли к выводу, что книги были похищены шведами в начале XVII века при разграблении новгородских книгохранилищ. Об их уникальности говорит тот факт, что до нашего времени сохранились только две древнерусские рукописные книги второй половины XI века — Остромирово Евангелие и Изборник Святослава, они же и самые древние среди восточнославянских рукописей.

¹ *Маклак* — посредник в мелких торговых сделках, перекупщик, торговец подержанными вещами, старым платьем.

² *Пуд* — старинная русская мера веса, равная 16,38 кг (40 фунтов).

³ *Срезневский Исмаил Иванович* (1812–1880) — русский филолог-славист, этнограф.

Образованные варвары

Удивительно, но подлинными врагами книги часто оказываются образованные люди. Одни собирают только переплеты, другие — титульные листы, третьи вырывают из книг портреты, гравюры и иллюстрации. Такие «коллекционеры» губят книги, стоящие порой целые состояния. Например, в XVIII веке в Париже появилась безумная мода украшать каминные экраны и ширмы цветными иллюстрациями из книг. Можно себе представить, сколько изданий было погублено ради этой модной прихоти.

Подобным «любителем» книг был англичанин Джон Бэгфорд (1657–1716). Человек с прекрасным образованием, видный археолог, он, тем не менее, относился к книгам как истинный варвар. В них его привлекали только титульные листы, которые он без зазрения совести вырезал из библиотечных книг. Украденные титульные листы он снабжал пояснениями, объединял по собственному классификатору и переплетал. Его коллекция титульных листов составила сто огромных томов, которые ныне хранятся в Британском музее.

Русский правовед и известный ценитель искусства Д. А. Ровинский собирал гравированные и литографированные портреты, вырывая их из книг. Свое увлечение Ровинский цинично оправдывал тем, что таким образом он дает возможность интересующимся только этой книгой купить за бесценок дефектный экземпляр.

Некий французский господин имел странную привычку при чтении книг вырезать из нее стра-

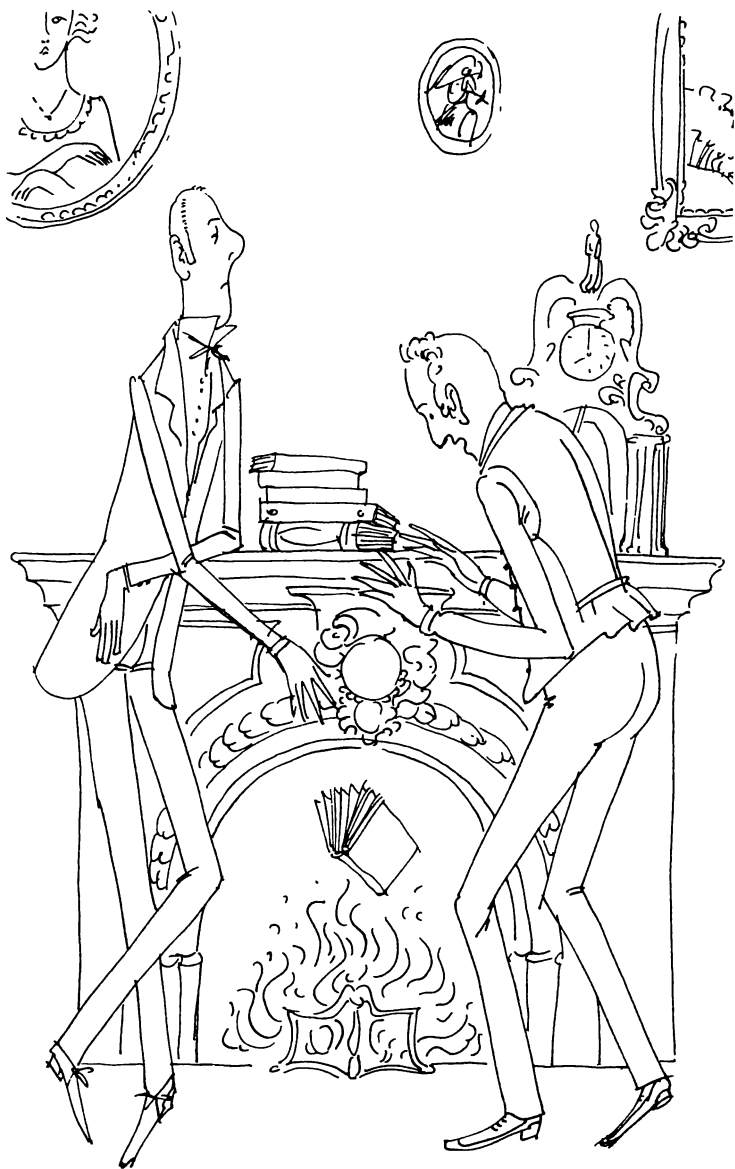
ницы. Это были страницы, с его точки зрения достойные сохранения — так сказать, квинтэссенция прочитанного. Оставшуюся часть книги он просто бросал в огонь. Таким образом из вырванных страниц им была собрана обширная библиотека.

Некоторых собирателей всецело поглощает желание обладать редким изданием, которого больше ни у кого нет. Один английский коллекционер узнал о существовании второго экземпляра книги, которая была у него в коллекции и которую он считал единственной в мире. Этот экземпляр хранился у французского библиофила.

Разыскав коллегу в Париже, англичанин стал упрашивать продать ему книгу. Торг начался с десяти тысяч франков. Парижанин был непоколебим. Но когда цена поднялась до двадцати пяти тысяч, библиофил сдался и протянул книгу гостю. Англичанин отсчитал деньги, взял книгу и... бросил ее в горевший камин. «Вы с ума сошли?» — чуть ли не с кулаками бросился на него француз. «Отнюдь нет, — ответил англичанин, — теперь я уверен, что мой экземпляр действительно уникален. Примите мою наискорейшую благодарность».

Истории подобного рода можно рассказывать до бесконечности. Французский библиофил и писатель П. Лакруа¹ провел специальное исследование и пришел к шокирующим выводам: только за первые двадцать пять лет XIX века жертвой книжного вандализма пало около двух-трех миллионов книг.

¹ *Лакруа Поль* (1806–1884) — французский библиотекарь и автор многочисленных исторических романов.

Но пальма первенства здесь, безусловно, принадлежит XX веку. Вспомним печально знаменитые книжные костры фашистской Германии, тысячи сожженных частных библиотек в дворянских усадьбах во время революции и Гражданской войны в России, регулярные «чистки» в государственных библиотеках на предмет изъятия «вредных» или устаревших книг.

Пример варварского обращения с книгами описал краевед и библиофил А. Ф. Палашенков.

Перед войной Андрей Федорович в качестве научного сотрудника музея приехал в командировку в Тобольск. Там, зайдя по делам в некое учреждение, он с ужасом увидел, что несколько человек выбирают из книжного развала книги и, отрывая от них переплет, бросают книжный блок в одну сторону, переплет — в другую. «Что вы делаете?» — в изумлении спросил Палашенков. В ответ прозвучало: «Устарели, никому не нужны, места занимают много, приказано их сжечь, но перед этим нужно оторвать переплеты, так как картон может пригодиться — все-таки ценный материал...»

При ближайшем рассмотрении оказалось, что это старинные книги из библиотеки Тобольской духовной семинарии, а также из библиотек других учебных заведений города.

Палашенков упросил отдать ему книги для музея. Потом он доставал ящики, грузил спасенное на пароход, истратил на это все деньги, что были при нем, — и казенные, и личные.

Завершил историю весьма показательный эпизод. В Омске некая начальственная дама, куриро-

вавшая музей, попросила показать ей привезенные из Тобольска книги. Посмотрев, она изрекла: «Как мне вас жаль, Андрей Федорович, вы столько потрудились, так умучились, а ведь тут нет ни одной хорошей книги...»

На сегодняшний день эти книги — подлинные жемчужины в собрании научной библиотеки Омского литературного музея.

Книжные страсти

Где проходит граница между библиофилом и библиоманом? Краткий и вместе с тем емкий ответ на этот вопрос дал француз де Кюрель¹: «Библиофил владеет книгами, книги владеют библиоманами».

Страдания библиомана, столкнувшегося с необходимостью одолжить кому-то свою книгу, безмерны. Известный итальянский гуманист XVI века Скалигер повелел высечь на фронтоне своей библиотеки слова «*Ite ad vendentes!*», что в вольном переводе означает «покупайте свои, а мои оставьте в покое».

Скалигер был мудрым человеком. Он знал, что книга, данная кому-то на время, не всегда возвращается к хозяину. Очевидно, так думал и знаменитый художник Мустье², запечатлевший на каждой своей книге изречение «*К черту просящих почтить книгу!*».

¹ Кюрель Франсуа де (1854–1928) — французский писатель и драматург.

² Мустье — французский живописец времен Людовика XIII.

Таких же правил придерживался и писатель Н. С. Лесков, на стене кабинета которого красовалась надпись «*Всё, кроме книги*». В ответ на просьбу друга-приятеля дать почитать книгу из библиотеки Лесков говорил: «Книга — что жена: ее нельзя давать на подержание даже лучшему другу».

Известны истории, завершившиеся для библиоманов трагически. Вот одна из них.

Видный русский издатель А. С. Суворин искал для переиздания экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Летом 1888 года он попросил этот экземпляр у известного библиофила П. В. Щапова. Щапов владел крайне редким изданием «Путешествия», а потому очень им дорожил. После уговоров книга была дана Суворину под расписку на два месяца.

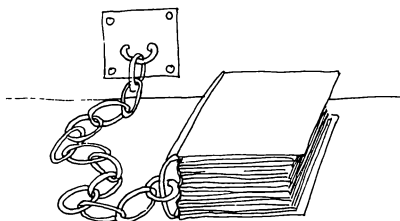
Прошел год, а Суворин так и не возвращал книгу. Щапов заподозрил букиниста в нечестности. На самом деле оказалось, что наборщики суворинской типографии, не предупрежденные хозяином, испортили издание, разобрав его на отдельные страницы, часть которых потерялась. Все это время Суворин искал схожий экземпляр, пока не нашел его и не купил за очень большую сумму. Эта книга была возвращена Щапову, но тот в скором времени умер, измученный переживаниями.

Украденные книги

Страшным врагом книжных коллекций библиотек, особенно крупных, хранящих ценные и редкие

издания, является вор-профессионал. Когда-то, в далеком прошлом, библиотеки спасались от воров простым, но действенным способом: наиболее ценные книги приковывали цепями к стене или читательской стойке. Эти фолианты так и называли: «прикованные книги». Применяли и дополнительные «защитные средства», например проклятия, адресованные книжным вора́м. В Британском музее есть кодекс¹ XIII века, снабженный весьма зловещим пожеланием: «Тот, кто это украдет, пусть умрет страшной смертью; вариться ему в адском котле; болеть ему падучей, сгорать в лихорадке; да будет он четвертован и повешен».

А из университетских библиотек нередко умыкали книги студенты. Возможно, поэтому среди студенчества Западной Европы еще в XIII веке широкое распространение получили экслибрисы², где был изображен повешенный (обычно персонаж фарсов Пьеро). Картинку сопровождал следующий текст, состоящий из смеси французских и латинских слов:

¹ *Кодекс* — рукописная книга из скрепленных вместе воощенных дощечек, папирусных или пергаментных листов, сменившая книги-свитки и ставшая прототипом современной книги.

² *Экслибрис* — виньетка с именем владельца книги, художественно исполненный книжный ярлычок, наклеиваемый на внутренней стороне книжного переплета или обложки.

Aspice Pierrot pendu,
Qui hunc librum n'a pas rendu.
Si hunc librum reddidisset,
Pierrot pendu non fuisset.

Вот, смотри, Пьеро висит,
Тот, кто книгу не отдал.
Если б книгу он вернул,
То в петле бы не висел.

У американских студентов подобные надписи были менее изысканны, но более конкретны:

This book is one, my fist is another.
If you steal this one, you'll feel the other.

Вот моя книга, а вот мой кулак.
Книгу не вернешь — получишь тумак.

Но книги крали и продолжают красть. Порой и добропорядочные люди ступают на путь воровства. Среди подобных историй есть случаи, поражающие воображение как размахом преступления, так и изощренностью похитителей. Такова история итальянского графа Гильельмо Либри де ла Сомайа.

Либри родился во Флоренции в 1803 году, к шестнадцати годам получил университетскую докторскую степень, а в двадцать стал профессором прославленного Пизанского университета. Затем он с семьей уехал во Францию, где продолжил свою блестящую карьеру: стал профессором математики знаменитого Коллеж де Франс, затем — членом Академии, профессором математического анализа в Сорбонне,

получил орден Почетного легиона, сделался редактором «Журнала ученых» и т. д. Словом, почести и награды сыпались на него как из рога изобилия.

С годами Либри стал интересоваться старинными книгами и рукописями. Он переписывался со всеми известными в Европе библиофилами, книжными антикварами, переплетчиками и реставраторами старинных книг. Его замечательная библиотека насчитывала 40 тысяч томов.

А когда в 1841 году было решено составить Генеральный каталог рукописей на древних и новых языках, хранящихся во всех департаментах Франции, руководить этой работой поручили именно Либри.

Наделенный самыми широкими полномочиями, он отправился инспектировать библиотеки Франции и обнаружил, что библиотечные архивы находятся в ужасающем состоянии, начиная с условий хранения и кончая составлением каталогов. Это оказалось ему на руку.

Вначале в одной из инспектируемых Либри библиотек пропало рукописное издание Данте 1408 года, но никто не посмел обвинить в пропаже известного ученого. Затем из парижских библиотек стали регулярно исчезать библиографические редкости. Так продолжалось пять лет, но никто не решался открыто обвинить мошенника. Наконец кто-то в 1846 году все же собрался с духом и отправил государственному прокурору анонимный донос на Либри. Судебные власти не сразу начали расследование. Но к 1848 году страсти вокруг библиотечных краж накалились. Из ограбленных графом библиотек стали приходить такие слезные жалобы, что

4 февраля королевский прокурор передал министру юстиции подробный доклад, обвинявший академика Гильельмо Либри в систематическом и широкомасштабном разграблении национальных сокровищ Франции (точное число похищенных рукописей так и осталось невыясненным, их количество исчисляется несколькими тысячами).

Но начало судебного следствия совпало с февральской революцией 1848 года, отвлекшей внимание общественности от персоны проворовавшегося графа. Либри не стал дожидаться неприятностей и через четыре дня после революции сбежал под чужим именем в Лондон, прихватив с собой жену и восемнадцать огромных ящиков книг.

Продолжение этой уголовной истории носило откровенно фарсовый характер. Во Франции многие известные деятели, среди которых был и Проспер Мериме, развернули кампанию в защиту знаменитого ученого. В правительство было подано прошение о прекращении уголовного дела Либри, невиновного в скандальных кражах раритетов. Петиция была подписана двумя сенаторами, семью академиками, двумя университетскими профессорами и директорами двух библиотек. А в это время в Лондоне шел организованный графом аукцион украденных книг! В каталоге аукциона числилось несколько тысяч редких изданий, совпадавших с составленным во Франции каталогом украденных книг и рукописей.

И все же деньги, полученные графом преступным путем, не принесли ему счастья. Свое огромное состояние он бездарно растратил, а дурная слава сопровождала его всю оставшуюся жизнь.

Дело итальянского графа продолжил Огюст Арман, директор библиотеки города Труа. Кражи там начались спустя два года после «инспекций» Либри. По сравнению с предшественником Арман поставил рекорд — он воровал издания из подведомственной ему библиотеки тридцать лет! Если бы не сторож, заметивший, что его начальник таскает под полой плаща какие-то книги, директор и дальше бы продолжал свое черное дело. Заявление сторожа послужило предлогом для начала расследования. Арман всё отрицал.

Судебные инспекторы не обнаружили в библиотеке ничего подозрительного. И не случайно: мошенник лично заносил книги в главный каталог и не включал в него украденные экземпляры.

Увидев, что главный каталог в полном порядке, эксперты захотели ознакомиться с карточным каталогом. Директор повел комиссию в картотеку, располагавшуюся, в связи с нехваткой помещений, в старом амбаре. Арман знал, что делал. Выяснилось, что карточки были почти полностью съедены мышами, которые с незапамятных времен в обилии водились в амбаре.

Директор уже торжествовал, когда эксперты попросили выдвинуть последний каталожный ящик, который был таким ветхим, что развалился при первом прикосновении. Из него высыпались целые карточки на книги по истории и теологии. Вслед за ними из ящика с испуганным писком выпорхнула сова. Она свила в нем гнездо, и мыши предпочли держаться подальше от такой страшной соседки.

Последовавшее дальше сопоставление найденных карточек с главным каталогом позволило

вскрыть впечатляющую картину хищения книг, продолжавшегося тридцать лет. Директор получил четыре года тюрьмы. Есть что-то мистическое в том, что за кражу книг мародеру отомстила птица Афины Паллады, символизирующая мудрость¹.

Во Франции еще шел процесс над проворовавшимся директором труанской библиотеки, а в России, в Санкт-Петербурге, получило широкую огласку дело об ограблении Императорской Публичной библиотеки, совершенном сверхштатным старшим библиотекарем по отделению богословия, членом Мюнхенской академии, баварским подданным доктором богословия Алоизием Пихлером.

Пихлер родился в 1833 году в Баварии. К середине 1860-х годов стал известным ученым-теологом, но получить достойную должность при баварском дворе ему не удалось, и в 1860 году он отправился в поисках удачи в Россию. В Петербурге ему предложили место старшего библиотекаря по отделению богословия без жалования. Но его и это вполне устраивало. Пихлер обнаружил в библиотеке редкости, о которых и не слышали в самых знаменитых европейских книгохранилищах.

Усердие Пихлера было вознаграждено. Директор библиотеки И. Делянов заметил ученого немца и приблизил его к себе. Они сдружились. Пихлеру разрешили пользоваться служебным каталогом, недоступным для остальных читателей. Затребованные им книги доставлялись в первую очередь.

¹ *Афина Паллада* — в древнегреческой мифологии богиня войны и победы, а также мудрости. Изображалась с совой на плече.

Пихлер использовал оказанное ему доверие на все двести процентов. За два года он вынес из библиотеки более четырех с половиной тысяч редких изданий, хотя некоторые из них весили до 15 килограммов.

Мошенник обзавелся специальной одеждой, в складки которой можно было спрятать целого барана. Чтобы пропажи не хватились, Пихлер ловко изымал из каталогов карточки на украденные книги.

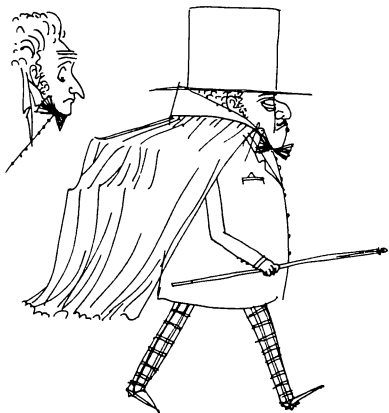
Впоследствии выяснилось, что в день он утаскивал не менее десятка книг, иногда перевыполняя

эту «норму». Служители библиотеки, помня о дружбе Пихлера с директором, смотрели на частые передвижения чудаковатого немца по залам сквозь пальцы.

И все же кое-какие странности в его поведении стали уж слишком заметны. В жару и холод он появлялся в длинном пальто и в

резиновых галошах. До поры до времени это считалось причудой иностранного профессора.

И вот летом 1870 года, когда Пихлер, выходя из библиотеки, взялся за ручку двери, из его багажа выпало несколько тяжелых книг. Пихлер вернул их в надлежащее место. Разумеется, служители поинтересовались, откуда и как возникли эти тома.

Профессор заявил, что брал их для работы на дому, потому что в Европе «везде так делается». Инцидент предали забвению, но от Пихлера потребовали впредь оставлять пальто в раздевалке.

Пихлер объяснил необычность своего костюма тем, что он принадлежит «к числу последователей прославленной Салернской школы» и «это учение предписывает человеку одеваться одинаково в любое время года».

Он согласился оставлять верхнее пальто в гардеробе, но заявил, что впредь будет «надевать под зимнее пальто еще и летнее и оставлять в гардеробе первое, а второе брать с собой в свой кабинет, но не оставлять его в кабинете, а каждый раз уносить с собой». А как же иначе? Ведь в противном случае похищенное некуда будет прятать.

Объяснения Пихлера сочли приемлемыми.

Сошедшие с рук хищения прибавили мошеннику уверенности, хотя он понимал, что рано или поздно счастье может изменить ему. Он заторопился, увеличив дневную «норму выработки».

Один из библиотекарей, не первый месяц наблюдавший за Пихлером, наконец не выдержал, глядя, как немец беззастенчиво расхищает редкие фонды. Он поручил швейцару тщательно прощупать подаваемое Пихлеру пальто. И первый же опыт оказался сверхудачным. На спине пихлеровского одеяния обнаружилась огромная и толстая книга, изданная в Швейцарии в 1686 году. Вслед за ней на свет появились еще несколько книг поменьше.

Этот скандал замять уже не удалось. Служители библиотеки отправились к Пихлеру на квартиру и

там обнаружили несметное количество похищенных книг. Однако на них красовались бумажки с латинской надписью «Ad bibliothecam Pichler» (из библиотеки Пихлера).

Присутствовавший при этом директор библиотеки Делянов спросил немца: что это может значить? Тот начал доказывать, что книги взяты им исключительно для научных занятий. Разговор зашел в тупик, и Делянов решил его закончить. Почтительно проводив расстроенного директора, Пихлер вышел на улицу и... исчез.

В другой комнате пихлеровской квартиры библиотекарей ожидало новое открытие: вся она была забита ящиками с книгами, уже приготовленными к отправке в Германию.

И здесь все следы принадлежности книг Публичной библиотеке были тщательно срезаны или вытравлены, а все издания оказались снабжены пихлеровскими ярлычками. Тут находились издания на всех европейских языках и на самые разнообразные темы. Общим признаком у них было одно — роскошность и высокая ценность переплетов, а также редкость издания. Всего таких томов было свыше 4500!

Вызвали полицию, составили протокол, обнаружив при обыске сотни похищенных Пихлером каталожных карточек. Самой любопытной находкой оказался особо скроенный сюртук с мешком на спине, куда он складывал похищенное.

Пихлер, весь день пробродив по городу, решил все же ночью вернуться домой и был задержан бдительным дворником.

Директор Публичной библиотеки проявил милосердие. Он объявил Пихлеру, что единственная возможность избежать суда и тюрьмы — чистосердечное раскаяние в содеянном. Мошенник тотчас написал письмо на имя Делянова, где указал общее количество похищенных им книг и просил, не передавая дела в суд, позволить ему вернуться в Германию.

Но суд все-таки состоялся. Вердикт присяжных был единодушен: Пихлера приговорили к «лишению всех особых прав состояния» и ссылке.

В самом конце 1871 года Пихлер по этапу был отправлен в Сибирь. Весной 1873-го поверенный в делах Баварии в России обратился к русскому императору с просьбой помиловать баварского подданного. Ходатайство возымело действие, и в конце года Пихлер возвратился на родину.

Опозоренный и больной Пихлер прожил всего полгода. 22 мая 1874 года он скончался от апоплексического удара.

Его пример другим наука? Увы, и в наши дни книги из Публичной библиотеки продолжают похищать.

Коллекционер-убийца

Порой страстные коллекционеры книжных раритетов совершали настоящие преступления, вплоть до убийства.

Нашего следующего героя звали дон Винцент. Он был монахом одного из испанских монастырей,

но в 1836 году, когда его монастырь был закрыт, он бежал в Барселону, прихватив с собой часть книг из монастырской библиотеки. В городе дон Винцент сменил монашескую рясу на светскую одежду и занялся торговлей книгами, которые страстно любил.

Дон Винцент обладал удивительным чутьем антиквара, помогавшим ему сразу распознавать уникальность книги или рукописи и определять ее истинную стоимость.

Однажды на аукцион был выставлен драгоценный, считавшийся единственным в мире экземпляром латинского указника¹, напечатанный в 1482 году. Торг разгорелся нешуточный, цена за книгу перевалила далеко за тысячу франков.

Дон Винцент вынужден был отступить, а счастливым обладателем старинного издания стал Августин Патсхот, тоже страстный коллекционер-библиофил и торговец книгами.

Наш герой ушел с аукциона, бормоча проклятия. Но недолго уникальная книга радовала своего нового хозяина. Не прошло и двух недель, как книжный магазин Патсхота сгорел дотла, а сам хозяин при этом погиб. Полиция решила, что произошел несчастный случай. Дело отправили в архив.

Но вскоре оказалось, что это лишь начало целой серии убийств. Все преступления имели общий «почерк»: жертвы были людьми, преданными науке, и большими любителями книг. Тогда барселонская полиция вспомнила о доне Винценте.

¹ *Указник* — сборник законов и указов.

Во время обыска в его лавке обнаружили тот самый латинский указник.

Вскоре были найдены другие улики, и преступника тут же арестовали. На вопрос судьи, как он дошел до такого чудовищного душегубства, убийца невозмутимо заявил: «Люди смертны. Немного позже, немного раньше — не все ли равно — Господь при-

зовет к себе всех. А хорошие книги бессмертны, и заботиться нужно только о них».

Дон Винцент был приговорен к смерти.

Контрафактные книги

Как бы богата и щедра ни была нива, на ней обязательно заведутся и сорняки. И литература в этом смысле не исключение.

Стоило утвердиться понятию «авторство», как вслед за ним возникло такое явление, как контрафакция¹. Книгу не крадут в буквальном смысле сло-

¹ *Контрафакция* (франц. contrefaction — подделка) — незаконное использование чужих товарных знаков и эмблем, нарушение авторских прав.

ва, ее просто перепечатывают незаконным образом, не заботясь о правах автора и издателей.

В первой половине XIX столетия самым популярным французским писателем был Бальзак, слава которого перешагнула пределы Франции.

Знали и читали Бальзака в России. Способствовал этому издававшийся в Петербурге журнал «Revue Etrangere» («Иностранное обозрение»), что-то вроде нашей нынешней «Иностранной литературы». Журнал знакомил русского читателя с французскими книжными новинками.

Парижский издатель Дюфур отправлял в Петербург материалы, готовившиеся к публикации во Франции. Многие книги в российской столице издавались в то же время, что и в Париже, или даже раньше.

И вот в 1835 году в петербургском журнале был напечатан новый роман Бальзака «Лилия долины», это была точная перепечатка рукописи, полученной из Франции.

Тут необходимо уточнить, что для Бальзака рукопись была тем же, чем для художника является эскиз будущей картины. Писатель всегда нещадно правил ее, и после четвертой или пятой правки текст обычно имел мало сходства с первоначальным вариантом. Наличие нескольких правок всегда было одним из главных условий при заключении договора между автором и издателями.

В случае с «Лилией долины» оно было нарушено.

В Петербург отправили практически не исправленную рукопись, которая для французского писателя была только черновиком.

Бальзак был взбешен. Текст действительно нуждался в доработке, и даже название произведения было переведено неточно. У автора книга называлась «Лилия в долине». Но и это еще не всё. В городе на Неве текст романа набрали без деления на главы. Выделена почему-то была только одна вторая глава, но зато неизвестно откуда появилась еще одна, которой не было у Бальзака. Такую публикацию писатель назвал «верхом предательства и трагикомизма».

Негодование его было столь сильно, что он подал на издателя в суд. Решение было вынесено в пользу Бальзака.

Но жизнь непредсказуема. Бывало и так, что «пиратское» издание оказывалось благом — если не для автора, то хотя бы для многих поколений читателей. Шекспир, надо полагать, не собирался печатать свои сонеты. А английский издатель Томас Торп, не заботясь об интересах автора и не уведомляя его, опубликовал «Сонеты» в 1609 году.

Не сделай он этого, мир, скорее всего, не узнал бы о существовании такого литературного шедевра. Правда, издатель определял порядок расположения сонетов в книге, руководствуясь исключительно какими-то собственными соображениями, и, по мнению многих шекспироведов, хронология их написания была кое-где нарушена. Но все равно, благодаря Торпу, который преследовал только собственную сиюминутную выгоду, потомки оказались в выигрыше.

А КНИГИ ГОРЯТ И ГОРЯТ...

Судьба книг на протяжении всей истории человечества никогда не была легкой. Они были слишком хрупкими и ранимыми для того, чтобы пережить многочисленные войны, пожары и стихийные бедствия. Да и в мирное время отношение человека к книге зависело от многих вещей. Это и политика сильных мира сего, и религиозные убеждения, да и уровень грамотности, наконец. Пожалуй, мы дошли до самой печальной главы в нашей книге, ведь речь в ней пойдет о книгах, по ряду причин безвозвратно утраченных человечеством.

Жертвы войн и стихий.

Печальные даты в истории книг

Первые книжные собрания возникли очень давно. Наиболее древний фрагмент египетского папируса¹ с иероглифами датируется приблизительно 2400 годом до н. э. В Древнем Египте появились и первые библиотеки.

¹ *Папирус* — травянистое растение и изготавливавшийся из него в древности и в раннем Средневековье (вплоть до VIII века н. э.) писчий материал, а также рукописи на этом материале. Папирус делали, складывая внахлест полоски, нарезанные из сердцевины стебля, и высушивали на солнце под плоским камнем.

Выглядели они совсем иначе, чем нынешние. Стеллажей там не было. Папирусные свитки хранились в узких стенных нишах или же в деревянных коробах на четырех ножках. На одном папирусе, каким бы он ни был длинным, целая книга не умещалась. Для этого приходилось использовать несколько папирусов. Например, для «Одиссеи» Гомера их потребовалось около двух с половиной десятков.

Но войны, пожары и наводнения привели к тому, что от бесценных памятников письменности до нас дошли жалкие крохи. Самое большое богатство человека — знания, накопленные веками — оказалось незащищенным перед временем и стихиями. В истории книги было немало печальных дат. И вот только некоторые из них.

Одна из крупнейших библиотек древности была основана в Александрии в начале III века до н. э. во время правления царя Египта Птолемея II. С годами Александрийская библиотека разрасталась и была названа одним из чудес света.

При Клеопатре, последней царице Египта, в стране не было мира. Между Клеопатрой и ее братом Птолемеем XII шла борьба за власть. Рим в лице Цезаря¹ поддержал Клеопатру. Военные корабли Птолемея блокировали римское войско в Александрии. Однако недаром Цезаря считали великим полководцем: он сумел поджечь корабли, сгрудившиеся в тесном порту.

¹ *Гай Юлий Цезарь* (ок. 100–44 до н. э.) — римский полководец, диктатор. Был убит заговорщиками — сторонниками республики.

Пожар был столь силен, что перекинулся и на город. Так в 48 году до н. э. погибла знаменитая Александрийская библиотека. Античные авторы называют разное количество уничтоженных огнем книг — от 40 до 700 тысяч. По подсчетам современных исследователей, наиболее вероятной является первая цифра, но и это количество для тех времен просто колоссально.

В просвещенном Риме процветали искусство и литература. Но в городе несколько раз бушевали сильные пожары. Из-за плотной застройки от малейшей искры часто выгорали целые кварталы. Папирусы же в таких случаях горели особенно хорошо.

Таким образом человечество лишилось многих уникальных литературных памятников, среди которых 109 произведений Плавта, вся поэзия Цицерона, большая часть «Сатирикона» Петрония, 107 из 142 книг римской истории Тита Ливия, из 500 томов «Естественной истории» Плиния Старшего¹ осталось только 37 и т. д.

А в 79 году н. э. стихийное бедствие обрушилось на города Помпеи и Геркуланум: началось извержение вулкана. Помимо людей и животных, погибших под брызгами лавы и горячим пеплом, которые выбрасывал Везувий, канули в небытие и

¹ *Плавт Тит Макций* (середина III века до н. э. — около 184 года до н. э.) — римский комедиограф; *Цицерон Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — римский политик, оратор и писатель, сторонник республики; *Петроний Гай* (?—66 н. э.) — римский писатель-сатирик; *Ливий Тит* (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк; *Плиний Старший* (23 или 24 — 79 н. э.) — римский писатель и ученый.

многие сотни книг, содержание которых нам неизвестно.

В середине XVIII века начались раскопки Геркуланума. Среди окаменевших человеческих останков и утвари ученые обнаружили непонятные обгоревшие предметы цилиндрической формы, напоминающие короткие палки. Сначала археологи принимали их за свернутые рыболовные сети и просто выбрасывали.

Потом кто-то догадался развернуть один из таких цилиндров, и стало ясно, что это — книга. Однако из-за сильных повреждений восстановить и прочесть удалось лишь два процента имевшихся в наличии «палочек».

Еще в III веке н. э. император Константин Великий повелел создать библиотеку, которая уже с момента своего возникновения насчитывала 7 тысяч самых разных книг. К 475 году их было уже около 120 тысяч.

В 1204 году Константинополь был взят крестоносцами. Особую ненависть у них вызывала книжная ученость византийцев, поэтому книги крестоносцы просто жгли.

День 29 мая 1453 года стал самым черным в истории Византии. Константинополь пал под натиском турок. Три дня продолжались резня и разграбление. Победители жгли и ломали все, что попало под руку, в том числе и книги. Очевидец свидетельствовал: «От отделанных с невероятной роскошью молитвенников отрывали покрывавшие их драгоценные металлы, потом их либо продавали в таком

изуродованном виде, либо выбрасывали. Они швыряли в пламя все миниатюры и поддерживали ими огонь в своих кухнях».

В Европе во время крестьянской войны в Германии (1524–1526) восставшие уничтожали ненавистные господские замки и монастыри, а в первую очередь всё, что было связано с письмом. Во всех рукописях и книгах они видели только одно — записи их постоянно растущих долгов владельцам господских и монастырских угодий, поскольку были поголовно неграмотны.

В 1527 году Карл V, император Священной Римской империи, по совместительству и испанский король Карлос I, намеревался под знаменем католицизма основать «мировую христианскую державу». Объединив немецкие и испанские войска, он двинулся было на турок, но неожиданно свернул на Рим, который и предал огню и мечу. Один из приближенных Карла V с гордостью докладывал: «Мы опустошили Рим и сожгли большую часть города... уничтожили всю работу копиистов, все акты, письма и государственные документы».

Книги с «двойным дном»

Сегодня нам трудно даже представить себе, сколько книг было утеряно из-за банальной нехватки писчего материала. Зачастую старые тексты просто удалялись (большей частью смывались или скабливались), а на очищенных листах делались

новые записи. Рукопись, написанная поверх прежнего текста, называется *палимпсест*. В античном мире существовали палимпсесты на папирусах; широкое распространение получили палимпсесты на пергаменте.

Сколько замечательных греческих и римских сочинений уступили место какому-нибудь собранию скучнейших аббатских проповедей!

Большинство палимпсестов было изготовлено в VII–IX веках, материалом для них служили главным образом рукописи V–VI веков. Старые тексты уничтожались разными способами, но добиться полного их исчезновения не удавалось (чернила проникали в пергамент очень глубоко).

Поэтому современные методы палеографии позволяют восстановить первоначальный текст. Но работа по обследованию многих тысяч сочинений средневековых авторов, рассеянных по сотням библиотек, настолько обширна и трудоемка, что практически не ведется.

Приказано уничтожить: книги и политика

Автор капитального исследования «Книги в огне. История бесконечного уничтожения библиотек» Люсьен Поластрон отмечает: «...С первых веков эры, называемой нашей, прирожденная и несколько рискованная склонность античной власти к нанесению вреда постепенно уступает место организованному абсолютизму, стремящемуся придушить в зароды-

ше любые интеллектуальные блуждания. Ранние христиане (или евреи), как впоследствии и мусульмане, были людьми одной книги¹, а это убеждение часто влекло за собой презрение ко всем другим и даже их уничтожение».

Так, в 303 году римский император Диоклетиан издал приказ об уничтожении христианских храмов и книг. Но, уничтожая чуждые им книги, римляне охладевали и к собственным. Им стало не до литературы и наук. Северные варвары со всех сторон теснили Римскую империю, уничтожали города и библиотеки.

Приверженцы христианства тоже истребляли наследие предков. В конце VI века папа Григорий I приказал уничтожить сохранившиеся сочинения прославленных римских авторов — Тита Ливия, Цицерона и многих других, дабы они не могли впредь смущать души истинно верующих.

На протяжении многих столетий библиотеки на Западе состояли всего из нескольких томов, запрятанных в тяжелые сундуки и извлекаемых из них в редчайших случаях. Книги в буквальном смысле были драгоценными. Их переплеты, украшенные золотом и камнями, стоили весьма дорого, а труд переписчиков и иллюстраторов всегда оплачивался очень щедро. Книги старались спрятать подальше от врагов и воров. Иной раз и сами владельцы забывали, куда их поместили. В X веке книги одного из римских пап были захоронены столь тщательно, что они истлели, забытые всеми.

¹ То есть исповедовали Библию, Тору или Коран.

Особое место в средневековых библиотеках занимали богатые еврейские книгохранилища. В них преобладали медицинские либо мистические сочинения (Авиценна, Гиппократ, наряду с Аверроэсом, не говоря уж о Библии и Талмуде¹). Большая часть этих книг, с точки зрения господствующей христианской церкви, противоречила Библии.

В 1239 году папа Григорий IX издал секретный циркуляр, в котором приказывал всем монахам и прелатам Франции, Испании, Англии и Португалии собрать еврейские книги и передать их на рассмотрение специальной комиссии, которая должна была определить их «вредность».

Первыми откликнулись французы: даже не потрудившись как следует ознакомиться со всеми «богопротивными» книгами, они немедленно устроили торжественное сожжение четырнадцати возов иудаистской литературы (1242). Потом это аутодафе повторялось еще несколько раз, последний случай имел место в Париже в 1309 году.

Почти при всех средневековых монастырях имелись библиотеки и скриптории — мастерские по переписыванию священных текстов.

Но английский король Генрих VIII в XV веке отверг власть папы и объявил себя главой английской церкви. При этом он закрыл около восьми сотен монастырей, не признававших его, конфисковал все их имущество, а стало быть, и библиотеки, которые в его глазах не представляли особой ценности.

¹ *Талмуд* — собрание религиозных и правовых положений иудаизма, сложившееся в IV веке до н. э. — V веке н. э.

Когда знаменитый автор «Декамерона» Джованни Боккаччо попросил в одном из монастырей разрешения посетить скрипторий, ему сказали: «Ступайте, там открыто». Войдя в мастерскую, он увидел, что между пюпитрами для переписывания книг растет трава и дождь льет прямо на книги.

Король Англии Эдуард VI пошел по стопам Генриха, приказав в 1550 году уничтожить «рукописи старого учения». Богатейшую Вестминстерскую библиотеку усердно очистили от всяческой «скверны», из Оксфорда книги вывозили целыми подводами, причем среди «опальных» изданий оказались даже математические трактаты.

Книги, которые почему-либо были неугодными властям, публично сжигали. Тянулось это так долго, что лондонцы начали жаловаться: из-за гари от костров в центре города стало нечем дышать.

А в XV веке Козимо Медичи¹, правивший Флоренцией, собрал библиотеку, вызывавшую зависть у всех книжников, и основал «Публичную библиотеку рода Медичи». Его дело продолжил внук — Лоренцо Великолепный, не только библиофил, но и поэт.

Но Савонарола², обличавший власть имущих и призывавший народ к аскетизму, всемерно способствовал падению авторитета рода Медичи и разграб-

¹ *Медичи* — влиятельный флорентийский род, правили Флоренцией (с перерывами) в XV–XVIII веках. *Козимо* (1389–1464), *Лоренцо Великолепный* (1449–1492) — главные представители рода.

² *Савонарола Джироламо* (1452–1498) — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции, противник Медичи и римского папы. Доминиканцы — католический монашеский орден, основанный в XIII веке для борьбы с ересью.

лению тех художественных сокровищ, которые они собирали.

В 1497 году по приказанию Савонаролы, ставшего неофициальным властителем всего края, на площади Синьории во время карнавала зажгли большой костер. По мановению руки неистового монаха в него полетели картины и рисунки прославленных мастеров, театральные принадлежности и столь хорошо горевшие книги: произведения греческих и латинских классиков, а заодно и современных авторов.

Но дни Савонаролы, замахнувшегося на авторитет самого папы, были уже сочтены. Он был отлучен от церкви, повешен и сожжен на той же самой площади.

Иногда смертный приговор выносился одновременно и книге, и ее автору, а последний, проведая об этом, сразу же пускался в бег. В таких случаях проводилась символическая «казнь». Имя сочинителя писали на табличке, которую палач (есть свидетельство, что так делали в Вене) пригвождал к виселице.

Хотя во Франции в 1546 году, на одной из парижских площадей все же сожгли известного ученого и типографа Этьена Доле, который был другом французского писателя Франсуа Рабле.

*Джироламо
Савонарола*

Спустя двадцать лет в Париже был приговорен к сожжению на костре другой ученый и типограф, Анри Этьен, написавший «Апологию¹ Геродота» — яркую сатирическую книгу, направленную против церкви. Вовремя предупрежденный друзьями, он успел покинуть столицу и отсиделся в горах, где тогда стояли довольно сильные морозы.

Позднее Этьен с юмором истинного француза вспоминал: «Никогда не мерз я так, как во время моей казни на костре в Париже».

Шло время, а книги все еще продолжали жечь. В Германии сожжение «вредных» фолиантов проходило весьма помпезно.

Сохранился документ, в котором очень подробно описана церемония их сожжения во Франкфурте (1758).

«Господин главный судья огласил публике верховный указ и отдал приказ палачу достойным образом сжечь... подлые книги, что послужило знаком шестнадцати мушкетерам под командой младшего лейтенанта образовать в целях безопасности... круг... в центре которого пучком соломы палач поджег костер высотой в три фута², и потом, когда костер уже горел, с помощью своих подручных он разрубил все четыре связки книг и, пачками вырывая из них страницы, стал швырять их в огонь, где они съезживались и сгорали на глазах множества зрителей, как местных, так и приез-

¹ *Апология* — восхваление, защита.

² *Фут* — мера длины, около 30 см.

жих, расположившихся в окнах домов, которые окружают площадь».

В XVIII веке во Франции свершилась Великая французская революция. Самыми распространенными лозунгами в это время были «Свобода, равенство, братство!» и одновременно «Аристократов — на фонарь!». И как всегда, при революциях любого масштаба, разрушались дворцы, а стало быть, уничтожались книги.

В 1791 году Учредительное собрание Франции решало: нужно ли использовать бесконечное множество книг на общую пользу или лучше совсем избавиться от них? Поскольку Учредительное собрание вскоре было распущено, проблема так и осталась нерешенной.

Официальную религию упразднили, а монастырские библиотеки конфисковали, чтобы избавиться от «хлама», то есть от религиозных сочинений любого рода. Книги, конфискованные из королевской и монастырских библиотек, расхищали все, кому не лень. Антиквары и дельцы черного рынка, местные и иностранные авантюристы за гроши приобретали редчайшие издания, которые несколько лет назад стоили целое состояние.

Один из русских послов в Париже приобрел для Екатерины II такие издания, нынешняя цена которых просто не поддается исчислению.

При Наполеоне I Бонапарте истребление книжных сокровищ прекратилось. Более того, французы вывозили книги из всех захваченных стран. Бонапарта трудно было заподозрить в библиофильстве, но рыночную ценность редких книг он знал хорошо.

Однако в XIX веке книжное богатство Франции вновь понесло потери. Бонапартистский режим пал, была создана Парижская коммуна. На улицах Парижа шли бои. Начались пожары. От трех прославленных парижских библиотек (Государственного Совета, Ратуши и Лувра) остались одни руины.

Костры испанской инквизиции

А теперь вновь вернемся к событиям XVI века, вошедшего в историю как век испанской инквизиции.

Европу эпохи Возрождения отличали, с одной стороны, небывалый расцвет всех искусств, с другой — религиозный фанатизм, огнем и мечом истребляющий все проявления свободной мысли.

На Латеранском соборе 1515 года была утверждена папская булла¹, в которой недвусмысленно говорилось о том, что уничтожению подлежат все сочинения, «переведенные с греческого, древнееврейского, арабского или халдейского как на латинский, так и на народные языки, книги, содержащие искажения вероучения и вредоносные догмы... равно как и клеветнические пасквилы против особ высокого ранга».

Самой исполнительной среди европейских католических стран оказалась Испания, где инквизиция просуществовала до самого начала XIX столетия. Официально ее упразднили только в 1834 году.

¹ *Булла* — грамота, постановление или указ римского папы, скрепленные круглой печатью.

В конце XV века под предлогом очищения от «скверны» иноверия из Испании были изгнаны сначала евреи, а потом и мавры¹.

В 1499 году около трех тысяч мусульман были насильственно крещены, а их книги были торжественно преданы огню.

В те годы книги стали чем-то вроде лакмусовой бумажки для выявления иноверцев и еретиков. Достаточно было уличить богатого купца или аристократа в чтении запрещенных книг — и его ждал костер, а имущество казненного переходило в королевскую казну. Список запрещенных «еретических книг» дополнялся чуть ли не ежемесячно, и уследить за пополнениями было практически невозможно.

В испанских портах трюмы кораблей, прибывавших из других стран, первыми досматривали не таможенники, а уполномоченные представители инквизиции — они искали еретические сочинения.

В 1556 году все книжные лавки Севильи в одночасье были опечатаны. На долгое время книжная торговля прекратилась, ибо все, что стояло на полках, тщательно пролистывалось.

Двадцать профессоров университета в Саламанке должны были проверить университетскую библиотеку и изъять сочинения запрещенных авторов. Почтенные ученые несколько месяцев изучали тома разных размеров и величин. Для перестраховки они

¹ Мавры (от греч. *mauros* — «тёмный») — мусульманское население Пиренейского полуострова и западной части Северной Африки.

порой выбраковывали книги, безупречные даже с точки зрения инквизиции.

К 1517 году инквизиция добралась и до Нового Света (Америки), чтобы не упускать из виду европейских переселенцев. Но эмигранты привезли с собой не так много книг, а вот у инков, майя, ацтеков, к удивлению завоевателей, их оказалось полно. Правда, вид у туземных книг был необычный.

Бумагу индейцам заменяли довольно плотные листы из коры белой ивы или измельченного и особым образом обработанного кактуса. Эти листы складывались гармошкой или прошивались насквозь. Вместо букв на них наносили стилизованные изображения животных, черепов и искаженных лиц. Туземные книги содержали сведения по истории и мифологии местных племен, а также астрономические знания.

Один вид этих необычных книг вызывал у инквизиторов раздражение и отвращение. Колдовские непонятные знаки без раздумий отправлялись в огонь!

Один из ревнителей католицизма тех лет писал, что хранители веры ознакомились с индейскими рукописями, но «поскольку не оказалось ни одной, где не было бы суеверий да бесовских выдумок, сожгли все до единой, что очень сильно их (туземцев. — *Авт.*) потрясло и причинило им большое горе».

И это продолжалось, пока от уникальных книг не остались жалкие крохи, над расшифровкой и изучением которых в наше время трудится не одно поколение ученых.

На родине бумаги

Бумагу и примитивное книгопечатание изобрели в Китае. Самые древние тексты, печатавшиеся с гравированной деревянной доски, датируют началом VIII века. А как «жились» книгам в Поднебесной? Не так уж и просто, если задуматься...

Собственно письменность в Китае появилась в XIV веке до н. э. К сожалению, сохранившиеся до наших дней тексты представляют собой в основном лишь предсказания гадателей. Подлинные памятники древней китайской литературы датируются 800 годом до н. э.

Вплоть до II века до н. э. в Китае писали на бамбуковых пластинках или деревянных дощечках, перевязанных шнурками. Они горели очень хорошо...

Борьба с инакомыслием в Китае началась в 221 году до н. э., когда единоличным правителем всей страны стал Цинь Шихуанди¹, добившийся власти коварством и жестокостью. Он провозгласил себя императором и основал династию Цинь.

Чтобы подданным не с чем было сравнивать социальное и политическое состояние страны в настоящем и прошлом, император повелел уничтожить все исторические хроники, философские трактаты и классическую литературу.

В итоге оставили лишь историю династии Цинь, благо она была краткой, трактаты по сельскому

¹ Цинь Шихуанди (259—210 или 208 до н. э.) — создатель жестко централизованного китайского государства, противник конфуцианства и науки.

хозяйству и медицине, а также «Книгу перемен» (сборник пророчеств), поскольку император был крайне суеверен.

К всеобщей радости, император жил недолго. После его смерти в стране началось повальное увлечение филологией и философией.

Основатель новой династии (Хань) Лю Бан¹ признавал пользу наук. Более того, он был уверен, что миром владеет тот, кто владеет книгами. Сейчас этот тезис звучит несколько иначе («информация» вместо «книги»), но его суть осталась неизменной.

Мысль была хороша, но реализовать ее Лю Бану не удалось. Уже в 207 году до н. э. в результате сражения с очередным претендентом на трон столица запылала. Сколько при этом погибло книг, неизвестно.

Проходили века: одни писали книги, другие их собирали и читали, а третьи с энтузиазмом уничтожали...

Так, император Юань Ди², прилежно собиравший книги, в 554 году уже новой эры, когда его столица была окружена неприятелем, сам поджег 140 тысяч свитков. Созерцая полыхающие источники мудрости, он пришел в такое возбуждение, что, колотя по колоннам дворца двумя своими мечами, начал кричать: «Этой ночью одновременно с военной гибнет и гражданская культура!»

¹ Лю Бан (247–195 до н. э.) — китайский император, выходец из низов, взявший власть в результате народного восстания.

² Юань Ди — император династии Лян, правивший в 552–555 годах.

А в 1772 году император Цяньлун¹ задумал создать образцовую библиотеку. По государственным и частным архивам начали собирать все редкие книги, как рукописные, так и печатные. Были сделаны изящные шелковые переплеты, цвет которых обозначал принадлежность книги к той или иной тематике: религиозные произведения — зеленый, исторические — красный, философские — синий. То, что не попадало ни в одну из рубрик, переплеталось в серый цвет.

Намерение императора было достойно всяческой похвалы и уважения, если бы не одно «но». Он не забыл напомнить, что книги, в которых будет сказано что-либо против его династии, «нужно отложить, чтобы уничтожить огнем».

В результате 11 июня 1778 года в Пекине был разожжен огромный костер из изъятых книг. И это зрелище китайцы могли наблюдать целых двадцать четыре раза, вплоть до 1782 года.

Император Цяньлун

¹ Цяньлун (1711–1799) — император Маньчжурской династии Цин.

Наступил просвещенный XIX век — век пара и электричества, железных дорог и колониальных экспансий. Китай, кроме последнего, все это не слишком затронуло. Страна была вновь захвачена пламенем гражданских войн. В китайскую междоусобицу вмешались европейцы. Уже в 1860 году французы и англичане помогли императору подавить восстание, разумеется, с выгодой для себя.

Европейцы грабили китайские дворцы. Они не разбирались в иероглифах, бесценные памятники литературы их не интересовали, мародеры забирали себе драгоценные камни, золото и всевозможные редкости. А редчайшие книги гибли в огне и воде.

Библиотеки Востока

Раннее европейское Средневековье (V–X века) называют «Темным» потому, что народы этой эпохи в основном не имели своей письменности и практически не оставили о себе рукописных свидетельств.

Иное дело — средневековый исламский Восток. Здесь книга, особенно в каллиграфическом исполнении, почиталась и читалась, что способствовало созданию целой сети библиотек для всеобщего потребления.

Первая библиотека была основана в конце VII века в Багдаде при халифе Халиде ибн Язиде ибн Муавия, который сам характеризовал себя так: «Я не ученый и не невежда, я только коллекционировал книги».

В багдадской библиотеке хранились сочинения Аристотеля, Платона, Гиппократы, Галена, Евклида и других греческих и латинских авторов. А при прославленном в сказках «Тысячи и одной ночи» Гаруне аль-Рашиде¹ на завоеванных землях первоначально изымались книги, которые потом передавались в багдадские библиотеки.

В начале IX века даже возникло правило: «Ни в каком случае не следует уничтожать книги, не зная, что они содержат». Но отношение к книге было неоднозначным. Так, главной страстью халифа Кордовы аль-Хакима II (X век) было коллекционирование книг. Он не просто приумножал свои книжные собрания, но и заботился о том, чтобы каждый взявший в руки книгу мог сразу же понять, о чем в ней говорится, — по тем временам неслыханное нововведение.

По повелению халифа на титульном листе каждого тома сообщалось полное имя автора, несколько слов о нем и названия других его произведений, если такие имелись. А книг в его библиотеке было более 600 тысяч. Для сравнения отметим, что самые известные библиотечные собрания в Европе того времени насчитывали не более тысячи названий.

Покровительство аль-Хакима II книжному делу способствовало процветанию профессии переписчиков и книжной торговле. По некоторым данным, в Кордове было не менее семидесяти женщин, которые зарабатывали на жизнь, переписывая книги

¹ *Гарун аль-Рашид* (763 или 766—809) — халиф из династии Аббасидов.

на заказ. А сколько же тогда было переписчиков мужского пола?

*Писец. Фрагмент
миниатюры*

Халиф собирал не только арабские книги. Его интересовали сочинения на греческом, латинском, иврите...

Это были времена, гревшие душу всех любителей наук и искусств. А потом халифом стал изворотливый и беспринципный Ибн Абу Амир, сохранившийся в людской памяти под именем аль-Мансура или Альмансора...

Альмансор счел, что власть важнее культуры, и всенародно предал огню библиотеку, которая бе-

режно пополнялась его предшественниками. Прямо во дворе книгохранилища запылал огромный костер, в который полетело все, что не укладывалось в религиозно-идеологические рамки, — работы по логике, искусству, астрономии и уж тем более античные авторы.

Уцелели только немногие труды по лексикографии, грамматике и законам наследования. То, что пощадил огонь, побросали в колодцы, засыпав сверху грязью и камнями.

Книг, предназначенных к уничтожению, было так много, что Альмансору немалую часть пришлось

«помиловать», а затем продать. Вырученных средств хватило, чтобы заплатить долги его наемной охране.

В конце X столетия один из министров багдадского султана построил специальное роскошное здание для своего книжного собрания, которое насчитывало свыше 10 тысяч богато иллюстрированных томов. Услугами этой библиотеки пользовались многие ученые и просто любители истории, поэзии и науки, причем нередко посетители и сами дарили библиотеке редкие рукописи и книги.

Все шло очень хорошо, вот только страну время от времени сотрясали междоусобные схватки между шиитами и суннитами¹. К власти попеременно приходили то одни, то другие.

В 1059 году победила суннитская ветвь, а владелец самой большой библиотеки в Багдаде, на свою беду, принадлежал к шиитам. Фанатики осадили дом, где размещались книги, и подожгли его. Уцелело очень немногое...

Немало библиотек существовало и в Каире. Особой известностью пользовался «Дом мудрости», созданный еще в 1005 году. Количество книг по всем отраслям знания, хранившихся здесь, было столь велико, что только томов по астрономии насчитывалось 6500.

¹ *Шииты и сунниты* — последователи различных направлений ислама. Шииты признают только Коран и отвергают устные предания. А сунниты, кроме Корана, признают сунну — мусульманское священное предание о поступках и изречениях пророка Мухаммеда.

Пользоваться сокровищами «Дома мудрости» мог каждый желающий. Здесь не только вникали в суть прочитанного, но и переписывали книги, а также устраивали публичные диспуты по разным отраслям знаний.

Но ничто не вечно... Процветанию библиотеки «Дома мудрости» пришел конец, по историческим меркам довольно скорый.

С 1065 по 1072 год Египет изнемогал в борьбе с природой. Все эти годы разлив Нила был столь мал, что сельское хозяйство Египта пришло в полный упадок¹. Голод и анархия воцарились в стране.

Халифу стало не до книг, он думал только о том, как сохранить хотя бы призрак власти. Даже халифские жены просили на улицах милостыню, хотя и подавать-то было некому. Турецкие наемники, которым не из чего было выплачивать жалование, разграбили сокровища «Дома мудрости» и по дешевке продавали их любому, кто еще был в состоянии интересоваться книгами.

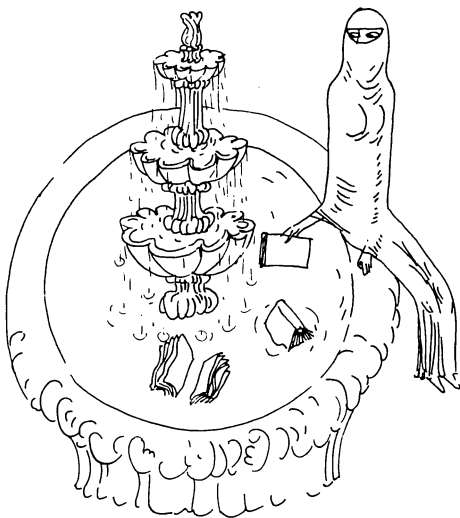
Караван верблюдов, перевозивший около 40 тысяч томов, подвергся нападению одного из полудиких берберских племен. Для этих разбойников книги не представляли никакой ценности. Они раздирали роскошные кожаные переплеты и делали из них примитивные сандалии, а книжные листы бросали в костры, на которых готовили еду. Книг было

¹ Если бы не Нил, Египет с его засушливым климатом был бы почти непригоден для жизни. Разлив Нила происходил ежегодно и был основой земледелия египтян. Затопляемые территории были очень плодородны благодаря илу, являющемуся великолепным удобрением.

так много, что из их пепла возник целый холм, быстро засыпанный песком пустыни. И долго еще это возвышение называлось Холмом книг.

Сохранилась трогательная легенда о судьбе одной из каирских библиотек. Одно из самых великолепных книжных собраний Египта принадлежало принцу из династии Фатимидов, Махмуду аль-

Давла ибн Фатима. Принц был поэтом и страстным любителем книг, много времени проводил в своей библиотеке. Был он счастлив и в семейной жизни, но внезапно умер в сравнительно молодом возрасте. А его скорбящая супруга приказала собрать

все его книги во внутреннем дворе и, запев погребальную песню, стала одну за другой бросать их в бассейн: по ее мнению, именно они лишили жизни принца, а потому подлежали уничтожению.

Суровый XX век

Еще в XIX веке В. Г. Белинский завидовал «внукам и правнукам», которые будут жить через сто лет. Чарльз Диккенс в 1850 году был уверен, что

живет в эпоху «социальных чудес». Н. Г. Чер-
романе «Что делать?» (1863) рисовал картины пре-
красного будущего, в котором каждый получит
возможность стать гармоничной личностью.

И вот долгожданный XX век наступил — начались
новые войны. В июле 1915 года немцы разгроми-
ли небольшой французский городок Сен-Вааст, где
были сосредоточены книги и рукописи окрестных
монастырей, и около 50 тысяч редких изданий пре-
вратилось в пепел. Восстановленное и реконструиро-
ванное в последующие годы книгохранилище вновь
пострадало от немецких фугасов в 1940 году.

Всего же в годы Второй мировой войны только в
одной Франции девятнадцать муниципальных би-
блиотек и две университетские потеряли два мил-
лиона томов. В других странах количество утра-
ченных книг превышало десятки миллионов. 150
тысяч томов погибло только при бомбежке англий-
ского города Ковентри.

«Тысячелетний рейх» возник под знаменем уни-
чтожения книг. Уже через четыре месяца после
вступления Адольфа Гитлера в должность канцле-
ра Германии началось сожжение произведений не-
угодных писателей. Были сожжены книги Ремарка,
Цвейга, Тухольского, Осецкого¹ и многие другие,
неугодные Гитлеру.

¹ *Ремарк Эрих Мария* (1898–1970) — немецкий писатель,
автор антивоенных романов; *Цвейг Стефан* (1881–1940) —
австрийский писатель-новеллист; *Тухольский Курт* (1890–
1935) — немецкий писатель-антифашист; *Осецкий Карл фон*
(1889–1938) — немецкий публицист-антифашист, погиб в
концлагере.

В Польше в 1939 году немцы забрали наиболее ценные издания, все остальное было уничтожено. 102 библиотеки Варшавы и Кракова остались пустыми.

А в оккупированной Чехословакии осенью 1942 года немецкое командование предписало изъять из библиотек произведения чешских писателей, как современных, так и прошлых веков. Изъятию также подлежали книги еврейских авторов и переводы на чешский язык любых английских, французских и русских литераторов.

Вот что докладывал в вышестоящие инстанции оберштурмбанфюрер доктор Форстер, когда немцы уже стояли перед Ленинградом: «В Царском Селе... изъята библиотека, содержащая от 6 до 7 тысяч изданий на французском и более 5 тысяч русских книг и рукописей... Мы собрали богатую жатву в библиотеке Академии наук Украины, где находилось сокровище из редчайших манускриптов персидской, абиссинской и китайской литературы, летописи России и Украины, первые книги, выпущенные первым русским печатником Иваном Федоровым... В Харькове несколько тысяч ценных изданий в роскошных переплетах были конфискованы в библиотеке Короленко и отправлены в Берлин. Все прочее уничтожено».

Будет ли XXI век более счастливым для книг? Перестанут ли сокровища человеческой мысли подвергаться уничтожению? Время покажет... По крайней мере, в это хочется верить.

ЛЮДИ И КНИГИ

Библиофильство, или любовь к книгам — увлечательнейшее хобби, требующее помимо любви к печатному слову разносторонних знаний и особого чутья. О библиофилах написаны десятки книг и сотни статей.

Расскажем и мы о нескольких людях, посвятивших свою жизнь книгам.

Первый российский библиограф

Сильвестр Медведев (1641–1691) по современным меркам прожил немного — всего 50 лет. Для XVII века это был вполне почтенный возраст, а в случае Медведева — целая эпоха.

Известно, что он родился он неподалеку от Курска. Где и как обучился грамоте, никто не знает. С шестнадцати лет юноша служил писарем. Сметливый и трудолюбивый молодой человек приглянулся начальству (грамотных и деловых людей тогда очень не хватало), и Медведева перевели в Москву в чине подьячего Приказа тайных дел¹. В этом

¹ *Приказ тайных дел* — один из органов управления Московского государства, учрежден около 1658 года царем Алексеем Михайловичем для наблюдения за деятельностью других органов власти, послов, воевод, бояр и думских людей. Вел

приказе, помимо охраны государственных тайн, занимались проверкой всех изданий московского Печатного двора¹, основанного еще в XVI веке. Новые богослужебные книги сперва сравнивались с «образцовыми», а затем рассылались по всем церквям взамен устаревших изданий, которые из-за ветхости изымались из обращения.

В Москве Медведев познакомился и подружился с выдающимся писателем и педагогом Симеоном Полоцким², наставником царевичей Алексея и Федора, а также царевны Софьи³. Двдцатичетырехлетний Медведев также обучался у Полоцкого латыни и грамматике. Занимался он старательно. За три года выучил латинский, греческий, немецкий и польский языки, усвоил риторику и пиитику⁴, познакомился с всемирной историей, философией и богословием.

расследования по важнейшим делам и был упразднен после смерти царя. *Подъячий* — помощник дьяка, писец, служащий приказов и других государственных учреждений России в XVI–XVIII веках.

¹ *Московский печатный двор* — крупнейшая русская типография, основанная в XVI веке. В 1721 году она была передана Синоду и существовала до 1917 года.

² *Полоцкий Симеон (Ситнянович-Петровский)* (1629–1680) — монах-католик, поэт, драматург, переводчик; один из предводителей «латинского» направления в просвещении и богословии в Москве 1670-х годов.

³ *Алексей* (1654–1670), *Федор* (1661–1682), *Софья* (1657–1704) — дети Алексея Михайловича, второго царя династии Романовых (1629–1676).

⁴ *Риторика* — искусство красноречия. *Пиитика* (устар.) — искусство стихосложения.

Карьера Медведева шла в гору. А потом в его судьбе произошел неожиданный поворот. Встреча с настоятелем Молченской пύстыни (небольшого удаленного монастыря) полностью изменила его жизнь. Медведев отошел от всех дел и стал жить в монастыре.

Слухи об удалившемся от мира библиографе распространились по всей округе, и к нему стали приезжать «алчущие мудрости и учености» посетители. Дороживший своим уединением Медведев перебрался в еще более удаленный монастырь, чтобы заниматься научными изысканиями и писать без помех. Так прошло пять лет.

Слух о «чернце великого ума и остроты ученой» дошел и до царя Федора, который привлекал умных людей. По его приказу Медведев возвратился в Москву и поселился рядом со старым знакомым — Симеоном Полоцким.

Он вновь занялся книгами и начал собирать собственную библиотеку, которая к концу его жизни составила около тысячи томов на русском, греческом, латинском и польском языках. Кроме богословских трудов в ней содержались работы по истории, географии, математике, медицине, юриспруденции. Многие книги

хранили пометы владельца, свидетельствующие о его размышлениях над прочитанным.

Всю свою жизнь Медведев посвятил работе с книгой. Он готовил к изданию сочинения своего покровителя Полоцкого, редактируя их, а иногда и дополняя. В те годы существовала Верхняя (личная) типография царя Федора, в которой печатались исключительно светские книги. Там Медведев работал вместе с Симеоном Полоцким.

Официально должность Медведева называлась «справщик Печатного двора». Обязанности справщика были многообразны: научное редактирование, цензура и вместе с тем корректорская работа. Справщиками Печатного двора были самые просвещенные люди XVII столетия. Среди них в первую очередь можно назвать Кариона Истомина¹.

Медведев трудился не покладая рук, приобретал книги для библиотеки Печатного двора, вел активную общественную жизнь, отстаивал необходимость культурных и политических контактов с европейскими странами. Но он так и не забыл годы, проведенные в монастыре.

В 1675 году Медведев постригся в монахи и стал настоятелем Заиконоспасского монастыря в Москве. В 1682 году он основал при монастыре школу. Затем написал несколько богословских трактатов.

¹ *Истомин Карион* (конец 1640-х — 1717) — один из первых московских просветителей, ученик Симеона Полоцкого, монах, литератор, автор многих педагогических трудов (в том числе «Книги вразумления», «Арифметики», «Малого букваря» и «Большого букваря»).

У Медведева был незаурядный поэтический дар, и, несмотря на духовный сан, он стал придворным поэтом. Сторонясь дворцовых интриг и не требуя наград и почестей, Сильвестр Медведев заслужил благосклонность царевны Софьи и ее фаворитов — князя В. В. Голицына¹ и окольничего Ф. В. Шакловитого².

Кроме того, за это время Медведев создал уникальный библиографический труд «Оглавление книг, кто их сложил». Благодаря ему на Руси появилась первая «книга о книгах», содержащая информацию о двухстах памятниках славяно-русской письменности. В «Оглавлении» излагались краткие содержания древних книг и давались основные сведения об их авторах или переводчиках. Эта научная работа позволяет нам считать Сильвестра отцом славяно-русской библиографии.

Когда Софья лишилась власти, ее приближенные попали в опалу. Опасаясь репрессий, Медведев бежал в один из смоленских монастырей. Настоятелем там был некий Варфоломей, когда-то получивший это место с помощью Медведева. Здесь Сильвестр надеялся отсидеться и пережить тяжелые времена.

¹ *Голицын Василий Васильевич* (1643–1714) — дипломат, глава Посольского приказа и фактический глава русского правительства во время регентства царевны Софьи. Сослан Петром I в Архангельский край.

² *Шакловитый Федор Леонтьевич* (середина 1640-х — 1689) — государственный деятель, активный сторонник возведения на престол царевны Софьи, организатор стрелецкого бунта против Петра I. По приказу последнего был казнен. *Окольничий* — второй после боярина чин Боярской думы.

Однако именно Варфоломей донес в Москву, где укрывается его благодетель. И вот в начале осени 1689 года Сильвестра заковали в оковы и отправили в Москву. Суд над ним был скорым и неправым. После двухлетнего заточения его казнили.

Сочинения опального литератора были объявлены богопротивными, библиотека конфискована и растеряна. Но его «Оглавление книг...», на которое равнялось не одно поколение знатоков и любителей книги, пережило века.

Английский коллекционер

Из России XVII столетия перенесемся в Англию конца XVIII века.

В 1792 году у не слишком богатого землевладельца родился сын. Малыш был незаконнорожденным. Отец признал и взял мальчика к себе только потому, что других наследников у него не было. О детстве и юности Томаса Филипса (так звали нашего героя) ничего не известно. Мы знаем только, что рос он в благоустроенном доме, среди зеленых холмов Уэльса.

В 1811 году юный Томас по желанию отца поступил в знаменитый Оксфордский университет, чтобы стать юристом. Чем занимался юноша целых три года, история умалчивает, но страсть к коллекционированию книг появилась у Филипса именно в годы учебы.

Он посылал отцу купленные книги и рукописи в надежде, что тот оплатит его расходы. Но Филипс-

старший не одобрял такой траты денег и возмущался расточительностью сына.

Томас был человеком не без способностей, но наука его не интересовала. Все силы и знания он отдавал любимому увлечению — поиску и приобретению книжных сокровищ.

Завершив образование, в 1820 году Филипп женился на дочери обедневшего баронета и сам получил дворянский титул. Другого приданого за невестой не было, так что с деньгами у новоиспеченного аристократа было туговато. Но это не помешало Филиппу вместе с молодой женой отправиться в путешествие по Европе. Перво-наперво они поехали в Париж, Мекку всех книжников тех лет.

Революция и Наполеоновские войны разрушили во Франции многие дворянские гнезда, в которых столетиями накапливались книжные и рукописные собрания. Обнищавшие потомки знатных родов за гроши распродавали старинные документы и фолианты. Лавочки парижских букинистов ломились от рукописей и книг, продававшихся чуть ли не на вес.

При виде этого у Филиппа разгорелись глаза. Он покупал все, что ему предлагали, забывая о своих возможностях и не думая о будущем.

Его уютный некогда дом постепенно превратился в склад старых бумаг и книг. Жена, на которую сэр Филипп перестал обращать внимание, не выдержав одиночества и нужды (на все, что не относилось к книгам, он выдавал считанные шиллинги), скончалась, оставив трех дочерей.

Дочери подрастали, но книжное собрание Т. Филиппа росло значительно быстрее и часто пополня-

лось уникальными экземплярами. Филиппс скупал все подряд, но не успевал ни классифицировать, ни тем более исследовать приобретенное, как полагается настоящему коллекционеру. Новые тома и рукописи громоздились друг на друге, покрываясь пылью и плесенью. Но никто, кроме хозяина, не смел к ним прикасаться.

Возникает вопрос: зачем нужно столько рукописей и книг, если их владелец многие свои находки не мог даже прочесть, так как не знал языков? Вот что писал по этому поводу сам Филиппс: «Моя цель состояла не только в том, чтобы добыть замечательные рукописи для себя самого, но поднять общественную их ценность, чтобы... больше рукописей сохранилось».

Коллекционер не лукавил: к началу 1830-х годов он завел полезные знакомства почти со всеми европейскими антикварами, книготорговцами, государственными библиотеками и аукционными фирмами. Он везде делал крупные заказы, не считаясь с ценами, и, разумеется, вскоре увяз в долгах.

Филиппс постоянно сокращал хозяйственные расходы. Даже на воспитание и образование детей средств у него не находилось.

И тогда наш герой нашел простейшее решение своих финансовых проблем — вновь женился. Он выбрал жену с приличным приданым и небольшим годовым доходом.

Как и в первом браке, внимания жене с годами уделялось все меньше. Коллекция Филиппса настолько разрослась, что даже в спальне супруги не осталось места, не заполненного коробками, ящи-

ками, пакетами и связками рукописей. Вдобавок ко всему, коллекционер при каждом удобном случае отбирал у жены горничную, используя ее для составления каталогов. Немудрено, что однажды жена уехала на курорт и больше не вернулась.

Мужа это не особенно задело. Он наслаждался созерцанием своих сокровищ. К 1840 году у него скопилось более десяти тысяч рукописей и пять с половиной тысяч редких книг.

И все же Филипса нельзя назвать скупым рыцарем, в одиночестве созерцающим свое богатство. Он охотно предоставлял ученым разных стран возможность знакомиться со своим собранием, только почему-то не пускал католиков.

Филипс был почти счастлив. Он стал владельцем несметных сокровищ, общался с интересными для него людьми, рекламировал свое собрание, печатая каталоги и воспроизводя некоторые рукописи.

Беда пришла к коллекционеру с неожиданной стороны. По завещанию его отца родовое поместье со всем имуществом переходило, минуя Филипса, к наследнику мужского пола. У Филипса сыновей не было, владеть всем должен был сын одной из его дочерей.

Но сэр Томас нашел выход. Он влез в новые долги и купил дом в Лондоне, чтобы перевезти туда свою библиотеку. Летом 1864 года началось великое переселение, для чего понадобилось 230 лошадей и 160 носильщиков.

Томас Филипс оставил несколько завещаний, причем во всех вариантах присутствовало главное условие — библиотека не должна покидать своего

места, ни один документ или книга не будут проданы наследниками.

Тем не менее, в 1885 году внук Т. Филиппа начал распродавать с аукциона книжные сокровища деда. В ходе торгов было сделано немало научных открытий. Филипп часто и сам не осознавал, чем владеет.

Маниакальная любовь к книгам отдалила Филиппа от близких, сделала его черствым и эгоистичным, но собранная им библиотека оказалась поистине уникальной.

Плохой поэт и прекрасный издатель

Во всех странах и во все времена было немало графоманов. Расскажем о человеке с неоправданно большими литературными амбициями, оставившем, тем не менее, заметный след в истории русского книгоиздания.

Николай Еремеевич Струйский (1749–1796) принадлежал к старинному дворянскому роду и служил в привилегированном лейб-гвардии Преображенском полку¹. Струйский и его жена в 1772 году удостоились чести быть запечатленными знаменитым живописцем Ф. С. Рокотовым. Кисть художника донесла до нас облик сухощавого молодого человека с жестким и властным взглядом.

¹ *Преображенский полк* — старейший элитный полк гвардии Российской империи. Создан Петром I в 1687 году как «потешный». Участвовал во многих военных кампаниях. Расформирован в 1918 году.

Он был человеком незаурядным и образованным, владел несколькими иностранными языками, знал древнюю историю и мифологию, неплохо разбирался в точных науках. Последним в XVIII столетии мало кто мог похвастаться.

После отставки Струйский поселился в родовом имении Рузаевке, что в Пензенской губернии. Возможно, его жизнь мало чем отличалась бы от быта большинства русских помещиков, но тут начался пугачевский бунт, и многочисленные родственники Николая Еремеевича один за другим погибли от рук восставших.

Струйский унаследовал несколько поместий, стал очень состоятельным человеком и начал обустроить Рузаевку. По проекту самого Растрелли¹ он возвел в ней роскошный для провинции дворец и окружил его земляным валом с караульными сторожками. Струйский построил на свои средства две церкви, несмотря на то что одна церковь в Рузаевке уже была.

В отличие от других богатых помещиков, Струйский не завел гарем, не увлекся псовой охотой, не стал еженедельно давать балы и званые обеды. В нем пробудилась неодолимая тяга к стихотворству, хотя стихи — и это понимали все — были никудышными.

«Поэт» мечтал увидеть свои творения в напечатанном виде. Но никто его вирши публиковать не

¹ *Растрелли Варфоломей Варфоломеевич* (1700–1771) — знаменитый русский архитектор итальянского происхождения, автор проекта Зимнего дворца в Петербурге.

желал. Тогда он решил завести собственную типографию (благо средства это позволяли), чтобы издавать самого себя. А муза его была крайне плодотворна: элегии, оды, эпитафии, эпиталямы и т. п. текли из-под пера Струйского одна за другой. Но все стихи звучали примерно так:

Ерот в мой век меня любил,
Ерот мне в грудь стрелами бил...

И все-таки Струйский добился известности и прославился, но не собственными поэтическими экзерсисами, а качеством их издания. Он привлек к сотрудничеству ведущих графиков¹ и граверов² своего времени, отдал в обучение нескольких крепостных, чтобы они овладели переплетным искусством, а других определил в наборщики³.

Николай Еремеевич со своими крепостными и домочадцами обращался не просто строго, но даже жестоко. Жил он замкнуто, почти никого не пускал в свой кабинет, который гордо называл Парнасом⁴. Он имел многочисленное потомство, но тратил капитал только на усовершенствование типографского дела.

¹ *График* — художник, рисующий в основном линиями и штрихами, в черно-белом цвете.

² *Гравер* — художник, вырезающий или вытравливающий рисунки на твердой гладкой поверхности (металл, стекло, дерево) с целью дальнейшего получения многочисленных отпечатков на бумаге (гравюр).

³ *Наборщик* — рабочий типографии, набирающий текст из отдельных букв (литер).

⁴ *Парнас* — гора, в древнегреческой мифологии место обитания Аполлона и муз.

Из рузаевской типографии выходили уникальные книги. Тиражи были мизерными — лишь по несколько экземпляров каждого издания. Сочинения Струйского печатались на драгоценной «александрийской» бумаге¹, на атласе и шелке. Переплеты, сделанные из кожи, поражали знатоков своей красотой и роскошью. Изысканные шрифты сопровождались причудливыми виньетками и иллюстрациями.

Такие книги было не стыдно дарить самой императрице, что Струйский регулярно и делал. Екатерина II стихи его, разумеется, не читала, но щедро одаривала знатных иностранных гостей, не понимающих ни слова по-русски, драгоценными изданиями. Вот, дескать, как далеко в наше царствование шагнуло просвещение: даже в захолустье печатают настоящие шедевры. Старания Струйского были вознаграждены: императрица пожаловала его бриллиантовым перстнем. Хозяин рузаевской типографии так искренно благоговел перед именем своей августейшей покровительницы, что, получив известие о ее кончине, слег сам и через несколько дней умер.

Никакой корысти, издавая свои опусы в таком роскошном виде, Струйский не преследовал. Тем,

¹ *Александрийская бумага* — один из древних сортов книжной бумаги, используемой на Руси. Вероятно, эта бумага изготовлялась в Александрии (Египет) и попадала в Россию из Греции. Александрийская бумага напоминала современную ватманскую, но была более мягкой и тонкой. В XIX столетии она по-прежнему изготовлялась вручную и применялась для дорогих иллюстрированных и малотиражных изданий.

кто был ему приятен, он с легкостью дарил драгоценные издания. После его смерти рузаевские книги стали библиографическими редкостями, за которыми охотились русские и иностранные коллекционеры. Сейчас эти раритеты есть лишь в центральных книгохранилищах России. По словам В. С. Пикуля, «Струйский был прав в одном: “Книга создана, чтобы сначала поразить взор, а уж затем очаровать разум”. Разума он не очаровал, но поразить взор оказался способен».

Парижский пушкинист

Завершая рассказ о людях книги, вспомним еще одного замечательного книголюба.

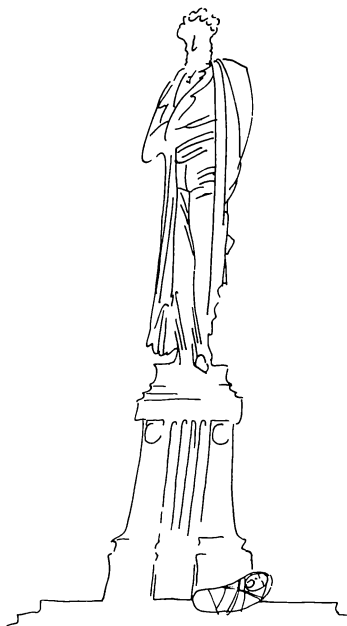
Александр Федорович Отто родился в 1845 году. Рассказывая о своем появлении на свет, Отто часто шутил, что его нашли прямо у памятника Пушкину. Он и в самом деле был подкидышем, вот только памятника Пушкину тогда еще не существовало, он появился в Москве только в 1880 году.

По слухам, Александр Федорович был незаконнорожденным сыном кого-то из ближайших царских родственников. Кого именно, так и осталось тайной. Никаких отношений с августейшей семьей у него не было. Фамилию Отто он получил от своей крестной матери и воспитательницы.

Жизнь мальчика была довольно обеспеченной, он учился в привилегированной петербургской гимназии, а в юности довольно много путешествовал по России.

В 1869 году Александр Отто побывал в Швейцарии, Франции, Германии и Англии.

К 1872 году главным увлечением его жизни стала русская литература, и прежде всего творчество и личность А. С. Пушкина. Собирать всё относящееся к поэту (книги, рукописи, рисунки, картины и т. п.) Александр Федорович начал еще в 1860-е годы. Его старый товарищ Павел Васильевич Жуковский, сын В. А. Жуковского, после смерти отца подарил коллекционеру 75 никому не известных рукописей Пушкина.

В 1877 году тридцатидвухлетний Отто уехал в Париж. Там он стал литературным секретарем И. С. Тургенева, с которым познакомился еще во время своего первого путешествия по Европе.

Именно в это время Отто захотел сменить фамилию. Поскольку объектом его преклонения по-прежнему был Пушкин, наш герой недолго думая решил стать... Онегиным. В те годы сменить фамилию или имя было очень непросто, для этого требовалось специальное высочайшее разрешение. Только в 1890 году Отто было позволено подписываться в официальных документах «Онегин».

Тем временем щедрый друг снова передал Онегину бесценные документы, касавшиеся дуэли и смерти Пушкина, несколько сотен томов с автографами Гоголя, Языкова, Дельвига и Баратынского. К Онегину перекочевал огромный массив материалов из архива самого В. А. Жуковского, а также часть архива И. С. Тургенева.

Все это легло в основу музея, который постепенно рос и расширялся. Чтобы получить средства на дальнейшее пополнение своего собрания, Онегин продал бóльшую часть библиотеки Жуковского Томскому университету.

Скромная парижская квартира Онегина превратилась в один из первых музеев, связанных с Пушкиным и его эпохой. Этот музей стал для нашего пушкиниста делом всей жизни. Семьи он не завел, знакомства его ограничивались литераторами и коллекционерами. На вопрос одного из посетителей музея, где же начинается его собрание, Онегин ответил: «Вот кровать, на которой я сплю, — это не музей, а все прочее — музей».

В. Я. Брюсов¹ писал, что Онегин охотно показывал желающим пушкинские рукописи, «но только издали и каждый листок на одно мгновение... чтобы нельзя было прочесть ни слова (а то запомнят наизусть, да и напечатают!). Точно так же в печати из своих сокровищ А. Ф. Онегин оглашал лишь немного, ровно настолько, чтобы возбудить интерес к своему собранию, но не обесценить его».

¹ Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) — русский поэт-символист.

Свою коллекцию Онегин пополнял до конца дней. В ней сосредоточивались книги, принадлежавшие Пушкину и Жуковскому, прижизненные издания писателей пушкинского круга, журналы и альманахи первой трети XIX века, вырезки из газет на разных языках, где что-либо упоминалось о Пушкине, и многое, многое другое.

К старости Онегин все чаще стал задумываться о судьбе своих раритетов, ведь наследников у него не было. Помнили об этом и в России. В 1908 году недавно созданный Институт русской литературы Академии наук (Пушкинский Дом) командировал своего представителя для переговоров о приобретении коллекции.

По договору, кроме 10 тысяч рублей, которые Онегин употребил на последние приобретения, ему обязались выплачивать ежегодную пенсию в 6 тысяч золотых рублей.

Скончался Онегин на восьмом году существования советской власти, завещав весь капитал (600 тысяч франков) и все свое книжное собрание Пушкинскому Дому. Отношения СССР с Францией в те годы были весьма натянутыми, и Франция обложила наследственный капитал таким огромным налогом, что оставшихся денег хватило только на оплату перевозки самой коллекции на родину.

Сегодня эта коллекция занимает достойное место в библиотеке и Литературном музее Пушкинского Дома, являясь незаменимым источником информации для пушкинистов и филологов России и других стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книги способны принести человеку неоценимую пользу или навредить. Кого-то они могут возвеличить (порой совершенно безосновательно), а чье-то имя на века окажется очерненным, попав однажды на печатные страницы; из-за книг люди идут на преступления и совершают благородные поступки... И, несмотря на многочисленные споры о дальнейшей судьбе книги в истории человечества, думается, что люди уже не смогут без нее обойтись.

Это знали еще наши предки. Древнерусский летописец считал, что «Великая польза бывает от книжного учения. Книги — реки, напоющие Вселенную мудростью. В книгах — несчетная глубина, ими мы в печали утешаемся...». А в XVII столетии неизвестный автор, полностью соглашаясь с ним, написал: «О книга, свет, зажженный в сердце! О зеркало нашей плоти! Учит она добродетели и изгоняет грехи; она — венец мудрецов, товарищ в пути и друг очага, утеха больных, советник и спутник правящих миром; кладезь душистый изысканной речи, сад, отягченный плодами, цветочный узор полей и лугов; послушно приходит, когда позовут, всегда под рукою, всегда угождает она, и коль спросишь, немедля ответит; вскрывает она потайные печати и тьму разгоняет; в неудаче — помощник, в удаче гордыню смиряет она».

Не секрет, что в век научного прогресса современные технологии начали было теснить книгу.

Однако усвоить сущность и тонкости родного языка, понять его основы без чтения невозможно.

Конечно, телевидение и компьютер давно уже стали для нас незаменимыми источниками информации, но когда необходимо расслабиться и отдохнуть, сбросить с плеч груз дневных забот, открыть для себя новый удивительный мир и просто помечтать, хочется взять в руки книгу и уютно устроиться с ней в любимом кресле.

Оглавление

Вместо предисловия	5
Глава I. Кто и когда все это написал, или Книжные загадки	6
Глава II. Без вины виноватые	35
Глава III. Автора! Автора!	60
Глава IV. Потаенные имена	107
Глава V. Фальшивые книги	121
Глава VI. Книжные преступления	151
Глава VII. А книги горят и горят	175
Глава VIII. Люди и книги	202
Заключение	220

Научные развлечения

Мещеряков В. П., Сербул М. Н.

Книжные тайны, загадки, преступления

*Для среднего и старшего
школьного возраста*

Главный редактор В. Мещеряков
Выпускающий редактор О. Афанасьева
Художественный редактор Е. Васильева
Заведующий производством Н. Москаленко
Корректоры А. Князева, В. Ахметьева
Верстка А. Шведовой
Художник А. Сас

Директор Группы компаний
«Издательский дом Мещерякова»
А. Мещерякова

Подписано в печать 20.12.2010. Формат $84 \times 108 \frac{1}{32}$.
Гарнитура SchoolBook. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,78.
Тираж 5000 экз. Заказ № 942.

Издательский Дом Мещерякова
107078, Москва, ул. Новая Басманная, д. 23, стр. 2, к. 213
Телефон: (499) 265-32-08
E-mail: ids@idmkniga.ru
www.idmkniga.ru

Отдел реализации: тел./факс (499) 267-66-58

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

IDMI

ISBN 978-5-91045-270-5

9 785910 452705